

Г. Е. Псал'мовъ.

**ГЕРВАСИЙ ПСАЛЬМОВ:
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА**

Коллективная монография

ББК
П

Издание подготовлено в рамках научно-исследовательского проекта
«Сочинения Гервасия Псальмова: подготовка текста, исследование, комментарий»
№ 13-14-67002, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного
фонда по результатам регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое,
настоящее, будущее» 2013-2014 годов

Рецензенты:

Ермоленко Г.Н., доктор филологических наук, профессор;
Котова Э.Л., кандидат филологических наук, доцент;
Матаненкова Т.А., кандидат филологических наук, доцент.

Гервасий Псальмов: проблемы творчества: коллективная монография / Отв.
ред. Л.В. Павлова. – Смоленск: Свиток, 2014. – 152 с.

ISBN

В настоящее издание вошли статьи о жизни и творчестве поэта Гервасия Ефремовича Псальмова (1848 – 1900), подготовленные участниками исследовательской группы, усилиями которой имя и произведения одаренного самородка, уроженца смоленской земли, возвращены читателю: в 2013 году вышел в свет сборник избранных стихотворений автора (Гервасий Псальмов. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013). Работы филологов В.С. Ковалевой, Л.В. Павловой, И.В. Романовой, игумена Хрисанфа (Шадронova), педагога М.В. Туберозовой, художника В.И. Чертковой, составившие данную коллективную монографию, посвящены различным аспектам творческой биографии автора и особенностям его поэтического мира. Это своего рода развернутый научный комментарий к произведениям Г.Е. Псальмова.

Книга предназначена для широкого круга читателей, как специалистов, так и любителей литературы.

ББК

ISBN

© Авторы, 2014
© Оформление. Издательство «Свиток», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

- Живу на свете я не даром*: о Гервасии Псальмове, событиях его жизни и смысле творчества (*игумен Хрисанф (Шадронов), Л.В Павлова*).....
- Сельская школа в жизни и стихах Гервасия Псальмова (*игумен Хрисанф (Шадронов), Л.В. Павлова, М.В. Туберозова*).....

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ, НАХОДКИ, ЗАГАДКИ

- Опыт реконструкции творческой биографии Г.Е. Псальмова (*игумен Хрисанф (Шадронов), Л.В Павлова*).....

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КОМПОЗИЦИЯ, ТЕМАТИКА, ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА, ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

- В душе мечтатель и поэт*: образ автора в лирике Гервасия Псальмова (*Л.В. Павлова*).....
- Переводы богослужебных текстов в творческом наследии Гервасия Псальмова (*игумен Хрисанф (Шадронов), Л.В. Павлова*).....
- Поэтические переложения церковных песнопений Гервасия Псальмова (*игумен Хрисанф (Шадронов)*).....
- Особенности поэтического языка Гервасия Псальмова (*И.В. Романова*)....
- Горе горькое в «Песнях горя» Г.Е. Псальмова (*В.С. Ковалева*).....
- Лирическая коммуникация в стихотворениях Гервасия Псальмова (*И.В. Романова*).....
- Обращения в поэзии Г.Е. Псальмова (*В.С. Ковалева*).....
- Синтаксический перенос в лирике Гервасия Псальмова (*И.В. Романова*).....

НА ПУТИ К ЧИТАТЕЛЮ: ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

- Этапы и особенности работы над новым изданием сочинений Г.Е. Псальмова (*Л.В. Павлова*).....
- Об оформлении книги «Гервасий Псальмов. Стихотворения» (*В.И. Черткова*).....

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

ЖИВУ НА СВЕТЕ Я НЕДАРОМ: О ГЕРВАСИИ ПСАЛЬМОВЕ, СОБЫТИЯХ ЕГО ЖИЗНИ И СМЫСЛЕ ТВОРЧЕСТВА

Далекий гордости сословной,
Я православный мужичок,
Я не имею родословной:
Мой род забытый не высок.
Живу на свете я недаром:
В свободный от трудов часок,
Объятый вдохновенья жаром,
Плету на гроб себе венки.

Г. Псальмов

В 1914 году в Великих Луках вышел поэтический сборник, на обложке которого было указано, что это «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова»¹. Несмотря на громкое название, событием в отечественной литературе поэтический сборник Г.Е. Псальмова не стал, критика обошла его вниманием: ни рецензии, ни короткого отзыва в печати не появилось.

Неизвестный поэт остался неизвестным.

Прошло без малого сто лет. В 2008 году в селе Васильевском Сафоновского района Смоленской области начали возрождать церковный приход в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Поиск сведений об истории прихода привел к книге Ивана Ивановича Орловского «Краткая география Смоленской губернии», впервые увидевшей свет в 1907 году². Стремясь дать по возможности полное описание губернии, Орловский воспользовался помощью священнослужителей, предложив им своего рода анкету — ряд вопросов о природных особенностях местности, где расположен приход, об исторических достопримечательностях, о бытующих в народе преданиях и легендах, связанных с тем или иным местом, наконец, о замечательных людях. В ответ Орловский получил несколько сотен писем и включил в свою книгу сведения, в них изложенные.

Село Васильевское, поиск информации о котором заставил обратиться к книге И.И. Орловского, упоминается в разделе о Бельском уезде, поскольку

¹ Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914.

² Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии / Вст. ст. М.Ю. Евдокимова. Изд. 3-е. Смоленск: Годы, 2008. 176 с. (Библиотека журнала «Годы». Вып. 81. Серия «Наследие»).

сюда оно относилось до революции. Из уроженцев села автором особо отмечен «крестьянин Гервасий Ефремович Псальмов, бывший 17 лет учителем. Это был выдающийся самоучка-педагог, поэт, живописец, резчик, столяр, маляр, позолотчик, чертежник и кровельщик, певец и регент хора <...>»¹.

Приведенные факты почерпнуты И.И. Орловским из историко-статистического описания прихода, составленного священником Захарием Зезюлинским, тогдашним настоятелем храма в Васильевском. Перечисление «природных дарований» Псальмова о. Захарий заканчивает так: «<...> наконец, он был выдающимся поэтом»². Это можно было счесть преувеличением, оценкой в «местном масштабе», если бы в знаменитом и авторитетном Словаре Брокгауза и Ефрона не обнаружилось упоминание о поэте Г.Е. Псальмове: «Псальмов, Гервасий Ефремович, поэт-самоучка, крестьянин Смоленской губ., 1848 – 1900»³.

Одним из авторов Словаря был филолог-славист Александр Иванович Яцимирский. Думается, что имя Псальмова попало на страницы Брокгауза и Ефрона благодаря ему. Много лет А.И. Яцимирский занимался собиранием материалов о писателях-самородках, пропагандировал их творчество⁴. В 1901 году в журнале «Русская мысль»⁵ появилась его статья, посвященная недавно умершему Псальмову, – «Неизвестный певец народного горя»⁶.

В начале статьи автор определяет место Псальмова в русской литературе – «поэт-крестьянин, поэт-самоучка, поэт-самородок, – одним словом *народный поэт*»⁷. По приведенным стихотворным примерам и оценкам автора статьи складывается отчетливое представление, что Псальмов – поэт «не первого ряда» продолжателей традиции Кольцова, Никитина, Сурикова. «Воспитанный в деревне, Псальмов высказывал в своих стихотворениях все то, что думает и чувствует его родная деревня. Непосредственность, простота чувства и языка, вера в добро, беспредельная любовь к крестьянскому быту,

¹ Орловский И.И. Краткая география... С. 141.

² Историко-статистическое описание прихода села Васильевского Бельского уезда Смоленской епархии // ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1. Л. 90 – 95.

³ Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. 4: *Почва* – *Уссоп*. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor>.

⁴ В первые годы XX века в «Русской мысли», в «Русской старине», в «Литературном вестнике» регулярно публиковались статьи А.И. Яцимирского о писателях-крестьянах. Об интересе к самодеятельному творчеству в это время свидетельствует и статья Максима Горького «О писателях-самоучках» (1909).

⁵ «Русская мысль» – один из лучших ежемесячных журналов (выходил с 1880 года), имевший огромное количество подписчиков (до 14000). В нем печатались сочинения выдающихся русских писателей, философов, филологов, историков: Н. Лескова, К. Случевского, А. Апухтина, В. Гаршина, Максима Горького, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка, Д. Мережковского, С. Надсона, Я. Полонского, А. Чехова, И. Бунина, Н. Бердяева, Л. Шестова, М. Гершензона, З. Гиппиус, В. Брюсова и др.

⁶ Русская мысль. М, 1910. Кн. III. С. 136 – 141.

⁷ Там же. С. 136.

к безропотному труженику-пахарю, — вот характерные особенности поэзии Псальмова»¹.

А.И. Яцимирский пишет о несчастливо сложившейся литературной судьбе поэта-крестьянина, прежде всего имея в виду несбывшуюся мечту Псальмова — «видеть в печати томик дорогих ему “Песен горя”»², и заканчивает статью словами надежды на то, что в память о поэте это издание состоится.

Надежды на издание произведений Псальмова Яцимирский связывал, в первую очередь, с газетой «Северо-западное слово», издававшейся в Вильно. Здесь, по его сведениям, были опубликованы несколько стихотворений «из тех двух тетрадок, которые только и мог оставить покойный поэт в наследство»³.

Надежды Яцимирского оправдались: как было сказано выше, в 1914 году под редакцией Георгия Евгеньевича Клочковского, к тому времени уже бывшего редактора-издателя «Северо-западного слова», вышло «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова». Наличие этой книги позволяет судить о поэтическом даровании Псальмова не с чьих-то слов, а непосредственно обратившись к его произведениям.

Собрание сочинений представляет собой объемный том — около двухсот пятидесяти страниц. По жанрово-тематическому принципу выделены шесть разделов: «Песни горя» (в двух частях, 28 и 47 стихотворений соответственно), «Песни любви» (58), «Описания и пр.» (10), «Посвящения» (18), «Духовные стихи» (22), «Сатиры, эпиграммы и пр.» (13). В конце — небольшой раздел «Прибавления», в который вошли, как сказано в подзаголовке, стихотворения Псальмова, «найденные после его смерти и присланные в редакцию “Северо-западного слова” после составления настоящего сборника».

Роль вступительной статьи выполняет подборка газетных статей: два некролога, опубликованных в Вильно и Смоленске, и три фельетона-биографии разных лет (1900, 1901, 1904 годы). Все фельетоны и первый по времени написания некролог принадлежат одному автору — Николаю Бантышу, приращение новой информации от статьи к статье незначительно, многие факты повторяются.

«Смоленский» некролог подписан «А. Епифанский», в нем всего несколько абзацев: факт смерти, слова о тяжелой жизни и общая характеристика стихов. Автор некролога старается сохранить объективность и не переносить своих симпатий и сочувствия умершему поэту на его стихи: «Конечно, к Псальмову нельзя предъявлять больших требований <...> быть может, стихи его даже не выдерживают и снисходительной критики, но в них, в этих “песнях горя”, так ясно сквозит горячая душа деревенского поэта, что все недостатки можно простить...»⁴.

1 Русская мысль. М, 1910. Кн. III. С. 137.

2 Там же. С. 140.

3 Там же. С. 141.

4 Народный поэт (Заметка «Смоленск. Вестн.» — № от 19 окт. 1900 г.) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд.1-е. Великие Луки, 1914. С. 3.

Поэт-самоучка; не вошедший в большую литературу последователь Кольцова; стихи не выдерживают даже снисходительной критики...

Читатель легко найдет в стихотворениях Псальмова подтверждение сказанному: уменьшительно-ласкательные суффиксы (*березонька, матушка, перстенек*), замена обыденных слов более «поэтичными» (*селянин, хижина, пичужка*), постоянные эпитеты (*зорька вешня, злая неволя, горький плач*), литературные штампы (*чары юных грез, ланиты девы милой*).

*С поля вечером
Возвращаясь,
Песней звонкою
Заливаюся.*

*В окна слушает
Все селение —
И поклон певцу
И почтение <...> (С. 101)¹*

Узнаваемое звучание «кольцовского пятисложника». Предсказуемые названия: «Пахарю», «Весна идет», «Нива бобыля», «Песня сироты» ...

И все же даже беглый взгляд подмечает в стихах Псальмова нечто иное, несвойственное текстам так называемых «поэтов из народа». В поэтическом словаре Псальмова есть слова, свидетельствующие о его начитанности (*рельеф, сага, грация, аккорд, аорта, реформатор* и др.); очевидно знакомство автора с античной мифологией и историей (*Эллада, Парис, Немезида, Диоген, Дамоклов меч* и др.); широко представлены церковнославянизмы, утяжеляющие стих, но одновременно придающие ему возвышенное звучание (*крестноношение, кадило, всепокорный, нетленночудный, приход, благоговение, плащаница, всесветлый, мироносицы, всепрощение, псалмочтение* и др.). Встречаются и единичные случаи авторского словотворчества: так, для «Школьной жалобы» поэт «изобретает» сложносоставное слово, точно характеризующее стесненные условия жизни: *В кабинете-кухне-спальной / С крепкой думою печальной / размышляю про свое / Горемычное житье...* (С. 66).

Среди выразительных средств, в обращении к которым Псальмов в целом сдержан, преобладают эпитеты, среди которых есть и постоянные фольклорные, и ставшие постоянными литературные, и рожденные творческой фантазией автора: *румяное сияние, быстролетный пух, холодно-упрямое «нет», мотылек недолговечный* и др.

Метафор в поэзии Псальмова мало, хотя есть запоминающиеся авторские, например: *дней моих гнилая нить* («жизнь → нить»), *скользя по плоскости глад-*

¹ Здесь и везде в статье стихотворения Псальмова приводятся по изданию: Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Ключковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. В круглых скобках указаны страницы.

кой разврата («разврат → скользкая плоскость»); *эгоизм, кормчий твой, не-надежен* («эгоизм → кормчий»). Охотнее он обращается к сравнениям, используя либо уже известные, либо созданные по их образцу: *жизнь, как свечка тает* («жизнь → свечка»), *бедность злодеем глядит* («бедность → злодей»); *И как узнику злая неволя, / Надоела мне бедность моя* («бедняк → узник» и «бедность → неволя»); *И надежда на счастье с тобой / Исчезала, как призрак ночной* («надежда → призрак»); *Как светлый ангел на скале, / Блестит маяк в ночном тумане* («маяк → ангел») и др. Есть и единичный пример оксюморона: *скорбяще радостная слеза*.

Что касается поэтического синтаксиса, то в этой области Псалмов более разнообразен и искусен, хотя и здесь в значительной степени привержен фольклорной традиции.

Обращают на себя внимание многочисленные повторы разных видов: *В ночь непогодную, в ночь непроглядную / Ветер холодный уныло гудит* (С. 75); *И любовью меня ты пленила, / И пленила своей красотой* (С. 108); *Только лес кругом унылый, / Лес со всех сторон <...>* (С. 63); *Здесь-то жизнь моя прожита / Как-то кверху дном; / Здесь-то молодость убита / Горем и трудом.* (С. 64) и др.

Широко использует Псалмов возможности такого проверенного традицией приема, как синтаксический параллелизм: *Пройдет весна, пора отрады, / Начнется лето, время страды <...>* (С. 25); *Буря песню поет / Над тобой уныло. / Туча слезы прольет / На твою могилу* (С. 68) и др. Сочетание синтаксического параллелизма с риторическим обращением и повелительной формой глагола придает тексту облик заклинания: *Ну, шуми, коса отточенная! / Высыхай, трава подкошенная! / Поспевай ты, рожь, рожь высокая!* (С. 29). К синтаксическому параллелизму автор обращается и при необходимости воспроизведения психологического параллелизма: *Что ты, звездочка далекая, / Тускло светишь в вышине? / Что ты, девица жестокая, / Изменила скоро мне?* (С. 96).

Из многочисленных приемов стихотворного синтаксиса в поэтических текстах Псалмова выделяется (и по частоте появления, и по мастерству использования) синтаксический перенос¹. Ту или иную разновидность можно найти почти в каждом стихотворении: *Повеяло влагой душистой / Из роищи. Луны золотистой / Сиянье встает. Спят цветы <...>* (С. 79); *Вокруг растет крапива густо / С полынью, горькою травой.* (С. 150); *Но будущее скрыто. На завесе / Его и мрак, и тайные слова...* (С. 200) и др. Порой синтаксический перенос проходит через весь текст или его значительную часть, как, например, в стихотворении «Ночь перед Рождеством» (попутно отметим кольцевую композицию данного фрагмента):

*И представляется мне:
Что-то плывет в глубине
Неба, и теплится тихой лампадкою,
И, задремавши во мгле,*

¹ Далее об этом аспекте будет сказано более подробно: см. «Синтаксический перенос в лирике Гервасия Псалмова».

*Луч посылает земле
Радуги дивной, блестя переливами;
То, изменяя цвета,
Двигается в виде креста,
Ярко блистая лучами игривыми;
То, как бы столп огневой,
К югу, над дальней страной,
Тихо пlying, величаво спускается
И полуночной порой
Над невысокой горой
Остановилось. И мне представляется <...> (С. 203)*

Созданный Псалымовым поэтический мир существенно отличается от образа русской деревни и от образа русского простого человека, выстроенного трудами плеяды признанных крестьянских поэтов. Несомненное сходство, послужившее поверхностным поводом безоговорочно записать Псалымова в ряды их последователей, объясняется не столько подражательностью его поэзии, сколько общностью реалий деревенских жизни: сельскохозяйственные работы, нужда, пьянство, особенности общения, церковные праздники, красота природы. После проведенного анализа можно с уверенностью утверждать, что общность описываемых событий и явлений не повлекла за собой единодушие с признанными «народными» поэтами в воссоздании этих событий, чувств и дум¹.

Сравним стихотворение Псалымова «Пахарь» с «классикой жанра» – стихотворением Алексея Кольцова «Песня пахаря»².

1 Отметим отсутствие не только содержательного, но даже формального, «организационного» единства с литературным течением, имеющим своих общепризнанных лидеров – А. Кольцова, И. Никитина, И. Сурикова. Псалымов не принимал участия ни в одном коллективном сборнике крестьянских поэтов, которые издавались в его время (таких, например, как сборник «писателей-самоучек» «Рассвет» (1872), подготовленный И. Суриковым).

2 Едва ли найдется критик или исследователь творчества А. Кольцова, не оценивший это стихотворение в высшей степени хвалебно. Приведем несколько показательных высказываний: «В “Пирушке русских поселян”, “Размышлении поселянина” и “Песни пахаря” выражается поэзия жизни наших простолудинов. Вот этакую народность мы высоко ценим: у Кольцова она благородна, не оскорбляет чувства ни цинизмом, ни грубостью, и в то же время она у него неподдельна, не натянута и истинна» (В.Г. Белинский); «<...> он совершенно предан земледельческому промыслу, совершенно сочувствует пахарю, заботливо и любовно входит в его тяжкие нужды, радуется его *прозаической* радости при виде урожая, следует за ним на пашню и проч.» (В.Н. Майков); «В русской литературе есть писатель, которого невозможно иначе назвать, как поэтом земледельческого труда – исключительно. Это – Кольцов. Никто, не исключая и самого Пушкина, не трогал таких поэтических струн народной души, народного мирозерцания, воспитанного исключительно в условиях земледельческого труда <...>. Сколько тут разлито радости, любви, внимания, и к чему? К гумну,

А.В. Кольцов

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

*Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.*

*Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.*

*Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.*

*Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.*

*Весело гляжу я
На гумно из скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!*

*Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.*

к колосу, к траве, к кляче, с которою человек разговаривает, как с понимающим существом, говоря “мы с сивкою”, “я сам-друг с тобою” и т.д.» (Г.И. Успенский); «Нельзя было теснее слить своей жизни с жизнью народа, как это само собою сделалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спелым колосом, и на чужую ниву смотрел он с любовью крестьянина, который смотрит на свое поле, орошенное его собственным потом. Кольцов не был земледельцем; но урожай был для него светлым праздником: прочтите его “Песню пахаря” и “Урожай”» (Н.Г. Чернышевский). «В целой русской литературе едва ли найдется что-либо, даже издали подходящее к этой песне, производящее на душу столь могучее впечатление. Вслушайтесь в нее ближе и пристальнее, и перед вами встанет вся жизнь поселянина, со всеми ее заботами, с ее скромными надеждами, со всеми ее скудными радостями» (М.Е. Салтыков-Щедрин).

*Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка –
Ну! тащися, сивка!*

*Выйдет в поле травка -
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.*

*Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!*

*Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.*

*С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, боже,
Хлеб – мое богатство! (1831)*

Г.Е. Псальмов

ПАХАРЬ

*Утро. Светлый восток
Вешней зорькой горит.
Во дворе мужичок
Уж с конем говорит:
«Полно есть-то! Пора,
Пахарь мой вороной,
Ехать нам со двора
На простор полевой.
Что вздохнул? Не доспал,
Мой дружок?» И слегка
Мужичок потрепал
По спине воронка.*

*«Сыт? Пойдем, напою,
Да и в поле, мой друг,
На полоску свою.
Вспашем. Ночью — на луг».*
*Мрачен был, но не зол
Сонный вид мужика.
Вот на пашню привел,
Запрягает «дружка»...
«Ну, живей становись!
Что повесил-то нос?
Ничего... Потрудись!
Ну, что стал, точно врос!»
Тронул конь... Тяжело...
Низко шею согнул.
Вот и солнце взошло,
Ветерок потянул.
Пахнет свежей землей,
Загорелась роса.
В синеве голубой
Слышны птиц голоса.
Грусть скатилась с души,
Точно с гуся вода.
«Ну, голубчик, паши,
Да не бойся труда!
Так предписано, знать,
В вечной книге Творца:
Он велел добывать
Хлеб-то в поте лица.
Ну, смелей у меня!» —
Уж добрей пахарь мой
Погоняет коня,
Управляя сохой.
А на поле кругом
Копошится народ;
За тяжелым трудом
Шум и говор идет.
Вот работа пошла,
Точно Плевну берем!
Вот жара-то зажгла,
Так и жжет, как огнем!
«Ну же, милый, что стал?
Эво, ровно полдня!*

*Я порядком устал,
Утомил и коня.
Ишь, он, бедненький, ржет
И трясет головой,
Понимает, ведь, вот,
Что поедем домой»...
И, с лица рукавом
Обмахнув крупный пот,
Пахарь с добрым конем
Тихо с поля идет. (Конец 1880 – 90)*

Совпадает сюжетобразующая ситуация – разговор пахаря с конем. Поскольку беседа с конем ведется в процессе работы, оба автора «понукают» своего помощника: у Кольцова неоднократно повторяется *Ну! тащися, сивка*, и у Псальмова через текст проходит *Ну, живей становись!; Ну, что стал, точно врос!; Ну, голубчик, паши; Ну, смелей у меня!; Ну же, милый, что стал?* Похожи и начальные пейзажные строфы: так, у Кольцова: *Красавица зорька / В небе загорелась, / Из большого леса / Солнышко выходит*; у Псальмова: *Утро. Светлый восток / Вешней зорькой горит*.

Отмеченные совпадения подталкивают к выводу, что Псальмов в этом стихотворении идет вслед за Кольцовым. Но утверждать, что он подражает Кольцову, мешает целый ряд существенных различий, как формальных (объем текста, стихотворный размер), так и содержательных.

Стихотворение Кольцова – нарядное и жизнерадостное. Приветлив окружающий мир – зорька-красавица, солнышко, большой лес, золотые колосья, вода ключевая. И на душе хорошо, что подтверждает троекратный повтор «весело» в центральной части (*Весело на пашне <...>; Весело я лажу борону и соху <...>; Весело гляжу я <...>*). Будущее также рисуется светлым – с Божьей помощью получим хороший урожай и со спокойным сердцем отдохнем от трудов: *Сладок будет отдых / На снопах тяжелых!*

Стихотворение Псальмова – иное и, как оказалось, об ином.

Повествование идет не от первого, а от третьего лица, и разговор мужика с конем сопровождается авторскими ремарками, выполняющими функции перипетий. Монолог у Кольцова выдвигал на передний план одного центрального персонажа – пахаря, его помощник-конь представлен несколькими штрихами. Псальмову выбор третьего лица позволяет существенно расширить охват описываемых действующих лиц и событий. Так, конь у него «работает» в полную силу на протяжении всего стихотворения, фактически сливаясь с образом хозяина: оба, хмурые с недосыпа, встали с зарей, подкрепились перед рабочим днем, вышли в поле, человеку тяжело, и конь «низко шею согнул», солнце взошло и работа спорится лучше, но вот накатила полдневная жара, взмокли, выдохлись оба и, усталые, отправились домой. Единство человека и коня подчеркнуто тем, что слово «пахарь» относится к ним в

равной мере: *пахарь мой вороной* и *пахарь мой / Погоняет коня*. Лучшие человеческие качества (внимание, забота, ласка) раскрываются именно в общении с конем. В отличие от Кольцова, который ограничивается одним обращением — «сивка», Псальмов не скупится на теплые названия кормильцу крестьянской семьи: «мой дружок», «мой друг», «голубчик», «милый», «беденький», «добрый конь». Конь у Псальмова — не условный собеседник, не безликий элемент «сельскохозяйственного» пейзажа, через этот образ раскрывается образ человека.

Мотив «единения» — центральный, на наш взгляд, в стихотворении Псальмова. Единство человека с природой подчеркнуто не только «слиянными» образами коня и пахаря, но и психологическим параллелизмом в авторской пейзажной зарисовке:

*Вот и солнце взошло,
Ветерок потянул.
Пахнет свежей землей,
Загорелась роса.
В синеве голубой
Слышны птиц голоса.
Грусть скатилась с души,
Точно с гуся вода. (С. 36)*

Пахарь у Кольцова работает в одиночестве в чистом поле, у Псальмова «крупный план» пахаря с конем сменяется панорамным изображением того, что происходит вокруг:

*А на поле кругом
Копытится народ;
За тяжелым трудом
Шум и говор идет.
Вот работа пошла,
Точно Плевну берем! (С. 37)*

Налицо тема «всеобщности труда». Сменой третьего лица на первое (*берем*) к пахарю с конем, к народу, работающему на поле, присоединяется и автор. Сравнение «точно Плевну берем»¹ реализует парадигму «труд → битва» (обратную парадигму «битва → труд» встречаем в русской литературе, начиная со «Слова о полку Игореве»).

¹ С болгарским городом Плевна связано одно из наиболее значительных и кровопролитных событий русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов. Падение Плевны, последовавшее после трех штурмов, осады, неудачной попытки Осаман-паши прорвать осаду, стало переломным моментом войны. Освобождению Болгарии из-под османского ига Россией, в том числе и плевненским событиям, посвящена диалогия Б.Л. Васильева «Были и небыли» (1977 — 1980).

Главное же отличие заключается в принципиально разном решении религиозной темы. У Кольцова центральное место занимает образ зерна. «Путь зерна» описан подробно: *Зернышку сготовим / Колыбель святую* <...>, потом *Его вспоит, вскормит / Мать-земля сырая*, потом <...> *колос / Станет спеть, рядиться / В золотые ткани* и так дойдет дело до снопов. В финале – тихая молитва: *Уроди мне, Боже, / Хлеб – мое богатство!*

В стихотворении Псальмова о пахоте вообще нет образа зерна и художественная задача иная – выразить не эмоции, рожденные в процессе труда, а высший смысл труда как исполнения заповеди Божьей.

*<...> не бойся труда!
Так предписано, знать,
В вечной книге Творца:
Он велел добывать
Хлеб-то в поте лица. (С. 36)*

Чувство радости, наполняющей стихотворение Кольцова, есть и в стихотворении Псальмова, но присутствует подспудно. Эта радость рождается не только от хорошей погоды и доброго урожая. Утешение даруется за преодоление человеческой немощи, за претерпение скорби от тяжелого труда.

Эту радость поэт знал не понаслышке.

Родился Гервасий Ефремович Псальмов 12 октября 1848 года в бедной крестьянской семье в деревне Дроновка¹ близ села Васильевского Бельского уезда Смоленской губернии:

*<...> Мое рожденье
Осенний холод, серый день
Встречали, да тумана тень
Густая – знаки горькой доли... (С. 24)*

С раннего детства овладела им мечта, разительно отличающаяся от обычных крестьянских желаний и дел, – учиться. Мечта прекрасная, но, казалось, несбыточная. В семье с трудом сводили концы с концами.

Освоить грамоту помог случай – один добрый человек из местных жителей бесплатно обучил мальчика чтению и письму. В настоящую школу он попал только в одиннадцать лет.

Школа стала для будущего поэта величайшим событием жизни, озарившим темноту и скудость крестьянского быта. Значительную роль в его судьбе сыграл смотритель народного училища священник Константин Филиппович

¹ В других случаях, в частности, в акростихе Псальмова название села звучит иначе: *Андроновка – одно селенье, / Лежащее в глуши лесной, / – Мне родина <...>*» (С. 24).

Солнцев (1825 – 1892)¹. Личность отца Константина, его внимание и помощь благотворно подействовали на мальчика. Он учился с неослабевающим интересом и усердием, много читал, сочинял стихи, пел в церковном хоре, за что учитель и удостоил его звучной фамилии – Псальмов.

Позднее не раз образ *любимого пастыря* появится в стихах:

*Он величья непонятого
Ореолом окружен;
Силой мира благодатного
Привлекает сердце он <...> (С. 174)*

далее:

*Сорок лет его работою
Содержалось все село (С. 175)*

Успехи в учебе были столь заметными, что в тринадцать лет с небольшим Псальмову доверили учить грамоте крестьянских детей. Однако о том, чтобы самому продолжить образование, речи быть не могло, семья так и не выбилась из крайней бедности. В 1870 году умер отец и вскоре за ним мать, Псальмову пришлось взять на себя заботы о хозяйстве, о больной сестре.

*Ум и память отбила работа.
В дом придешь – иль ворчишь,
Иль сердито молчишь –
Слова молвить тебе неохота.
Не до сладких речей,
Лишь поесть бы скорей
Да в постель, будто сноп, повалиться...
Отдохнуть часа три,
Да и встать до зари,
Чтобы снова день целый трудиться. (С. 30)*

В 1875 году Псальмов получил место учителя в школе, где и проработал до конца своих дней. Его усердие и достижения на педагогическом поприще были замечены и поощрены похвальным листом за «обучение крестьянских мальчиков грамоте и за особенное усердие к церкви Божией», подписанным епископом Смоленским Антонием.

¹ В некрологе, опубликованном в «Епархиальных ведомостях» (№ 22, 1892), о К.Ф. Солнцева говорится как о праведнике, известном далеко за пределами Смоленской губернии. В этом же некрологе сказано, что «перед отпеванием, с разрешения местного священника, произнес речь бывший ученик – прихожанин покойного Гервасий Псальмов».

Во многих стихотворениях Псальмов пишет о пользе учения, о своих учениках, не умалчивая и о трудном быте сельского учителя, равнодушии начальства¹.

*В сельской школе неизвестной
Я в лачужке грязной, тесной,
Устола сижусь в углу
На разломанном стулу.
В кабинете-кухне-спальной
С крепкой думою печальной
Размышляю про свое
Горемычное житье....
Сверху – гений вдохновенья,
Снизу – пол и дуновенья;
Дышит холодом Борей
Из подполья и дверей.
На душе засела проза,
В теле трепет от... мороза,
Боль жестокая в груди –
И... все то же впереди... <...> (С. 67)*

Сохранились свидетельства о переписке Псальмова с видным общественным деятелем и педагогом Сергеем Александровичем Рачинским², которому он посылал свои стихи и по примеру которого организовал в родном селе общество народной трезвости³.

1 Подробнее см. далее: «Сельская школа в жизни и стихах Гервасия Псальмова».

2 Рачинский Сергей Александрович (1833 – 1902) – профессор [Московского университета](#), член-корреспондент [Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук](#); племянник поэта Е.А. Баратынского. Теоретически обосновывал и доказывал на практике необходимость развивать церковно-приходские школы («Заметки о сельских школах»). К.П. Победоносцев так писал о нем императору Александру III: «<...> несколько лет тому назад я докладывал Вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на житье в свое имение, в самой отдаленной лесной глуши Бельского уезда Смоленской губернии, и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян... Стал поистине благодетелем местности, основал и ведет, с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени» (Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1 // URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/pobed1.htm>)

3 Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псальмова // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова... С. 19.

Преподавательскую деятельность Псальмов совмещал с руководством церковным хором и обычными крестьянскими трудами: пахал, сеял, боронил... Единственной радостью долгие годы были книги и, в редкие часы досуга, – сложение стихов. «<...> работал один в поле до “отупения”, сквозь слезы и кровавый пот воспевая <...> тяжелую и грустную идиллию крестьянской жизни “впроголодь”, “во мраке и тьме черного неведения”»¹.

Наградой за годы одиночества и изнурительного труда стала встреча с удивительной девушкой. Уже одно имя ее сулило утешение и радость – Надежда.

Приехавшая из Москвы погостить в деревню к знакомой помещице, она сразу заметила молодого человека, вдохновенно управлявшего церковным хором.

ПЕНИЕ

*Какое чудное несется пенье!
Взор никнет долу. Грудь моя полна
Восторга, пламенного умиления.
А пение, как тихая волна,
Благоухая, бесконечно льется...
То вдруг, как гром, из облаков несется...
Жгут слезы грудь. И тайно плачу я,
И вереница грез над головою вьется,
И мнится, просветлела жизнь моя... (С. 80)*

Они познакомились, и Псальмов, редко кому показывавший свои стихотворения, доверился ей и получил столь ободряющую оценку, будто крылья обрел. Судьба одаренного молодого человека глубоко тронула девушку, чувство сострадания окрепло в душе, переросло в любовь. В 1878 году они поженились.

Что мог предложить Псальмов своей избраннице, выросшей в городе, хорошо образованной, «из приличной семьи»? «<...> взамен такого самопожертвования мог ей дать только темную, грязную хату, грязные лавки по стенам, нужду горькую в хлебе... бедность! Большая сестра вечно становилась между мужем и женой, как грязная тень их неравенства»². Терпение жены, ее доброта восхищали, но и внушали непреодолимое чувство вины, усиливавшее собственные страдания:

*Но слышал я твои рыданья
В ночной безмолвной тишине,
И видел я твои страданья...
И горько, больно было мне... (С. 139)*

1 Бантыш Н. Гервасий Ефремович Псальмов // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова... С. 6.

2 Там же. С. 7.

Надежда Вячеславовна Псальмова, сколь тяжело ни было ей, непривычной к такой жизни, с избранного пути не свернула, не раскаялась в своем выборе. Благодарными словами и возвышенными сравнениями запечатлен ее образ: *Зарю Нового Завета / Под мой вступила ветхий кров* <...> (С. 83); *Во мраке горьких дней моих / Путьеводящую звездою / Она была* <...> (С. 89); *И ты рукою белоснежной, / Как ангел радужным крылом, / Моих кудрей касалась нежно.* (С. 110); *И в нищете, добра, правдива, / Она мне светочем была* (С. 113). Жена разделяла труды Псальмова и поддерживала все начинания, долгие годы оставаясь единственным сочувствующим читателем его стихов.

Любые попытки издать сочинения сталкивались с непреодолимым препятствием — связей в литературных кругах, которые могли бы поспособствовать изданию, у Псальмова не было, как и денег на то, чтобы оплатить издание самому. Слабая надежда появилась, когда смоленский епископ Нестор, приятно удивленный поданным ему прошением в стихах, обещал Псальмову свою помощь, подарил несколько хороших книг, дал денег на обратную дорогу. Но вскоре епископа перевели в Москву, Псальмов понял, что никогда не увидит свои стихи напечатанными.

Уж полночь. Тишь уединенья.

Огни в домах всего селенья

Потухли.

Не сплю. Пишу стихотворенья.

Устал. Глаза мои от бдения

Опухли.

Напрасный труд. Мои творенья,

В бумагах лежа без движенья,

Протухли.

Что будет дальше? Без сомненья,

Сгнут они до появленья

Их свету.

Не то злой рок без сожаленья

Возьмет да бух... мои творенья

Все в Лету.

И смерть им всем в реке забвенья,

Где быть и мне, рабу терпенья,

Поэту¹. (С. 57)

И все-таки долгожданная радость была дарована поэту на самом закате дней. В 1899 году в газете «Минский листок» появилось его стихотворение

¹ Отметим смысловое созвучие нескольких последних строк Псальмова с предсмертным стихотворением Г.Р. Державина: *Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей. / А если что и остается / Через звуки лиры и трубы, — / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы.*

«Ночь перед Рождеством Христовым». Казалось, открылись двери в новую светлую жизнь... Но в это время обострилась запущенная болезнь, поездка в больницу не помогла. «Доктора советуют <...> покой и не работать, ничего тяжелого не поднимать, то есть то, чего мой образ жизни выполнить не позволяет. Несмотря на слабосилие и боль, я все-таки покос убрал кое-как; сена много и хорошего качества, так как с начала июня по сей день погода была чудесная: жара и временами благотворные дожди. Сегодня вот холодно. <...> Действительно, мне нужен покой или труд умеренный и посильный, а не воловий, который удручает всех крестьян в страдную пору... Тогда я как раз написал бы что-либо порядочное и отдохнул бы душой; да то и горе, что нет возможности: без хлеба будешь, а я привык все необходимое добывать личным трудом. Помочь или заменить меня некому: нет родных, никого, кроме единственного на всей планете милого друга-жены, да она сама слабенькая и работать в поле не может». Это фрагмент письма от 2 августа 1900 года¹. 2 октября 1900 года Гервасий Псальмов умер.

*Угрюма ты, осень, уныла!
Канвою поблекших полей
Не образ ли доли моей
Безвыходной ты начертила?
За темною мглой облаков
Не видно небесной лазури,
Не видно на поле цветов,
В лесу обнаженном стон бури...
Задумчиво ветер гудит,
Деревья высокие клонит
И листья опавшие гонит,
А дождь все кругом леденит...
Все блекнет во мгле, умирая.
Пронзителен воздух сырой —
Без жизни стоит под горой,
Шатаясь, былинка сухая...
Угрюма ты, осень, уныла!
Канвою поблекших полей
Не образ ли доли моей
Безвыходной ты начертила? (С. 42-43)*

Похоронили Гервасия Ефремовича Псальмова возле церкви села Васильевского. Могила не сохранилась. Разрушена была и сама церковь. Детей у Псальмовых не было. Вскоре после его смерти ушла в монастырь жена, следы ее затерялись.

¹ Цит. по: Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псальмова // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова... С. 18.

Творчество Гервасия Ефремовича Псальмова пришлось на годы наивысшего интереса к жизни народа, когда-либо переживаемого русским обществом. Мощь народного духа, талантливость, сила многовековых традиций, опыт перенесенных исторических испытаний, с одной стороны, и униженное, бесправное существование большей части населения России, простых тружеников, тех, кто обеспечивает благосостояние государства, с другой стороны, создавали невероятное напряжение, чреватое социальными катаклизмами. Эта ситуация порождала надежды на радикальное переустройство общества, надежды влекли к активным действиям. *Пришли мы в мир с решимостью великой – / Мир погибающий от гибели спасти <...>*¹. Литература, вдохновленная этими будоражающими веяниями, не только отражала, но и генерировала революционные настроения. *Нет, не смирение, не любовь / Освободят нас от оков, / Теперь нам надобен топор*², чтобы над миром воссияло *солнце правды и братства людей*³.

В противовес традиционному религиозному мировоззрению проповедавались идеи гуманизма, в основе которых – отрицание реальности божественного и признание человека «мерой всего». А. Блок в поэме «Возмездие», характеризуя время, когда *под знаком равенства и братства <...> зрели темные дела*, писал о мистической природе этого противостояния:

*Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, –
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас <...>*

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*⁴

Гервасий Псальмов, жизнь которого прошла вдалеке от столиц, от культурного сообщества, тоже осознавал катастрофический смысл происходящего и то, насколько пагубна подмена веры в Бога верой в человека:

1 Строки из стихотворения П.Ф. Якубовича «О, подлое, чудовищное время...» (1882).

2 Строки из стихотворения П.Н. Ткачева «Христово Воскресенье» (1862).

3 Строки из стихотворения П.Л. Лаврова «Новая песня» (<1875>).

4 Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1907 – 1921. М.-Л., 1960. С. 304-305.

*Нам фантазеры-поэты вещают:
Хвалят людей да века золотые
Мира всеобщего им обещают...
(О, если б то не химеры пустые!)
Вовсе другое мы видим на свете:
Зло развивается, нравов растленье
Распространяется, вечные сети
Ставят друг другу людей поколенья.
<...>
Трудно мне верить, что крови потоки
Уж не прольются в века золотые...(С. 70)*

Более других поэтов Псалмов знал «грубое, пошлое, плоское, глупое»¹, присущее русскому народу, не закрывал на это глаза: описывал в стихах, обозначая как болезнь, без признания которой невозможно выздоровление, очищение. Но средством для этого выздоровления считал не разрушение устоев, а то, что последовательно развивает все стороны жизни: труд, молитву, просвещение.

МОЕМУ СОБРАТУ

*Эх, трудна твоя долюшка крестная,
Бедный пахарь, мой присный собрат;
Как убога-черна хата тесная,
Сколько в ней полусытых ребят!
Как плоха твоя нивка родимая,
Не удобрен пустой огород,
Как душа твоя, горем томимая,
Жаждет света!.. А где же исход
Из-под гнета? Нужда вековечная...
Но не трусь. Ведь на небе есть Бог —
И твоя ли молитва сердечная
Не слышна ему? Всякий твой вздох
Он приемлет как жертву приятную.
Видит Он, неподкупный Судья,
Твою скорбь, для людей непонятную,
И меж терний земных бытия
Взрастит он цветы несравненные:
Мир душевный, незлобие, честь;
А науки лучи вожделенные
Твоим детям помогут прочесть*

¹ Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml

*В книге жизни заветы нетленные
О незыблемой мощи труда —
Эти ль вечные знаки священные
Не дадут нам благого плода?
17 июня 1898 года (С. 46)*

Своим творчеством и самой жизнью Псальмов раскрывает иную, глубинную позицию, в то время оставленную русским обществом без должного внимания. Эта позиция сформирована опытом человека, который, осознавая сколь высоко поэтическое призвание, сохраняет верность не менее высокому в христианском понимании призванию — крестьянскому¹, живет и работает на земле. «Знание крестьянина — цельное, органически слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентное же знание — раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, внешне взято им на себя»², — писал П. Флоренский. Поэзия Псальмова есть творческая реализация этого цельного знания³.

Для того, кто пашет, сеет, кормит страну, естественен не путь отрицания, а терпеливое делание своего дела в любых обстоятельствах, созидание, труд «добротного работника в винограднике, насажденном Богом и приносящем плоды Его»⁴.

Поэзия Гервасия Псальмова являет собой пример созидательного отношения к жизни. Для стихов нашлось место в непростых, отнюдь не располагающих к стихосложению деревенских буднях, среди разнообразных забот школьного учителя и регента церковного хора. Стремление осваивать разные жанры, обогащать свой поэтический словарь, разнообразить приемы стихосложения, обращаться к темам, далеко выходящим за рамки крестьянской поэзии, и неугасимая потребность писать стихи, вплоть до самых последних дней жизни, — убеждают в истинности поэтического дара Гервасия Псальмова и непреходящей ценности владевшей им творческой идеи.

1 Возникновение в русском языке слова «крестьянин» в большинстве этимологических словарей истолковывается как результат звукового изменения слова «христианин» под влиянием слова «крест». «Христианин» восходит к греческому *christianos*, то есть «имеющий отношение к Христу». Подчеркнем, что в русском языке для обозначения людей, работающих на земле, прижилось именно слово «крестьянин» (ср.: с латинским эквивалентом слова «землепашец» — *paganus*).

2 Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма // Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 11.

3 Значимость «знания, выросшего из души» была подтверждена через десятилетия возникновением в русской литературе целого пласта «деревенской прозы» (В. Шукшин, А Солженицын, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин и др.). Но в середине XX века, после пережитых народом потрясений, это было уже оплакивание ушедшей России.

4 См. Евангелие от Матфея 21:33-46.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА В ЖИЗНИ И СТИХАХ ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

В одном из стихотворений Гервасий Ефремович Псальмов написал:

*Все лето я тружусь на поле,
А в зиму обучаю в школе
Священной грамоте детей
Деревни маленькой моей¹.*

Упомянутая в стихотворении *маленькая деревня* — село Васильевское Бельского уезда Смоленской губернии, где прошла вся его жизнь.

В поэтической форме рассказывая о своих многочисленных занятиях, Псальмов чаще всего описывает сельскохозяйственные труды и крестьянские заботы, знакомые ему не понаслышке, а также сочинение стихов. Наряду с этими темами существенное место в его поэзии занимает тема школы.

Отчетливо звучит эта тема в воспоминаниях о детстве: со слезами выслушивая попреки окружающих (*Что дались ему глупые книжки!*) (С. 81), мальчик засыпал со светлой мечтой о школе: *А во сне все мне снится урок <...>* (С. 81). Будущему поэту, рано ощутившему тягу к книгам, к учению, долгое время школа, действительно, лишь снилась — как нечто несбыточно прекрасное. Он рос в бедной крестьянской семье, где с трудом сводили концы с концами.

Грамоту пришлось осваивать самому, на первых порах помог добрый человек, по воспоминаниям, гонщик дегтя, согласившийся даром обучать любознательного ребенка: «<...> и вот, в дегтярном сарае, весь окопченный, мальчик постиг “азы” и “еры”. Легко далась ему грамота, несмотря на оригинальность и особенности системы учителя»².

В настоящую школу Гервасий попал в одиннадцать лет. Уже в самом конце жизни он вспоминал о школьной поре как о величайшей радости, озарившей темноту и скудость крестьянского быта. В сырой избе с убогой утварью, где всюду *щели да дыры*, где *покосился запечек*, где нечем дышать, потому что *в хате держали овецек*, / там же *теленоч хромой*, есть заветный уголок — на полотах:

*<...> Там я учил свой урок.
Там же решал и задачу
Углем на дранке простой.
Дело не клеится — плачу,*

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. Стихотворные цитаты из произведений Псальмова здесь приводятся по этому изданию. Рядом в скобках указаны номера страниц.

2 Бантыш Н. Гервасий Ефремович Псальмов (Фельетон-биография «Минск. Листка». — 1900. — №129) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 4.

*Как над бедою какой!
Сладится — блещут глазенки,
Ждешь не дождешься утра...
С коркой пушной, без шубенки,
В школу бежишь со двора! (С. 77)*

Стремление Гервасия учиться, его способности заметил смотритель Васильевского народного училища священник Константин Филиппович Солнцев. Священник Захарий Зезюлинский, преемник отца Константина, называл своего предшественника «солнцем в данной глуши среди непроходимых лесных дебрей», восторженно перечисляя его многочисленные умения и благие дела: «он своими личными трудами привел в редкое благолепие тогдашние убогие два деревянных храма», «написал самолично и довольно хорошо много икон по дереву и холсту, завел общенародное пение в храмах, образовал два хора певчих из взрослых и учеников школы, много жертвовал на храмы из своих скудных сбережений, был замечательный проповедник при помощи изустного слова; отлично знал разные мастерства», «устраивал самолично замечательные иллюминации под Пасху», «с помощью школьников посадил аллеи берез, дубов, елей, рябины, тополей, липы и клена»¹.

Отец Константин поддержал способного ученика, привлек его к своим трудам, открыл перед ним новые жизненные возможности.

Много позже, сам став учителем, Псальмов в одном из стихотворений описал прием в школу и центральное место в этой сценке отвел словам наставника, обращенным к новичку. В стихотворении, полный текст которого ныне утрачен, Псальмов запечатлел то, что, возможно, некогда сам услышал от учителя, пронес по жизни и посчитал долгом передать своим ученикам:

*<...> Ты стал передо мною
Весь трепещущий, как пойманный зверек.
Но не бойся — матерью родною
Будет школа для тебя, дружок!
Верь, лучом спасительной науки
Озарится твой тернистый путь,
Слова вечного божественные звуки
Наболевшую твою согреют грудь.
Только бойся ты мертвящей лени,
Честен будь и телом, и душой,
А взгрустнется — преклони колени
Перед Богом. Он заступник твой!²*

1 Историко-статистическое описание прихода села Васильевского Бельского уезда Смоленской епархии // ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1. Л. 94 об.

2 Полный текст этого стихотворения, упомянутого в статье Н. Бантыша (Бантыш Н. Гервасий Ефремович Псальмов ... С. 15), не найден.

Тринадцати лет отроду Псальмову доверили заниматься с крестьянскими детьми в местной школе грамотности. Зная о бедственном положении семьи своего талантливого воспитанника, отец Константин выхлопотал ему жалованье – 12 рублей в год.

В 1863 году Псальмов окончил Васильевское народное училище с блестящими результатами: «<...> по предметам (священная история, катехизис, церковное богослужение, русский язык, славянский язык, русская история, чистописание, церковное пение, арифметика и география) имел оценки 5, а место в классе его было первое»¹.

Псальмов мечтал учиться дальше, но из-за отсутствия средств мечта получить профессиональное систематическое образование так и осталась мечтой.

Для того чтобы расширить кругозор, обрести новые знания, оставался только один путь – самообразование, коим Псальмов занимался, по воспоминаниям современников, постоянно и усердно: «<...> просвещался чтением и изучением истин христианской веры и других нужнейших наук, напр. русской и всеобщей истории, географии, физики и других естественных наук»². В одной из поминальных статей сказано, что «Псальмов самоучкой приобрел знания языков французского, немецкого, латинского, греческого и свободно мог переводить, а перед смертью начал даже изучать древнееврейский»³. Среди опубликованных поэтических произведений Псальмова есть стихи, написанные на сюжеты из древней и новой истории («Весталка (из быта древнего Рима)», «Памятник Петра I (набросок)» и др.), перевод с французского («Невеста»), стихотворные переложения переводов в прозе («Клубок жизни (с французского по переводу в прозе)», «С сербского (по переводу в прозе)»).

В 1864 году Гервасий Ефремович Псальмов стал учителем в Васильевском народном училище. Несмотря на юный возраст педагога, его талант и рвение вскоре были замечены и поощрены. 13 сентября 1865 года Псальмов получил похвальный лист за «обучение крестьянских мальчиков грамоте и за особенное усердие к церкви Божией», подписанный епископом Смоленским Антонием⁴.

Начало педагогической деятельности Псальмова пришлось на 60-е годы XIX века. После отмены крепостного права проблема широкого и качественного народного образования осознавалась как чрезвычайно важная. «<...> возникло естественное стремление изучить народ, выяснить его положение, мирозерцание и потребности. Началось всестороннее исследование народной жизни. Появляясь в печати, результаты такого исследования встречались публикой с огромным интересом и сочувствием. Их читали и

1 Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псальмова (Фельетон «Северо-Западного Края». – 1904. – № 151) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Ключковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 17.

2 Там же. С. 17.

3 Там же С. 18.

4 Там же. С. 17.

перечитывали, их клали в основу всевозможных “программ” практической деятельности»¹.

Гервасию Псальмову, который, *едва имея десять лет, / Работал <...> уже на поле* (С. 24), не нужно было проводить специальные исследования, чтобы узнать, что творится в душах и умах односельчан. В своих стихах он запечатлел мучительную раздвоенность, владевшую многими. С одной стороны, осознание того, как в изменившихся условиях необходимы свободному человеку знания:

*Уж такой нынче век,
Что «слепой» человек
Не годится — мы то понимаем.
Мы, хоть темный народ,
Все же видим вперед
И детишкам науки желаем.* (С. 32)

С другой — необходимость земледельческого труда, отнимающего силы и время без остатка: *Круглый год полон рот / И трудов и хлопот, / А нужда все резать готова...»* (С. 31). Вот и получается, что *учение — свет... / Да все времени нет / Поучиться ни зиму, ни лето* (С. 32).

Подобную дилемму — заботиться о хлебе насущном или развивать свои творческие и интеллектуальные способности — пришлось решать и самому Псальмову. Об этом он не раз писал в стихах, например:

*<...> Все лето занятый работой,
Усталый за день трудовой
И угнетаемый заботой,
Тащуся с поля я домой
Вдохнуть и укрепиться малость...
И вот волнение — писать!
Но... вдруг зовут... какая жалость!
Бросаю все, иду опять...
Иду, спеша, на жатву в поле,
Пыл остывает — и сюжет,
Бледнея, тает поневоле...
И жалко, грустно, силы нет!* (С. 56)²

1 Плеханов Г.В. Народники-беллетристы (Г. Успенский, С. Каронин, Н. Наумов) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/plehanow_g_w/text_0050.shtml (дата обращения: 8.01.2013).

2 Современник Псальмова, поэт-крестьянин Спиридон Дмитриевич Дрожжин, творчество которого получило широкое признание, иначе раскрывает данную тему, не видя непреодолимой сложности в сочетании тяжелого земледельческого труда и сочинения стихов. См., например, стихотворение «Трава, как бархат, зеленеет...» (1904):

Об этом же идет речь и в одном из последних писем: «<...> мне нужен покой или труд умеренный и посильный, а не воловий, который удручает всех крестьян в страдную пору... Тогда я как раз написал бы что-либо порядочное и отдохнул бы душой; да то и горе, что нет возможности: без хлеба будешь <...>»¹.

«Воловий» труд до полного физического изнеможения, беспрестанные усилия, не всегда приносящие желанный результат, отупляют ум, надрывают душу. Отсюда – страшное бедствие русской деревни: мужик «до смерти работает, / До полусмерти пьет!..» (Н. Некрасов). Тема пьянства сопутствует теме деревни во многих стихотворениях Псальмова.

За каждодневными трудами, порой с тяжелой от хмеля головой, в бытовой круговерти не только недосуг выучить что-то новое, поразмыслить, но и то, что в школьную пору узнал, легко растерять. Без поддержки, без осознанной цели, без определенного навыка все, чему учили, забывается стремительно, как вода уходит в песок. Об этой опасности предупреждал Псальмов в стихотворении «Горькая правда»:

*<...> Все зачахнет и засушится,
Жизни тернием заглушится;
За косою, за сошкой мелкою,
Все зальешь порой горелкою,
Все уьвет нужда тяжелая,
И разгул, и жизнь веселая
Иль иная страсть мятежная...
Дальше – свадьба неизбежная:
Женишься, отца по волюшке,
На какой-нибудь там Олюшке,
А потом – дельба, как водится...
И пошел век хороводиться
То с нуждой, то с ребяташками...
Некогда заняться книжками,
А там, далее да более <...> (С. 217)*

*<...> Я песне жаворонка внемлю
И, распахнув глубоко землю,
Ее по горсточке зерном
Всю засеваю, а потом
Спешу под кров уединенный
И пред зажженным огоньком
Слагаю стих свой вдохновенный.*

¹ Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псальмова (Фельетон «Северо-Западного Края». – 1904. – № 151) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 18.

Общественное мнение, семейный уклад в деревне, как горько свидетельствует в стихах Псалмов, не поддерживают в человеке стремления к образованности. Ценится, прежде всего, хороший работник, а книжки читать подобает *пану иль поповичу* (С. 81). Это представление — одно из устойчивых на селе. Брат Александра Твардовского, Иван Трифонович, в своей книге «Родина и чужбина» пишет об отношении семьи к желанию Александра учиться, стать поэтом: «То, что брат не вносил свой вклад в хозяйство, тяготило его. Он сам хорошо понимал, что надо что-то делать, чтобы не быть “дармоедом”. Я упомянул это слово в связи с тем, что было оно нам знакомо с детства. Употреблял его наш отец. Лодырничества и даже малейшего увиливания от работы он совершенно не терпел. <...> Никакое увлечение, ни даже призвание, рассуждал отец, не освобождает человека от его обязанности оставаться, до поры, свято чтущим и выполняющим долг члена семьи — работать так же, как все остальные»¹.

Несколько лет обучения не могут по силе воздействия сравниться с каждодневным влиянием родных: *живешь не школы мерами, / А семьи своей примерами...* (С. 218). А примеры эти, бывает, во вред идут:

*<...> Родители!..
Грех судить, а соблазители:
Сами пьяными валяются,
А как дома разгуляются,
Вдоволь вся семья наплачется,
От побоев коль не спрячется...
<...>
Таково семьи влияние
На наш ум и воспитание,
Где живем мы и возвращаемся
И, конечно, развращаемся... (С. 218-219)*

Пытаясь противостоять пагубному влиянию уродливых проявлений деревенского уклада, Псалмов намеревался основать при школе «Общество благоповедения» и сочинил для него присягу, первый пункт которой гласил: «Ранее 20-летнего возраста не брать в рот хмельного, как-то водки, пива, меда и не курить табаку»². Есть там и такие пункты: «Во всю жизнь не божиться, не петь дурных песен, не ругаться, не сквернословить» или «Идя дорогою в школу и обратно или собравшись на улице, отнюдь не драться, не ссориться, не затевать недостойных игр, но вести себя прилично, мирно и любовно»³. Некоторые пункты этой присяги созвучны с известными сценами и рассуж-

1 Твардовский И.Т. Родина и чужбина [Электронный ресурс]. URL: http://boris-mojaev.narod.ru/index_files/tvardovsky.htm (дата обращения: 10.01.2013).

2 Цит. по: Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псалмова (Фельетон «Северо-Западного Края». — 1904. — № 151) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова / Под ред. Г.Е. Ключковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 20.

3 Там же.

дениями из романов Ф.М. Достоевского: «Лошадей беречь, не пугать, не накладывать непосильных возов, не гнать, не бить не только колыями, палками или чем попало, но и кнутом не сечь бессердечно» или «Птичек Божиих обещаемся не беспокоить, не бросать в них камнями и палками, не стрелять в них, гнездышек их никогда не разорять, птенчиков не брать и не мучить, а, напротив, спасать и охранять их от всяких хищников»¹.

Псальмов прекрасно понимал, что потребность в образовании на селе сводится к умению деньги сосчитать, разобрать несложный документ да подписать свою при необходимости поставить: *Над бумагой подлежащую, / От трудов рукой дрожащую / Имя разве нацарапаешь* (С. 218). Отсюда – равнодушные сельчан к школе и ее нуждам: «<...> школы грамоты то закрываются <...>, то вновь открываются за нежеланием населения уделять из мизерных средств на содержание школы и потому что население весьма часто и надолго отвлекает детей-школьников на возку лесных материалов на заводы и железнодорожную станцию и для пастьбы скота весной и осенью до половины октября <...>»².

«Сельская школа неизвестная» описана Псальмовым как пронизываемая сквозняками *лачужка грязная, тесная* с развалившимся учительским стулом:

*Вот какие помещенья,
Вам, «радельцам» просвещенья,
Воспитателям, дает
Равнодушный к вам народ!* (С. 67)

Ни почета, ни денег, ни иной существенной поддержки сельские учителя, чьим энтузиазмом движется просвещение в глубинке, не имеют:

*Бог лишь видит, сколько муки
Скромные жрецы науки
Терпят где-нибудь в глуши,
Веря в дело от души...*³

О таких учителях с теплотой и уважением отзывался обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, много сил уделявший вопросам народного просвещения: «Слава Богу! Много закрытых от большого мира глухих углов в России, где живут – своему только миру известные труженики, ни-

1 Цит. по: Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псальмова (Фельетон «Северо-Западного Края». – 1904. – № 151) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 20.

2 Историко-статистическое описание прихода села Васильевского Бельского уезда Смоленской епархии // ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1. Л. 90 – 95.

3 Цит. по: Бантыш Н. Гервасий Ефремович Псальмов (Фельетон-биография «Минск. Листка». – 1900. – № 129) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 8.

чтоже имущие, но многих богатящие – народные печальники и просветители, убогие священники, незнатные в консисториях, простые из народа учителя, десятки лет трудящиеся в незнатной школе <...>»¹.

Справляться с многочисленными трудностями Псалмову помогала любовь к ученикам, стремление помочь им разумно и с достоинством жить.

В стихотворении «Ученикам начальной школы», найденном в фондах одного из архивов Москвы², Псалмов подробно описал один день в школе. По этому стихотворению можно представить отношение учителя к своим ученикам, к своему делу, а также реконструировать расписание уроков, их содержание и воспитательную направленность³.

ОДИН ДЕНЬ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

(на материале стихотворения Г. Псалмова и трудов С. Рачинского)

Стихотворение Г.Е. Псалмова	Реконструкция учебного дня (с комментариями, извлеченными из трудов С.А. Рачинского)
<p><i>Дети, встаньте. С умилением Все поклон земной, И молитву пред ученьем Пойте все за мной: «Царю Небесный, Дух Святой! Податель жизни и спасенья, Все восполняющий Собой, Дух правды, мира, утешенья, Сам посети нас, Вездесущий, Источник блага и любви, Спасенье дай и в день грядущий К ученью нас благослови».</i> <i>Спели. Снова оградитесь Знаменем креста Всечестного и садитесь На свои места.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Совместное пение молитвы перед началом занятий. «<...> в какой постепенности могут быть введены в нашу сельскую школу те предметы преподавания, которые желательно присоединить к ее программе. На переднем плане тут стоит церковное пение <...>. Тому, кто окунулся в этот мир строгого величия, глубокого озарения всех движений человеческого духа, тому доступны все выси музыкального искусства, тому понятны и Бах, и Палестрина, и самые смелые вдохновения Моцарта, и самые мистические дерзновения Бетховена и Глинки <...>» (Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 68, 82.)

1 Ученье и учитель: Педагогические заметки. Вторая книжка. Изд. К.П. Победоносцева. М., 1904. Цит. по: URL: http://dugward.ru/library/pobedonoscev/pobedonoscev_uchenye_i_uchitel.html. Много интересных фактов об организации учебного процесса, составе учеников, учебных предметах, быте учителей сельских школ в России последней четверти XIX века содержится здесь: Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/bunakov_selskaya-shkola_1906/fs,1/

2 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488, л. 4.

3 Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» (1884) в круг изучаемых предметов входили: 1) Закон Божий; 2) церковное пение; 3) чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальные арифметические сведения.

<p><i>Смирно. Требую вниманья На один часок; Будет мира о созданы Первый вам урок, О всемогущей силе Бога, О Его любви (Да держи, брат, ухо строго, Все слова лови). И про Троицу Святую Буду толковать,</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Закон Божий (краткий катехизис). «Без преподавания Закона Божия русская сельская школа существовать не может. <...> та элементарная программа, которая утверждена Священным Синодом, <...> представляет собой лишь минимум того, что должно быть сообщено ученикам. Она рассчитана на нормальный школьный возраст (до 13, 14 лет), и поэтому из нее благоразумно устранено все, что превышает понимание детей этого возраста» (Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 61, 63.).
<p><i>А затем вам продиктую, Что и как писать.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Чистописание. «Ребенок, приобретающий в несколько дней способность писать: <i>Господи, помилуй и Боже, милостив буди мне грешному</i>, заинтересовывается делом несравненно живее, чем если вы заставите его писать: <i>оса, усы, Маша, каша</i>» (Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 52).
<p><i>И прочтем из Часослова Два иль три листа, Из Евангелия Святого Про жизнь Христа.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Чтение (по книгам церковной печати). «<...> неисчерпаемые богатства нашего богослужебного круга – этого сокровища поэзии, нравственного и догматического поучения наряду со Священным писанием и житиями святых – дают постоянную пищу уму, воображению, нравственной жажде нашего грамотного крестьянина, поддерживают в нем способности к тому серьезному чтению, которое одно полезно и желательно» (Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 13).
<p><i>После выйдем и подышим Воздухом, потом</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Перемена
<p><i>Мы счисление напишем И в уме сочтем.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Арифметика. «Часто задавал я себе вопрос, какими основными способностями обуславливается та необыкновенная ловкость в обращении с числами, тот живой интерес к цифрам и сочетаниям, которыми отличаются наши крестьянские ребята. <...> значительную роль тут играет их удивительная память. Но кроме памяти тут очевидно участвуют и другие способности: воображение, живо рисующее перед ними состав чисел из первоначальных множителей и их сочетания, способность связывать внешний вид цифры с этим составом» (Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 57)

<p><i>И затем сказать вам нужно, Как на свете жить Вы должны: со всяким дружно, Как Царю служить. Слушать и сидеть спокойно...</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • «Классный час»
<p><i>Вечер. Пятый час, На молитву стань. «Достоин» Пойте все зараз.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Хоровое пение молитвы по завершении занятий
<p><i>Ну и с Богом, выходите, Милые мои. Что здесь слышали, несите Вы в дома свои. И читать, молиться Богу Вы своих родных Приучайте понемногу И любите их.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Напутственные слова учителя. «<...> исключительные условия нашей сельской школы налагают на ее учителя особый отпечаток. <...> Сила вещей заставляет его заботиться о многом другом, кроме успехов этих учеников в арифметике и чистописании» (Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 32-33)

В «Полном собрании сочинений Г.Е. Псальмова», изданном в 1914 году¹, есть сформированный редактором-составителем небольшой раздел «Для детей», однако и некоторые другие стихотворения за пределами этого раздела могли быть предназначены учителем-поэтом для своих учеников («Весна», «Утро весны», «Свободная птичка» и др.). В этих стихотворениях изображается хорошо знакомая ребенку ситуация, доступен язык, просто и четко сформулирован нравственный вывод. Темы для «детских» стихотворений Псальмов выбирает разные, что свидетельствует об уважении к юному читателю. С ребенком можно говорить о чем-то совсем простом и внешне незамысловатом, например, о том, хорошо ли птичке в клетке:

*Что, мой чижик милый, скучен?
Что так выглядишь тревожно?
Аль неволю измучен?
Иль ушиб неосторожно
Крылышко? Покушай, крошка!
Вот водица, зерна в клетке...
Вдруг мой чижик – нырх в окошко
И поет уже на ветке.
Вон и пташечка другая
Рядом... песню завела... –
Видно, воля дорогая
И для пташечки мила! (С. 47)*

А можно обратиться к очень сложной теме, например, описать чувства, охватывающие душу в Светлое Христово Воскресение:

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. 244 с.

УТРО ПАСХИ

*Прохладный ветерок пахнул
И от села кругом понес
Колоколов отрадный гул:
«Христос воскрес! Воскрес Христос!»
Поет, резвясь, пернатых хор,
И, оживая, ближний лес
Шумит, и ручейки меж гор,
Журча, поют: «Христос воскрес!»
И, переливами огня
Играя в высоте небес,
Великое светило дня
Блестит, поет: «Христос воскрес!»
И купол неба, Божий храм,
Весь полон песнею чудес,
И по селеньям, здесь и там,
Несется песнь: «Христос воскрес!» (С. 198)*

Ряд стихотворений Псальмова напрямую обращен к ученикам: «На жизненный путь (воспитанникам народной школы)», «Горькая правда (ученикам начальной школы нашей местности)», «Ученикам начальной школы», «Будущим пастырям (воспитанникам смоленской духовной семинарии)». Это своего рода стихотворения-наставления, их основное предназначение – в поэтической, запоминающейся форме дать надежный ориентир в жизни. Таковым ориентиром для Псальмова всегда являлась вера в Бога. Правильно жить – это значит жить так, *чтобы, как в небеса из кадила, / Благовонный возносится дым, / Ваше сердце в любви восходило, / Пламенело пред Богом своим...* (С. 172).

Сохранить и приумножить эту любовь, которая не позволит сойти с правильного пути, как бы ни был он труден, – вот, по мнению Псальмова, главная цель образования. В стихотворении «Моему собрату» он пишет о том, что именно *науки лучи возжеленные помогут прочесть / В книге жизни заветы нетленные* (С. 46).

Основа крестьянской жизни – тяжелейший труд на земле. Из стихотворения в стихотворение Псальмов повторяет, что труд этот – не проклятье, не наказание, не бессмысленный гнет, а исполнение Божьей заповеди:

*Да не бойся труда!
Так предписано, знать,
В вечной книге Творца:
Он велел добывать
Хлеб-то в поте лица. (С. 36)*

Вместо ропота и бунтарства, столь характерных для гражданской поэзии, вместо идеи жертвенности, распространенной в народничестве, у Псальмова

последовательно разворачивается тема осознанного несения своего креста, понимание высшей цели труда, проповедь любви к ближнему. Позиция эта очевидно идет вразрез с поисками путей к народному счастью через революцию, отвергает пафос героического, в эти годы охвативший умы.

Все многочисленные занятия и разнообразные дарования Псальмова подчинены единому представлению: вера в Бога и следование заповедям — это и сущность, и цель интеллектуального, творческого, нравственного развития, а искусство и наука — средства постижения этой высшей сущности.

Однажды Псальмова представили епископу Смоленскому Нестору, тот был впечатлен его одаренностью и душевными качествами и предложил «определить преподавателем или в хорошую и богатую министерскую школу»¹. Псальмов отказался, оставшись скромным учителем в маленькой сельской школе.

19 мая 1900 года Гервасий Ефремович Псальмов написал стихотворение «После экзамена»:

*Кончен экзамен. Спасибо, ребятки!
Труд наш не сгинул. Теперь по домам.
В память о школе берите тетрадки...
Слушайте, что я скажу сейчас вам:
В сердце храните вы чистое семя,
Знания полезного будущий цвет,
Он облегчит вам житейское бремя
Жизнь вам согреет, как солнечный свет...
Помните все, что о Боге и чести
Вам говорили, внушали не раз
В этом священном излюбленном месте —
И не забудьте, друзья мои, нас!
Чувствую, сила уж мне изменяет,
Я от трудов и скорбей изнемог.
Переступлю ли, Господь один знает,
Школы родимой я снова порог?
Будут, наверно, здесь лучше порядки,
Новый наставник учений меня...
Только жалеть и любить вас, ребятки,
Вряд ли кто будет, как я! (С. 78 — 79)*

Стихотворение оказалось пророческим — в новом учебном году Псальмов не вернулся в родную школу. 2 октября 1900 года он умер.

¹ Цит. по: Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псальмова (Фельетон «Северо-Западного Края». — 1904. — № 151) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 19.

О педагогических взглядах, учительских буднях и радостях Псальмова сейчас приходится судить в большей степени по его стихотворениям. Перспективы исследования в значительной степени связаны с ведущимися архивными поисками.

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

— написал некогда Ф.И. Тютчев. И вот среди последних архивных находок¹— два рисунка из фондов рукописного отдела Пушкинского Дома (Санкт-Петербург)². На этих безыскусных рисунках изображен дом, в котором жил Псальмов, и церковь, рядом с которой указано место его захоронения. Автор рисунков — один из учеников Гервасия Ефремовича Псальмова.

¹ Сердечная благодарность за помощь в архивных разысканиях Е.А. Глуховской (Санкт-Петербург). Упоминаемые рисунки представлены в настоящем издании далее.

² РО ИРЛИ. Ф. 193. Ед. хр. 318. Л. 11, 12.

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ, НАХОДКИ, ЗАГАДКИ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Г.Е. ПСАЛЬМОВА

1. Определение направления архивных разысканий. На первом этапе изучения жизни и творчества Гервасия Ефремовича Псальмова мы располагали четырьмя опубликованными источниками, откуда могли почерпнуть некоторые необходимые сведения:

1) статья А.И. Яцимирского «Неизвестный певец народного горя», опубликованная в 1901 году в журнале «Русская мысль»¹;

2) раздел, посвященный городу Белому и соответствующему уезду в книге И.И. Орловского «Краткая география Смоленской губернии», вышедшей в 1907 году²;

3) словарная статья в одном из выпусков второго тома Малого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1909)³;

4) «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова», изданное в 1914 году в Великих Луках⁴.

Все указанные источники, за исключением словарной статьи из Малого энциклопедического словаря в силу ее краткости⁵, открывали определенные перспективы для архивных разысканий.

Так, из статьи А.И. Яцимирского стало известно о попытке Псальмова напечатать книгу своих избранных стихотворений «Песни горя», предпринятой в 1889 году и закончившейся неудачей: «книгоиздатели в один голос жаловались на плохой спрос в публике на стихи малоизвестных поэтов»⁶. Упоминается при этом некий А.И. В – х, через которого, по словам Яцимирского, Псальмов обращался к московским издателям и, следовательно, мог передавать ему свои рукописи. Вопрос о местонахождении рукописей возникает еще раз, когда речь заходит о возможном посмертном издании произведений

1 Яцимирский А.И. Неизвестный певец народного горя // Русская мысль. М., 1901. Кн. III. С. 136-141.

2 Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии / Вст. ст. М.Ю. Евдокимова. Изд. 3-е. Смоленск: Годы, 2008. С. 137-143.

3 Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. 4: [Почва](#) – [Уссоп](#). СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor>.

4 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. 244 с.

5 «**Псальмов**, Гервасий Ефремович, поэт-самоучка, крестьянин Смоленской губ., 1848 – 1900. Лирич. стихотворения “Песни горя”, отзвуки тяжелой мужицкой доли, в газ. “Северо-Запад. Слово”. О нем Яцимирский, “Русск. Мысль”, 1901, 3» // Малый энциклопедический словарь. Т. 2. Вып. 4: [Почва](#) – [Уссоп](#). СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor>.

6 Яцимирский А.И. Неизвестный певец народного горя ... С. 141.

Псальмова «Северо-Западным Словом»¹, «приютившим некоторые отдельные стихотворения из тех двух тетрадок, которые только и мог оставить покойный поэт в наследство своей бедной семье»².

Можно предположить, что Яцимирский был знаком с содержанием этих тетрадок: причисляя Псальмова к так называемым «народным поэтам», которых «тяжелые условия жизни свели в могилу, прежде чем они успели заявить в печати о своем даровании»³, и, осознавая то, что стихи Псальмова мало известны читателям, он наполнил статью развернутыми, порой в несколько строф, фрагментами стихотворений⁴.

Статья Яцимирского наметила три направления поисков рукописного наследия Гервасия Псальмова: личный архив А.И. В — ха, имя которого предстояло раскрыть, архив редакции «Северо-Западного Слова», личный архив А.И. Яцимирского.

Еще два направления прибавилось после знакомства с книгой И.И. Орловского о географии Смоленской губернии, хотя Псальмову в ней посвящено всего несколько предложений, вошедших в описание села Васильевского Бельского уезда Смоленской губернии: «Из уроженцев села замечателен крестьянин Гервасий Ефремович Псальмов, бывший 17 лет учителем. Это был выдающийся самоучка-педагог, поэт, живописец, резчик, столяр, маляр, позолотчик, чертежник и кровельщик, певец и регент хора. По развитию и знаниям стоял выше окончившего курс средней школы и пользовался дружбой Рачинского. По смерти его в 1902 г. его стихи были изданы редакцией “Северо-Западного Слова” в Вильне»⁵.

В книге Орловского повторяется уже известный по статье Яцимирского факт сотрудничества Псальмова с газетой «Северо-Западное Слово», вызвавший необходимость искать архив редакции, и добавляется чрезвычайно важная информация о связи Псальмова с выдающимся педагогом С.А. Рачинским. Рачинский, как известно, всемерно поддерживал талантливых выходцев из крестьянской среды. Работа с материалами его объемного архива — приоритетное направление для сбора данных, которые позволят максимально убедительно реконструировать творческий путь Псальмова.

Известно, что Орловский, собирая материал для книги, обращался за помощью к смоленским священнослужителям: предложил ответить на ряд во-

1 Общественно-политическая, литературная и экономическая газета «Северо-Западное Слово» издавалась в Вильно (1898 — 1905).

2 Яцимирский А.И. Неизвестный певец народного горя ... С. 141.

3 Там же. С. 136.

4 Биографические сведения в статье приводятся скупно, автор предупреждает, что о жизни Псальмова ему «известно очень не многое»: родился 12 октября 1848 года в Андроновке, Смоленской губернии, «среди бельских лесов и нив, в бедной крестьянской семье» (С. 137), 2 октября 1900 года умер в той же Андроновке. С десяти лет познал «школу тяжелого крестьянского труда» (С. 137). Последние годы жизни тяжело болел, «умер в нестерпимых муках какой-то желудочной болезни» (С. 140).

5 Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии... С. 141.

просов о природных особенностях местности, где расположен их приход, об исторических достопримечательностях, о народных преданиях, связанных с тем или иным местом, о выдающихся людях. Наиболее важные и интересные факты из полученных в ответ писем вошли в книгу. О приходе в Васильевском написал священник Захарий Зезюлинский, бывший в то время настоятелем храма в селе и, по-видимому, хорошо знавший Псальмова. Вероятность того, что сохранилось подробное описание прихода, составленное о. Захарием, что в нем могли содержаться дополнительные факты о жизни и деятельности Псальмова, что его тетради стихов или отдельные стихотворения могли оказаться у священника, требовала поисков и в этом направлении.

Особенно много «темных» мест, предполагающих дополнительные архивные разыскания, оказалось в «Полном собрании сочинений Г.Е. Псальмова»¹, вышедшем через много лет после смерти автора. Скажем о двух направлениях этих поисков, представляющихся наиболее перспективными на сегодняшний день: личный архив Клочковского и личный архив Бантыша.

Георгий Евгеньевич Клочковский (как указано на титульном листе, в 1914 году уже бывший издатель-редактор «Северо-Западного Слова») редактировал «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова». По жанрово-тематическому признаку в Собрании выделено 6 разделов: «Песни горя» (в двух частях, 28 и 47 стихотворений соответственно), «Песни любви» (58), «Описания и пр.» (10), «Посвящения» (18), «Духовные стихи» (22), «Сатиры, эпиграммы и пр.» (13). Закрывает издание небольшая рубрика «Прибавления», куда включены стихотворения, «найденные после его [Псальмова] смерти и присланные в редакцию “Северо-западного Слова” после составления настоящего сборника»². Все свидетельствует о том, что Клочковский располагал большим количеством текстов произведений Псальмова и его личный архив представляется одной из самых многообещающих областей поиска.

Роль вступительной статьи в «Полном собрании сочинений Г.Е. Псальмова» выполняет подборка газетных материалов: два некролога, первоначально опубликованные в Вильно и Смоленске, и три фельетона-биографии 1900, 1901, 1904 годов. Все фельетоны и первый по времени написания некролог принадлежат одному автору – Николаю Бантышу. Содержание этих «поминальных» статей свидетельствует если не о личном знакомстве Бантыша с Гервасием Псальмовым, то о хорошем знании фактов его биографии и творчества: Бантыш пишет о событиях, не упоминаемых другими авторами статей о Псальмове, приводит не только фрагменты его стихотворений, но письма, документы, отзывы близких поэту людей. Фельетон-биографию, как обозначен жанр, первоначально опубликованный в «Минском листке» (№ 129, 1900), Бантыш заканчивает так: «Редактор-издатель “Северо-Западного Слова” Георгий Евгеньевич Клочковский откликнулся первый на короткую

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. 244 с.

2 Там же. С. 237.

заметку <...> о смерти Гервасия Ефремовича Псальмова и первый протянул руку помощи несчастной вдове; хранившиеся у меня тетради стихов покойного с его автобиографией отосланы мною, по просьбе редакции “Сев.-Зап. Слова”, г. редактору, изъявившему согласие издать безвозмездно книжку стихов Псальмова <...>»¹. Это сообщение еще более повышает ценность архива «Северо-Западного Слова» и архива Клочковского для исследователей творчества Гервасия Псальмова, поскольку к тетрадям стихов прибавилась и автобиография поэта.

Неожиданный поворот придает планам архивных разысканий последний из помещенных в «Полном собрании сочинений Г.Е. Псальмова» фельетон Бантыша, первая публикация которого состоялась в «Северо-Западном крае» уже в 1904 году. Заканчивается фельетон скрытым упреком Клочковскому: прошло несколько лет со дня смерти поэта, «“Северо-Западное Слово”, намеревавшееся издать Г.Е. Псальмова, перешло в другие руки и б.<ывший> основатель и редактор-издатель его, Г.Е. Клочковский, живет, кажется, в Париже»².

Итак, в ходе работы с опубликованными источниками, содержащими информацию о Гервасии Псальмове, были выделены семь направлений поиска дополнительных сведений о поэте, названные с определенной долей условности «архивами»: «архив А.И. В — ха», «архив Северо-Западного Слова», «архив Яцимирского», «архив Зезюлинского», «архив Рачинского», «архив Клочковского», «архив Бантыша».

Поиски проводились в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Государственном архиве Тверской области (ГАТО)³.

II. Результаты предпринятых архивных разысканий. На сегодняшний день поиски архива «Северо-Западного Слова» и архива Клочковского продолжаются. На всех остальных направлениях получены определенные результаты.

1. В фондах ГАСО было найдено «Историко-статистическое описание прихода села Васильевского, Бельского уезда, Смоленской епархии», составленное священником Захарием Зезюлинским и датированное 5 января 1904 года⁴. В этом описании значительное место отведено рассказу о Гервасии Псальмове.

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 9-10.

2 Там же. С. 22.

3 Обращение в ГАТО вызвано пограничным положением Бельского уезда, где находилось село Васильевское, с которым связана вся жизнь Псальмова. Ныне город Белый — административный центр Бельского района Тверской области.

4 ГАСО. Ф. 391. Д. 1. Оп. 1. Лл. 90 — 95 об.

**«Историко-статистическое описание
прихода села Васильевского»
(фрагменты, где упоминается Гервасий Псальмов)**

«<...> В последнее время особенным образованием и преданностью к церкви отличался — деревни Дроновки крестьянин Гервасий Ефремович Псальмов; обучаясь первоначально при сельском училище и потом пользуясь уроками и чтением разных научных и душеспасительных книг, он, при посредстве бывшего священника Конст. Солнцева и своей высокообразованной жены Надежды Вячесл. Псальмовой при даровитости природных дарований, своим образованием вполне мог сравняться с окончившими курс среднего учебного заведения. И кроме даровитости в учении книжном, Псальмов хорошо мог выполнять искусство живописи и резьбы на дереве, знал хорошо искусство столярное, малярное, позолотное, чертежное и кровельное, отлично знал всякую ноту и был опытейшим регентом в хорах, обученных им, Псальмовым, голосовому и нотному пению; наконец, он был выдающимся поэтом, своими ценными произведениями стоявший, пожалуй, не ниже Кольцова и Сурикова; его стихотворения уже не раз появлялись в печати, а теперь по смерти его в 1902 году, печатаются — издаются в свет редакцией Северо-Западного слова в г. Вильне; наконец, Псальмов отлично писал полууставом; за подобные свои способности он награжден был Преосвященным Антонием, в 1865 г. похвальным листом, а в 1889 г., при Преосвященнейшем Несторе, — Архипастырским благословением; этому Архипастырю Псальмов подавал два прошения в стихотворной форме, написанных полууставом, с просьбою — направить его произведения в печать, что ему и было обещано; кроме сего Преосвящ. Нестор настаивал на том, чтобы Псальмов, до сих пор 12 лет бывший учителем в Николо-Ветлицком земском народном училище и 5 лет в местной ц.[ерковно]-прих.[одской] школе, занял учительское место в одной из двухклассных министерских школ или, по увольнении себя из податного сословия, просил бы себе диаконского сана, что ему все же не удалось достигнуть вследствие скорого перевода Преосвящ. Нестора в Москву; после сего свидания с Владыкою, Псальмов посылал Владыке свое благодарственное письмо в стихотворной форме и свою биографию, удачно им самим написанную. За 17 лет учительства в школах, Псальмов приобрел редкую педагогическую способность, которая была замечена начальством и заслужила похвалу известного педагога Сергея Ал. Рачинского, который весьма часто вел переписку с Псальмовым, снабжая его денежными пособиями за его редко-выдающиеся труды и способности»¹.

Еще одно, менее развернутое, но показательное упоминание о Псальмове встречается далее, там, где о. Захарий пишет, как поставлено дело образования во вверенном ему приходе. Указав, сколько в приходе школ и какие, охарактеризовав состав учащихся, проблемы финансирования и трудности

¹ ГАСО. Ф. 391. Д. 1. Оп. 1. Л. 91 об.

с организацией учебного процесса, священник счел нужным остановиться на следующем факте: «<...> при сельской ц.[ерковно]-прих.[одской] школе устроен хороший хор певчих из взрослых крестьян и учеников; заведует хором или учитель школы Четыркин, или <неразб.> регент из крестьян дер. Дроновки Арефа Никинин Кожекин, хорошо подготовленный к этому делу покойным учителем-регентом Гервасием Псальмовым; в сей же школе часто, особенно в дни Великого поста, бывают школьные-публичные чтения под руководством священника, а во время святок – литературные вечера с пением хором церковных песнопений <...>»¹.

Помимо сведений, дополняющих представление о разнообразных дарованиях Псальмова, в описании, составленном Захарием Зезюлинским, содержится упоминание о том, что Епископу Смоленскому Нестору Псальмов «подавал два прошения в стихотворной форме», затем «благодарственное письмо в стихотворной форме» и «свою биографию, удачно им самим написанную». В «Полном собрании сочинений Г.Е. Псальмова» есть четыре стихотворения, обращенные к Владыке Нестору, и, с большой долей вероятности, можно предположить, что в описании Зезюлинского говорится о них.

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ НЕСТОРУ, ЕПИСКОПУ СМОЛЕНСКОМУ (ПРОШЕНИЕ В СТИХАХ)

*Преосвященнейший Владыко!
Живя почти в пустыне дикой,
Я хлеб свой ем в поту лица –
Храню я заповедь Творца.
Все лето я тружусь на поле,
А в зиму обучаю в школе
Священной грамоте детей
Деревни маленькой моей
Не менее лет двадцать сряду.
По бедности своей в награду
За долгий и нелегкий труд
Селяне мало мне дают –
Едва кусок засушенный хлеба.
Но не ропщу я против неба,
Ни против холода людей
К печальной участи моей.
Богатства-праха не желаю
И славы жаждой не пылаю,
Но только песнью жизнь свою
Я услаждаю. Я пою
И песни радости и горя,*

¹ ГАСО. Ф. 391. Д. 1. Оп. 1. Л. 92 об.

*С судьбою незавидной споря.
Я, забывая света шум,
Уединяюсь ради дум...
Порою скорби неисходной
Я уношусь душой свободной
В тот чудный мир, где горя нет,
Ни мелких дрязг, ни тяжких бед.
То мирно, то в душе с тревогой
Иду я жизненной дорогой,
Довольный участью своей,
Хотя не вижу красных дней...
Не раз моя простая лира
Взывала скромно к сильным мира,
Будя счастливец сонный слух, —
Но кто счастлив, тот нем и глух
На зов несчастного поэта.
И я оставлен без ответа.
Забывтый, жалкий, брошен я
В волну печального житья
С нуждою воевать. И ныне,
Подобно голосу в пустыне,
Стыдливый клич моей души
Замолк без отзыва в глуши.
Но не замолкло вдохновенье
Во мне; в часы уединенья
Мне тайно говорит оно,
Что мне осталось одно,
Преосвященнейший Владыко:
Пред Вашей милостью великой
Склониться бедной головой
Со всепокорною мольбой,
Небесный дар благословенья
Прося у Вас на путь спасенья,
На путь несения креста
Во имя Господа Христа;
Вас умолять о снисхожденье
Принять мои произведения —
Часов досуга слабый труд
Вниманью Вашему на суд!
Простите, если беспокою
Нелепой просьбою такую!
Но, Архипастырь и Отец!
Пред Вами не лукавый льстец.*

*Нет, убажжаемый Святитель,
Я – самый искренний проситель
И Вашей паствы верный сын,
По званью бедный селянин.
Простите смелости поэта,
Что в простоте, без этикета,
Быть может, не в урочный час
Посмел беспокоить Вас!¹*

ЕМУ ЖЕ

*Священный дар благословенья
Приняв от Вас, гляжу смелей
На жизни бурное течение:
Оно мне кажется светлей.
 Душа полна надежды сладкой,
И, вспоминая Вас, порой
Невольню плачу я украдкой
Скорбяще-радостной слезой.
 И вновь среди житейской битвы
Да укрепит меня Господь,
Оружием креста, молитвы
Да побеждаю мир, и плоть,
И козни все врага спасенья,
Да обновляюсь день от дня...
Пошлите мне благословенье
И помолитесь за меня!²*

ЕМУ ЖЕ

*Владыко наш Преосвященный!
В тот вечно памятный мне час,
Когда, вниманием польщенный,
Я удостоился от Вас,
 В святой залог, благословенье
И знаки милости принять,
Внимал я Ваше повеленье
Мои творения прислать.
 Почтительно их представляю
Вниманью Вашему на суд...
Коль неудобны – умоляю
Презреть мой недостойный труд.³*

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова...С. 179-181.

2 Там же. С. 181.

3 Там же. С. 182.

ЕМУ ЖЕ

*Во все подробности вникая,
Душе душою говоря,
Изгибы сердца понимая,
Святой любовью горя,
Отец, меня Вы обласкали.
Ваш Архипастырский привет
В дни радости и в дни печали
Мне в сердце льет отрадный свет¹.*

Упоминание об автобиографии, отправленной Псальмовым Епископу Смоленскому Нестору, и содержание третьего из вышеприведенных стихотворений открывают еще одно направление поисков – «архив Владыки», а свидетельство, что Сергей Александрович Рачинский «весьма часто вел переписку с Псальмовым», воодушевляет активизировать усилия на направлении, обозначенном как «архив Рачинского».

2. В Рукописном отделе Пушкинского Дома (СПб.) в фонде А.И. Яцимирского были обнаружены письма Н.М. Бантыша² и жены поэта Н.В. Псальмовой³.

Письмо Н.М. Бантыша А.И. Яцимирскому⁴

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Черной безнадежностью повеяло на меня Ваше любезное письмо...⁵. Неужели нет надежды на издание Псальмова? Чем же хуже он Кольцова, и разве жизнь его не отмечена тяжелыми страданиями, а весь роман (со дня женитьбы) не изобилует идеальными чувствами?..

Я переслал Ваше письмо вдове Надежде Вячеславне (ст. Москов. Брест. ж.д. Дорогобуж, деревня Обухово, у купца Гаврилова). Женщина она образованная, но горе отбило у нее охоту жить с людьми; весь кумир ее был покойный крестьянин.

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова...С. 182.

2 РО ИРЛИ. Ф. 139. Ед.хр. 318. Л.1-13.

3 РО ИРЛИ. Ф. 139. Ед.хр. 319. Л.1-2.

4 Яцимирский Александр Иванович (1873 – 1925) – филолог-славист, археограф, переводчик. Плодотворно сотрудничал со Словарем Брокгауза и Ефрона. В первые годы XX века в «Русской мысли», в «Русской старине», в «Литературном вестнике» регулярно публиковались статьи Яцимирского о так называемых «писателях из народа»: И.З. Сурикове, И.Г. Воронине, С.А. Григорьеве, С.Я. Дерунове, Д.Е. Жарове, М.А. Козыреве, Е.И. Назарове, Е.А. Разоренове, И.Д. Родионове, И.Е. Тарусине и др.

5 Письмо А.И. Яцимирского Н.М. Бантышу не найдено.

Причина всех причин, а главное, этого беспокойства Вас настоящим письмом, был Вейденбах. Приехавши ночью к Псальмовой он со свойственной ему молодой оригинальностью насулил огорошенной вдове (она первый раз его видит) целый короб славы и заявил, что Русская Мысль даст 3500 руб. за стихи Псальмова. Будто редакция Рус. М. писала Сев. Зап. Слову это предложение, но редактор Клочковский отказался, объясняя свое нежелание тем, что имеет письмо покойного — делать с его произведениями все, что захочет; даже намекал о невыдаче платы вдове за стихи, что <неразб.> и сделал. Стихи я передал Клочковскому согласно его письма, которое имеется у меня. Кроме того я имею новые его стихи и черновики тех, что в редакции Сев. Зап. Слова. Фотографическая карточка покойного в редакции.

Будучи в Вильно 1 июня я заходил в редакцию Сев. Зап. Слова и передал подлинное письмо Надежды Вячеславны о словах Вейденбаха¹. Дурно, или хорошо я сделал это, право не знаю...

Стихи Псальмова при жизни печатались в Сев. Зап. Слове, Минском Листке и после Вил. Вестнике. Вдова не получила за это ни гроша (я — тоже). Никаких писем покойный не писал в Сев. Зап. Слово. Подлинная автобиография Псальмова, писанная его рукою, там же.

Как только получу от Надежды Вячеславны разрешение переслать Вам труды покойного — немедленно вышлю их Вам. Думаю, что Вы поможете этому безысходному горю!

Неужели между этими 300 поэтами Псальмов займет 150-е место?

Посылаю Вам на заключение стихи Псальмова, и если Вы их найдете заслуживающими печати, то дайте им место в «Русской Мысли». Закрытый «Сев. Курьер», «Новости», «Новое Время» не раз перепечатавали стихи покойного и давали печатный отзыв... Отзывы хранятся у вдовы.

Надеясь на Ваш отзыв, покорнейше прошу сообщить — возможно ли и мне, скромно лежающему русскую старушку музу по части прозы, принять участия в Вашем журнале. У меня есть разные рассказы из «акцизной жизни», имеющие бытовое для здешнего края значение и так... наброски из жизни. Могу ли я быть Вам полезен, тем более что я из дешевых авторов, начинающих... места много не займу.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Николай Бантыш
1901 г. Июня 12
Местечко Глубокое
Виленской губернии

P.S. Правда, я не читал Рус. Мысли. Сегодня же посылаю за мартовской книжкой.

¹ Упомянутое письмо Н.В. Псальмовой не найдено.

ЖЕНЕ

*Как в тундре дикой и пустой,
Где все живое замирает,
Чудесный свет там лишь сияет
Своей волшебной красотой
И мрак мертвящий оживляет
Хотя на миг. Или во мгле
Ужасной бури в океане,
Как светлый ангел на скале,
Блестит маяк в ночном тумане, —
Так и в пустыне бытия,
Под гнетом скорби изнывая,
Иду путем тернистым я...
Кругом все тьма да глушь немая...
И вдруг сиянием прекрасным
Твоя любовь явилась мне,
Весь гнет печали разгоняя,
Как луч рассвета в вышине!*

1894 г. 9 июня

НЕВЕСТЕ

*Ты красива, изящных манер
Весь усвоила кодекс мудреный;
Не напрасно погиб; знать, пример
Твоей маменьки светски ученой.
И раба «благородных» традиций,
Больше смерти, сильнее греха
Ты боишься остаться девицей
И как манны ты ждешь жениха!
Наконец ты добилась успеха:
И тобою увлекся не фат;
К свадьбе явится вряд ли помеха,
Лишь одно — он совсем не богат!
Околдованный лаской наивной,
Обаяньем твоей красоты,
Звуком речи притворно невинной,
Он не понял твоей пустоты...
Он поймет, что ошибся, но поздно;*

*Когда звеня семейных оков
Его свяжут так тяжко и грозно,
Что проклясть будет жизнь он готов...
Образумь его вовремя смело;
И хоть раз во всю жизнь соверши
Христианское честное дело:
Не губи его бедной души!
Вороти его к той, что умеет
С ним делить не улыбки одни;
Той, что сердце его отогреет
В беспросветно холодные дни.
Для тебя же совсем безразлично
С кем идти под желанный венец,
Будь то старец с титулом, приличный
Или розово-глупый юнец.
Не равно ли какую игрушкой
Тешишь твой непрерывный досуг?
Лишь бы шумной, блестящей пирушкой
Шел бы жизни золоченный круг!*

1889 г. 6 марта

ВЕЧНОЙ ДОЛЖНИЦЕ

*Погляжу на тебя, горемычную,
И слезы удержать не могу:
Молча терпишь ты бедность привычную
И у всех постоянно в долгу;
То у батюшки, что кормит «бездворницу»
(Так в деревне девчонок зовут),
То в людях, где считают работницу
Дармоедкой, и тяжкий твой труд
Оцениют едва лишь копейками...
А потом попрекать будет муж,
Да золовки глядят лиходейками
И не радуют детки к тому ж.
А под старость твой сын с неохотой
Даст за печкой тебе уголок,
А невестка всплакнет, что работою
Не оплатишь их «сладкий» кусок!¹*

Г.Е. Псальмов

¹ Внизу страницы приписка «В Вил. Вест. эти строки перековерканы».

Хороши у него стихи из народной жизни. Глубокая, яркая психика ложится в строки стиха и невольно переживаешь муки или действующего лица, или самого поэта. В народных песнях, монологах Псальмова скрадывается субъективность, страдающая личность поэта, но жизненная правда <неразб.> своей сердечностью, любовью... Гервасий Псальмов не Надсон,

Но он другой избранник горя,
И плачет сердцем он,
С судьбой и Господом не споря!

Два письма Н.М. Бантыша редактору «Русской мысли»¹

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

Прочитав объявление Русской Мысли о «самородках талантах», считаю долгом сообщить, что 2 октября 1900 года в деревне Андроновке Смоленской губ. Бельского у. умер крестьянин поэт *Гервасий Ефремович Псальмов*² (52 лет от роду). Покойный на закате многотрадных дней своих увидел в печати свои стихи, которые приютили Сев. Зап. Слово и Минский Листок, а позже Виленский Вестник. У меня имеется его биография и неизданные тетради стихов, а равно стихи уже напечатанные.

Редактор Сев. Зап. Слова г. Ключковский печатно изъявил согласие издать книжку стихов Псальмова и просил меня выслать все, что касается покойного. Я выслал одну тетрадку стихов и собственноручно писанную Псальмовым автобиографию. Впоследствии редактор объявил о рассылке книжечки Псальмова в виде бесплатного приложения к газете... Время прошло; печатные намерения забылись, а издания нет; вдова Псальмова все же осталась с одной невозвратной потерей, неисходным горем и тяжелой материальной нуждой...

Если в России, в кипучих горячую жизнью центрах еще не умерло широкое любвеобильное русское сердце, то придите, Господин Редактор, своим журналом на помощь неотложной нужде, тем более что читающий народ будет иметь возможность прочесть наболевшее горе простолюдина, перечувствовать вместе с ним беспросветную жизнь... Жизнь Псальмова — непрерывный ряд подвигов нравственной и физической муки; а главное, чтобы явить-

1 «Русская мысль» — один из лучших ежемесячных литературно-политических журналов в России. Выходил в [Москве](#) в [1880](#) — 1918 гг. Издатель-редактор — В.М. Лавров (до 1906 года), с 1885 г. его соредакторами были В.А. Гольцев (до 1906 года) и М.Н. Ремезов (до 1901 года). К кому из трех редакторов «Русской Мысли» (Лаврову, Гольцеву или Ремезову) обращается Бантыш, не установлено.

2 Все подчеркивания, курсивы, сокращения в тексте письма сделаны его автором.

ся свету в своих песнях и стихах этому герою темной среды нужно было так мучительно, неопишимо мучительно умереть!

Никаких договоров как покойный, так и вдова его с редактором Сев. Зап. Слова не имели. Стихи все у меня. Если «Русская мысль» пожелает совершить доброе дело, я вышлю стихи и биографию Псальмова по первому требованию.

Вдова покойного Надежда Вячеславовна *Псальмова* живет в деревне Обухове, — купца Гаврилова. Ст. Моск. Брест. ж.д. Дорогобуж.

Мой адрес: местечко Глубокое
Николаю Митрофановичу Бантышу
В ожидании ответа остаюсь с почтением
Николай Бантыш (Сотрудник Сев. Зап. Слова, Минского листка и Виленского вестника)

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Посылаю рисунки, сделанные учеником Псальмова; лучшего художника в округе не нашлось.

Хата, где жил поэт и церковь, близ которой он похоронен, что обозначено особенной черной мазней. Дом в деревне Андроновке, церковь в селе Васильевском (Бельского уезда). Эта церковь недавно воздвигнута на месте старой, деревянной, где Псальмов 30 лет управлял хором. Есть его собственные, положенные им на ноты стихи-песни.

Посылаю несколько стихов с припиской жены покойного.

Мартовскую книжку «Мысли» получил.

С почтением
Николай Бантыш.
4 августа 1901 г.
Город Радошковичи
Виленской губ.

P.S. Господину Яцимирскому переданы мною несколько стихов Псальмова, не знаю, получил ли он?

Рисунки, приложенные к письму:

Рисунок 1
Рисунок 2

Благодаря найденным письмам Н.М. Бантыша удалось установить фамилию человека, упомянутого в статье Яцимирского как «А.И. В-х», — Вейденбах. Текст писем позволяет предположить, что рукописей Псальмова у Вейденбаха не было. На сегодняшний день «архив А.И. Вейденбаха» не найден.

Неоднократно в письмах говорится о том, что рукописи переданы Г.Е. Клочковскому: «Стихи я передал Клочковскому согласно его письма, которое имеется у меня», «<...> г. Клочковский печатно изъявил согласие издать книжку стихов Псальмова и просил меня выслать все, что касается покойного. Я выслал одну тетрадку стихов и собственноручно писанную Псальмовым автобиографию¹» и т.д. Пока «архив Клочковского» не найден, поиски в этом направлении представляются наиболее перспективными и продолжаются.

Судя по письмам, большая часть написанного Псальмовым находилась у Бантыша, по крайней мере, в первый год после смерти поэта: «<...> я имею новые его стихи и черновики тех, что в редакции Сев. Зап. Слова», «У меня имеется его биография и неизданные тетради стихов, а равно стихи уже напечатанные», «Стихи все у меня». В этом направлении ведутся активные поиски. Под одним из писем указано тогдашнее место проживания Бантыша — город Радошковичи Виленской губернии. Отсюда — необходимость обращения в архивы республики Беларусь, поскольку ныне Радошковичи — это поселок городского типа в Молодечненском районе Минской области².

Кроме всего прочего, письма Бантыша позволяют предположить, что какая-то часть материалов могла остаться у вдовы поэта — Надежды Вячеславовны Псальмовой: «“Сев. Курьер”, “Новости”, “Новое Время” не раз пере-

1 Отметим, что вышедшее в 1914 году под редакцией Г. Клочковского собрание стихотворений поэта по объему значительно превышает «одну тетрадку стихов». Автобиографии Псальмова в нем нет.

2 В связи с этим следующий шаг — работа в архивах Республики Беларусь, прежде всего в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ).

печатавали стихи покойного и давали печатный отзыв... Отзывы хранятся у вдовы». Таким образом, обозначается еще одно направление поисков — «архив жены».

Письмо Н.В. Псальмовой¹

Глубокоуважаемый Г. Редактор!

Если находите возможным издать стихотворения покойного поэта Псальмова, моего мужа и желаете иметь тетради его стихов и автобиографию, то за этим обратитесь от моего имени к Николаю Митрофановичу Бантышу, адрес его до 15-го числа следующий. Виленской губернии, станция Глубокое. Его Высок. Ник. Мит. Бантышу. Если же после 15 то лично ко мне. Смоленской губ. по линии Брест — Моск. жел. дор. станция Дорогобуж, деревня Обухово купцу Гаврилову с передачей учительнице Н.В. Псальмовой. О условиях издания если таковое состоится, мы условимся лично, или с Бантышом, которому переданы мною все вышеозначенные тетради. Если я нужна буду для личных переговоров, то пишите по вышеприложенному адресу.

С истинным и глубоким уважением честь имею пребыть вдова поэта Надежда Псальмова.

1901 г. 5 июня.

И опять наиболее вероятным хранителем рукописей Псальмова оказывается Николай Бантыш, которому вдова Псальмова, по ее словам, передала «все вышеозначенные тетради» со стихами и автобиографией.

3. В одном из фондов РГАЛИ² была обнаружена тетрадка с рукописями стихотворений Гervasия Псальмова — на сегодняшний день самая впечатляющая из архивных находок.

В тетради 18 стихотворений («У плащаницы», «Чувства в день Пасхи», «Богоматери», «Покаяния отверзи ми двери» и др.). Тексты, скорее всего, написаны рукой жены поэта — Надежды Вячеславовны, женщины образованной, дворянского происхождения. Ради любимого человека она оставила родителей, привычный круг и до конца жизни была его верным другом и помощницей. В найденной тетради есть и автограф самого поэта — ему принадлежит подпись, стоящая после финального стихотворения («На погосте»). Подпись разборчивая, но дрожащая: в последние годы Псальмов тяжело болел, возможно, об этом и свидетельствует нетвердость автографа.

1 Редактору какого издания — «Северо-Западного Слова» или «Русской мысли» — пишет Псальмова, не установлено.

2 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

Стихотворения в тетради идут одно за другим, разделов нет, строфы графически не выделяются, строки пишутся от края страницы до края. Проведенное сопоставление с «Полным собранием сочинений Г.Е. Псалъмова» показало, что из рукописной тетради в издание Ключковского вошли 17 произведений (не вошло по непонятным причинам хорошее стихотворение «Ученикам начальной школы») и каждое подверглось редакторской правке¹. Наличие рукописной тетради позволило выбрать лучшие варианты текстов для нового издания стихотворений Псалъмова.

Итоги архивных поисков, полученные на сегодняшний день, отражены в Таблице 1. Поиски продолжаются.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Г.Е. ПСАЛЪМОВА

	Направление поиска	Местонахождение источников	Результаты, полученные на данном направлении поисков
1.	Архив А.И. В – ха	не установлено	установлена фамилия – Вейндбах
2.	Архив Северо-Западного Слова	не установлено (возможно, БГАМЛИ)	установлена передача тетрадей со стихотворениями и автобиографии
3.	Архив Ключковского	не установлено (возможно, БГАМЛИ)	установлена передача тетрадей со стихотворениями и автобиографии
4.	Архив Зезюлинского	ГАСО	обнаружено «Историко-статистическое описание прихода села Васильевского»
5.	Архив Рачинского	РГАЛИ	найдена рукописная тетрадь с 18 стихотворениями Псалъмова
6.	Архив Яцимирского	РО ИРЛИ	найжены письмо Н.М. Бантыша Яцимирскому, его же два письма редактору «Русской Мысли»
7.	Архив Бантыша		
8.	Архив Владыки	не установлено	установлена передача стихотворений и автобиографии
9.	Архив жены поэта	не установлено	рукописный архив поэта, газетные вырезки с его стихотворениями и отзывами

¹ Материалы по теме «Этапы и особенности работы над новым изданием сочинений Г.Е. Псалъмова», содержащие текстологический анализ рукописных и опубликованных в «Полном собрании сочинений Г.Е. Псалъмова» произведений, см. в разделе «На пути к читателю: издание сочинений».

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КОМПОЗИЦИЯ, ТЕМАТИКА, ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА, ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

В ДУШЕ МЕЧТАТЕЛЬ И ПОЭТ: ОБРАЗ АВТОРА В ЛИРИКЕ ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

В 1846 году увидело свет Полное собрание стихотворений А.В. Кольцова. Белинский откликнулся на это событие: «Издавая в свет полное собрание стихотворений покойного Кольцова, мы прежде всего думаем выполнить долг справедливости в отношении к поэту, до сих пор еще не понятому и не оцененному надлежащим образом»¹. Так сказано о поэте, чей творческий путь начался под чутким руководством известного литератора, мыслителя, общественного деятеля Н.В. Станкевича, благодаря которому стихи 21-летнего автора попали в «Литературную газету», а позднее состоялось знакомство с Жуковским, Вяземским, Одоевским, наконец, Пушкиным, удостоившим Кольцова благожелательного внимания и поддержки. О Кольцове как о самобытном явлении русской литературы писали Белинский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский. Стихотворения его стали песнями на музыку Балакирева, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова. При всем этом Белинский считает возможным в начале своей статьи сказать о том, что Кольцов не оценен надлежащим образом, и призвать к выполнению долга справедливости по отношению к нему.

В полной мере этот призыв можно повторить, переадресовав другому поэту, в судьбе которого не было литературных учителей, именитых друзей, почитателей и, по большому счету, просто читателей, — Гервасию Ефремовичу Псальмову.

Вся жизнь Псальмова прошла в смоленской деревне с ее трудами и заботами. Стихи, которые он писал с юности и до последних дней, не нашли заинтересованного издателя. Лишь несколько стихотворений, по свидетельству современников, были опубликованы в провинциальных газетах («Минский листок», «Виленский вестник», «Северо-Западное Слово»). В силу сказанного неожиданным выглядит тот факт, что через 14 лет после его смерти, в неудобное для поэзии время — в 1914 году, в неожиданном месте — в Великих Луках, вышло в свет «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова»². Это внушительный том, в котором свыше 200 стихотворений разных жанров и тем. Такая книга способна представить поэта широко и разносторонне, привлечь

1 Белинский В.Г. О жизни и сочинениях Кольцова. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0100.shtml

2 Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. В статье стихотворения Псальмова приводятся по этому изданию, в круглых скобках указаны страницы.

внимание читающей общественности, однако «Полное собрание сочинений» никому не известного Г.Е. Псальмова никакого впечатления ни на публику, ни на критиков не произвело.

Грандиозные перемены захватывают в эти годы Россию, безвозвратно меняя ее облик. Время диктует поэтические ритмы, поспеть за ними нелегко. Александр Блок, обостренно чувствующий ритм времени, осознавая, что «опоздал», оставляет работу над поэмой «Возмездие». В этой поэме, задуманной в 1910 году, Блок намеревался представить «короткий обрывок рода русского, живущего в условиях русской жизни»¹ — фрагмент истории своей семьи и своей страны, начиная с 70-х годов XIX века. Работа над поэмой продолжалась несколько лет, но в 1919 году прекратилась. «Время ушло вперед», и теперь, по признанию Блока, он «не чувствует ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла <...>»².

*Прошло одно — идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья <...>*³

То, что произошло со стихами Гервасия Псальмова, в полной мере подтвердило предсказание Блока. «Промедление» его прихода к читателю оказалось катастрофическим, ведущим к поэтическому небытию.

Поэзия Псальмова могла стать ярким дополнением к образу деревни, созданному во второй половине XIX века трудами Тургенева, Некрасова, Глеба Успенского, поэтов-народников. Дополнение это могло быть весьма существенным, поскольку в отличие от большинства авторов, с любовью писавших о деревне и искренне радевших за светлое будущее крестьянина-труженика, для Гервасия Псальмова крестьянский образ жизни был не только темой творчества, но и судьбой.

С некоторой ясностью представить себе, как жил и работал Гервасий Ефремович Псальмов, можно благодаря разделу, открывающему упомянутое выше собрание его сочинений. Раздел, названный «Вместо биографии», составлен из опубликованных в начале XX века в Вильно, Минске и Смоленске некрологов и статей памяти поэта, где изложены некоторые биографические сведения. Но даже без этого поминального раздела, наполненного печальными фактами, фрагментами утерянных ныне писем, проникновенными словами, многое можно узнать, почувствовать, обратившись непосредственно к стихам.

1 Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 3. Стихотворения и поэмы. М.-Л.: ГИХЛ, 1960. С. 298.

2 Там же. С. 295.

3 Там же. С. 313.

От стихотворения к стихотворению разворачивается повествование об одаренном, стремящемся к разумной и творческой жизни человеке, которому суждено нести крест тяжелых физических трудов и страданий. Голодная, но преисполненная светлыми надеждами пора детства. Страсть к книгам. Работа учителем, любовь к детям и осознание нужности того, что делаешь. Срывы и падения. Любовь и неизбежное чувство вины перед женой, оставившей благополучную жизнь и принявшей на себя тяготы жизни крестьянской. Вера в Бога и искреннее служение церкви.

Образ автора, как показал анализ, занимает центральное место в поэтическом мире Псалмова. Он неразрывно связан с двумя другими основными образами – образом деревни и образом России. Очевидная градация «автор – деревня – Россия» основана на разнице «масштаба», но не значимости. Без ясного представления о первом образе в этой цепи – образе автора – невозможно адекватное понимание двух других: деревню последних десятилетий XIX века мы видим глазами автора; художественный образ России обусловлен его знанием жизни, русской истории.

Каковы характерные черты этой поэтической личности? В первую очередь, автор указывает социальную принадлежность – крестьянское сословие. Главным отличием этого сословия от других является труд на земле. Описаниями пахоты, косьбы, сбора урожая, ухода за скотиной наполнены стихотворения Псалмова.

*Эх, куда не легка
Доля-жизнь мужичка!
Вечный труд, все покоя-то нету:
Надо косу отбить
И овин растопить,
Смолотить, чтобы завтра, до свету,
Чтоб днем сено сгрести
И снопы привезти...
Время страдное, все надо разом:
И покос убирать,
И под озимь пахать,
Сеять рожь – потеряешь и разум!.. (С. 31)*

Даже в тех случаях, когда меняется форма выражения авторского сознания и от повествования в первом лице автор переходит ко второму или третьему, как правило, он не может скрыть не только сочувствия к персонажам, но и своего тождества с ними. Например, в стихотворении «Пахарь» автор описывает, как с самого раннего утра трудятся в поле мужик и его конь, воспроизводит разговор пахаря со своим вороным помощником, делает пейзажные зарисовки, то есть происходящее дается «со стороны», но в какой-то момент вместо «они» (*А на поле кругом / Копошится народ <...>*) у него вырывается «мы» (*Вот работа пошла, / Точно Плевну берем!* (С. 37)).

И о красотах природы – традиционная для лирики тема – Псалмов размышляет с позиции земледельца. В стихотворении «Почему?», отдав дань многократно воспетым прелестям наступающей весны (*изумрудная зелень, небес бирюзовый шатер, соловья задушевное пенье, полей необъятный простор*), он дополняет образ весны неожиданной гранью:

*Почему же воспеть позабыли,
Как весною страдает мужик?
Когда пусто в холодном овине,
В закромах ни пылинки муки
И на корм изнуренной скотине
С крыши прелой соломы пуки
Надо стаскивать волей-неволей
(Ведь весною гроша не добыть),
А на плохо удобренном поле
Озимь будто больная глядит.. (С. 48)*

Читателем такой образ весны воспринимается как остранный, а для поэта-крестьянина наоборот – остранным является беззаботно-радостное описание весны. Название стихотворения подчеркивает недоумение по поводу того, что *всех веков и народов поэты*, воспевая *милые сердцу приметы весны*, обошли молчанием еще одну, «трудовую», грань этого образа.

Вполне предсказуемо, что центральное место в природных описаниях Псалмова занимает земля. Она – не только часть пейзажа, это одушевленное, величественное начало, с которым связана вся жизнь. Не любование землей, а любовь к ней. И любовь эта выстрадана годами терпения и труда.

*Полоска родная! Как часто и щедро
Слезами и потом моим поливал
Твое изнуренное мрачное недро,
Когда ему зерна свои поверял.
И ждал я с надеждой плода от посева...
Но ты мне родила звонец да костерь¹,
Как будто бы знаменьем вечного гнева
Была твоя дань. И от этих потерь
Усталое сердце сжималось бессильно...*

¹ О таком бедствии для земледельцев, как ржаной костер и звонец, пишет современник Псалмова А.Н. Энгельгардт в знаменитых «Письмах из деревни» (1872 – 1887), созданных в период пребывания автора в смоленском селе Батищево: «<...> оказывается, что русскому мужику достаточно и черного ржаного хлеба, да еще с сивцом, звонцом, костером и всякой дрянью, которую нельзя отправить к немцу». URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_a_n/text_0020.shtml

Псалмов заканчивает рассказ о трудной безответной любви строками, по силе духа и благородству своему неуловимо напоминающими пушкинское «дай Вам Бог любимой быть другим»:

*Все так же люблю тебя, жажду сердечно,
Чтоб кто-либо в гроб мой родною рукой,
Меня провожая в покой вековечный,
Ко мне положил твой комочек сырой.* (С. 46-47)

Первая выделенная нами черта образа автора, созданного Псалмовым и определившего облик его поэтического мира, — открыто заявляемая принадлежность к крестьянскому сословию.

Эта черта настолько отчетливо проявилась в стихотворениях Псалмова, что затмила собой другие особенности данного образа. Те немногие, кто писал о Псалмове, безоговорочно причисляют его к крестьянским поэтам и на этом останавливаются: «<...> певец народного горя — простой, сердечный, <...> певший жизнь горькую такую, какой она есть...» (Н. Бантыш)¹; «<...> задушевные песни деревенского поэта, проникнутые горячим чувством любви к родному селу, затерявшемуся среди угрюмых бельских лесов и болот, к обездоленному деревенскому пахарю» (А. Епифанский)²; «Воспитанный в деревне, Псалмов высказывал в своих стихотворениях все то, что думает и чувствует его родная деревня. Непосредственность, простота чувства и языка, вера в добро, беспредельная любовь к крестьянскому быту, к безропотному труженику-пахарю, — вот характерные особенности поэзии Псалмова» (А. Яцимирский)³.

Проведенный нами анализ показал, что образ автора у Псалмова нельзя свести к одной «крестьянской» черте. Эта поэтическая личность более многогранна. Показательно в этом отношении стихотворение «Акростих», которым открывается Полное собрание сочинений. Первые буквы каждой строки образуют имя «Псалмов Гервасий». Чем же автор «наполняет» это имя, что считает нужным сказать о себе?

*Простого я происхожденья
Судьбы по воле роковой.
Андроновка — одно селенье,
Лежащее в глуши лесной —*

1 Бантыш Н. Некролог Г.Е. Псалмова // Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова / Под ред. Г.Е. Ключковского. Изд.1-е. Великие Луки, 1914. С. 1.

2 Епифанский А. Народный поэт (Заметка «Смоленск. Вестн.» — № от 19 окт. 1900 г.) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова / Под ред. Г.Е. Ключковского. Изд.1-е. Великие Луки, 1914. С. 2.

3 Яцимирский А.И. Неизвестный певец народного горя // Русская мысль. М., 1901. Кн. III. С. 137.

Мне родина. Мое рожденье
 Осенний холод, серый день
 Встречали, да тумана тень
 Густая – знаки горькой доли...
 Едва имея десять лет,
 Работал я уже на поле.
 В душе мечтатель и поэт... –
 Ах, как я полюбил природу
 С ее волшебной красотой,
 И как я рвался на свободу,
 И все ж остался за сохой! (С. 24).

В большинстве строк (с 1-й по 11-ю) изложены факты, свидетельствующие о том, что Гервасий Псальмов – крестьянин (например, *Едва имея десять лет, / Работал я уже на поле*). И хотя в финале говорится о том же – *остался за сохой* – крестьянской темой самохарактеристика автора не исчерпывается. Строка *В душе мечтатель и поэт* указывает на еще одну составляющую его личности, существующую «вместе» и «вопреки» с уже названной «крестьянской», – поэтическую одаренность, стремление к культуре.

Псальмов строит образ автора на трудно совмещаемых началах: «крестьянин – поэт»; «добывание хлеба насущного в поте лица – эстетическое восприятие мира». Именно напряженным сосуществованием этих двух начал объясняется смысл таких слов и выражение, как «горькая доля» и «свобода». Может показаться, что при помощи этих минимальных тем поэт вводит в стихотворение традиционную для крестьянской поэзии тему социальной обделенности простого народа. Однако это ошибочное впечатление.

ДВЕ ГРАНИ АВТОРСКОЙ ЛИЧНОСТИ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В АКРОСТИХЕ ПСАЛЬМОВА

1.	<u>Крестьянин</u>	<u>Поэт</u>
	<i>Простого я происхожденья; еще: Андронковка – одно селенье, / Лежащее в глуши лесной – / Мне родина <...>.</i>	<i>В душе мечтатель и поэт...</i>
2.	<u>Добывание хлеба насущного</u>	<u>Эстетическое восприятие мира</u>
	<i>Едва имея десять лет, / Работал я уже на поле.</i>	<i>Ах, как я полюбил природу / С ее волшебной красотой.</i>
3.	<u>Как сложилась жизнь</u>	<u>О чем мечталось</u>
	<i><...> остался за сохой!</i>	<i><...> рвался на свободу <...>.</i>

В данном контексте «рвался на свободу» означает не революционные устремления, а желание заниматься тем делом, к которому лежит душа; «горь-

кая доля» сказано не о принадлежности к крестьянству, а о невозможности осуществить сокровенное желание, реализовать свой литературный талант.

Достоверность предложенного объяснения подтверждается рядом других стихотворений, в которых повторяется эта же ситуация: «душу охватывает вдохновение, поэт готов творить, но проза жизни требует оставить творческий труд и заняться трудом физическим»:

*<...> И вот волнение — писать!
Но... вдруг зовут... какая жалость!
Бросаю всю, иду опять...
Иду, спеша, на жатву в поле,
Пыл остывает — и сюжет¹,
Бледнея, тает поневоле...
И жалко, грустно, силы нет!*

Тяжелый крест, тернистый путь, горькая доля сказано о мучительном сочетании несочетаемого: творческий порыв, желание отдаться этому порыву, осознание собственных способностей и необходимость вопреки этому заниматься тяжелой физической работой.

То, что описанная ситуация — основополагающая в образе автора, создаваемом Псалымовым, подтверждается не только текстами стихотворений, но и затекстом, то есть фактами внелитературной действительности, например, письмами: «<...> мне нужен покой или труд умеренный и посильный, а не воловий, который удручает всех крестьян в страдную пору... Тогда я как раз написал бы что-либо порядочное и отдохнул бы душой; да то и горе, что нет возможности: без хлеба будешь <...>»².

Уверенность в своей поэтической одаренности, в уместности творческой деятельности главенствуют в самосознании автора. Если он в чем-то и сомневается, то в благоприятной судьбе своих произведений, в возможности обрести читателя, но никогда — в своем поэтическом призвании.

Объемность, внутренняя напряженность образа автора связана с непреодолимой двойственностью: сущность личности — поэт, форма существования — крестьянин. Двойственность эта порождает горечь, порой жалобы на жизнь, недоумение, но драматизма в его крайних проявлениях в стихах Псалымова нет. Напряженность дилеммы «поэт — крестьянин» смягчается, а точнее, снимается существованием еще одной личностной грани, воспроизводимой Псалымовым в образе автора.

Выше было сказано, что в стихах Псалымова отсутствует тема социальной борьбы, психологического бунта, автор культивирует иной принцип отноше-

1 Отметим яркий синтаксический перенос, благодаря которому глагол «остывает» можно отнести и к «пылу», и к «сюжету». Сюжет остывает — авторская метафора, нехарактерная для крестьянской поэзии.

2 Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псалымова // Полное собрание сочинений Г.Е. Псалымова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд.1-е. Великие Луки, 1914. С. 18.

ния к трудностям жизни — осмысленное терпение. Подобное отношение характерно для верующего человека. Вера в Бога — это и есть третья основная составляющая образа автора у Псальмова, уравнивающая, примиряющая две других.

*Далекий гордости сословной,
Я православный мужичок,
Я не имею родословной:
Мой род забытый не высок.
Живу на свете я не даром:
В свободный от трудов часок,
Объятый вдохновенья жаром,
Плету на гроб себе венок.
Венок мой скоро ли завянет,
Вплету ль еще в него цветок?
И скоро ль смерть ко мне нагрянет? —
Не знаю... Я ведь не пророк... (С. 61)*

Религиозная тема в творчестве Псальмова — это предмет специального исследования¹. Скажем только, что религиозная тема представлена у Псальмова широко и разнообразно: он писал о церковных праздниках и святынях, перелагал в стихи библейские сюжеты, вводил в тексты церковнославянизмы, библейские образы и цитаты из Священного писания, сочинял молитвы, переводил церковные песнопения. Но все это есть и у других поэтов. Особенность поэзии Псальмова заключается в том, что он воспроизвел особый тип религиозного сознания, целостный и выписанный последовательно и тщательно. В любом деянии: будь то работа в поле, утешающая беседа с женой, руководство церковном хором, сложение стихов — есть осознание высшей предусмотренности, следование заповедям.

Основные черты образа автора в лирике Псальмова: принадлежность к крестьянскому сословию, то есть жизненная необходимость заниматься физическим трудом, творческая одаренность, вера в Бога. Две первые черты, реализуясь в поступках и помыслах, создают напряженность, динамику образа, третья — гармонизирует.

В силу цельности и самобытности образ автора, занимающий центральное место в поэтическом мире Гервасия Псальмова, имеет значительную художественную ценность.

¹ На конференции «Современные пути исследования литературы», проходившей в Смоленске 5-6 июня 2012 года, иеромонахом Хрисанфом (Шадроновым), ныне игуменом Спасо-Преображенского Авраамиева мужского монастыря (Смоленск) был прочитан доклад на тему «О религиозной цели жизни и творчества Г.Е. Псальмова».

ПЕРЕВОДЫ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

Выдающийся педагог, профессор Московского университета С.А. Рачинский неоднократно писал о пользе богослужебных текстов для дела просвещения русского народа, утверждая, что «последовательное чтение в церкви шестопсалмия, часов, Апостола» является «необходимым дополнением к школьному учению»¹. Представление С.А. Рачинского об образовательной значимости богослужебных текстов, по его собственному признанию, во многом сформировалось в непосредственном общении с учителями, работающими в деревне. «Если я чему-нибудь научился в течение моей школьной практики, то, конечно, не от записных педагогов, не от учителей казенного изделия, но от учителей-крестьян, никогда не покидавших своего глухого угла, не знавших иной школы, кроме сельской»².

Одним из таких учителей-крестьян, опыт которого, возможно, повлиял на педагогические взгляды С.А. Рачинского, был Гервасий Ефремович Псалмов. Обладая разнообразными и яркими дарованиями, не получив однако специального образования, он всю жизнь учил грамоте детей родного села Васильевского, Бельского уезда, Смоленской губернии³.

Среди чудом сохранившихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва) бумаг Псалмова была найдена самодельная тетрадка, сшитая из нескольких листов, на которых полууставом переписан текст Шестопсалмия на русском языке⁴. Следы воска на страницах позволяют предположить, что эта рукопись не была лишь упражнением в переводе или каллиграфии, но и использовалась во время церковной службы, когда чтецу трудно уследить за оплывающей свечой.

Использование на службе не церковнославянского, а русскоязычного перевода Псалтыри требует объяснений⁵.

Шестопсалмие образуют избранные псалмы – 3, 37, 62, 87, 102 и 142. «Псалмы выбраны, должно быть, не без намерения из разных мест Псалтыри равномерно; этим они представляют ее всю <...>. Псалмы выбраны однород-

1 Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 55.

2 Там же. С. 77.

3 На сегодняшний день опубликована одна статья на эту тему: Павлова Л.В., Туберозова М.В. Сельская школа в жизни и стихах Гервасия Псалмова // Известия Смоленского государственного университета. № 1 (21). Смоленск, 2013. С. 29-39. В новой редакции с дополнениями материалы исследования этой темы представлены в первом разделе данной коллективной монографии.

4 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488. Лл. 23-29.

5 Перевод Священного Писания и богослужебных текстов на русский язык – самостоятельная научная проблема, давно и прочно завладевшая умами ученых. См., например, ставшие классическими труды: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб, 1899; Евсеев И.Е. Очерки из истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.

ного содержания и тона, господствующего в Псалтири; именно, все они изображают преследование праведника врагами и его твердую надежду на Бога <...>»¹.

Место Шестопсалмия в суточном богослужбном круге актуализирует еще одно значение – мессианское. Шестопсалмие читается при погашенных светильниках, в полумраке, в самом начале утренней службы, символизирующей новозаветное время, и знаменует ночь, когда Спаситель родился и в мир пришла Его молитва за всех, обращенная к Отцу Небесному.

Еще один смысл, эсхатологический, отражен в церковном предании, гласящем, что Страшный суд Христов будет длиться столько, сколько занимает чтение Шестопсалмия.

Смысловая многослойность и напряженность Шестопсалмия требует интеллектуальных усилий, определенного уровня духовного развития. Отсутствие понимания глубины духовного содержания ведет к отчуждению от церковной культуры, более того, порождает пренебрежительное отношение к ее священному смыслу.

Некоторые предпосылки для осмысленного восприятия есть, поскольку Псалтирь давно и прочно вошла не только в церковный, но и бытовой обиход, по ней учатся читать, постигают житейскую мудрость – воистину настольная книга каждого верующего христианина². Псалмов в одном из стихотворений («Монолог селянина») упомянул о том, что учеба в школе у многих крестьян напрямую соотносится с изучением Псалтири:

*Мал сынишка-то мой,
Пошел год лишь восьмой;
Лето пусть погуляет на воле,
Пусть болтается зря,
А зимой псалтыря
Почитать пора ему в школе³.*

При очевидной значимости Псалтири в жизни русского народа очевидны и сложности ее понимания. С.А. Рачинский, ратуя за изучение богослужбных текстов в школе и особое внимание уделяя Псалтири как «единственной священной книге, проникшей в народ, любимой и читаемой им», признавал, что «это книга трудная» и «издание учебной Псалтыри – учебной не только по крупному шрифту, но и снабженной сжатым и дельным подстрочным комментарием – было бы крайне желательно»⁴.

1 Скабалланович М.Н. Толковый Типикон. М.: Паломник, 2003. С. 199.

2 См., например: Употребление книги Псалтирь в древнем быту русского народа // Православный собеседник. Кн. 4. Казань, 1857.

3 Псалмов Гервасий. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. С. 35.

4 Рачинский С.А. Сельская школа: сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. М.: Педагогика, 1991. С. 54.

Необходимость сделать сложный текст более доступным, не исказив при этом духовного смысла, осознавал и Г.Е. Псальмов, свидетельством чего является найденная в архиве рукопись русскоязычного Шестопсалмия¹. Псальмов тщательно, с принятыми выделениями красным цветом заглавных букв в соответствующих местах, добиваясь подобия с настоящей богослужебной книгой, переписал в тетрадь шесть псалмов, воспользовавшись знаменитым переводом Псалтири, сделанным Г.П. Павским².

Тетрадка с Шестопсалмием не только показывает искусство владения Псальмовым писанием полууставом, в ней ощутимо его заинтересованное присутствие: закончив текст Шестопсалмия, он делает приписку, в которой дает толкование отдельным древнегреческим и древнееврейским словам³. Например, восторженный возглас «Аллилуйя» описан так: «Αἰ γρηδετ, ἰλ Бог, ἰἰα хвалите Бога живаго» и сопровождается пометкой «еврейск.», указывающей на происхождение. Название богослужебной книги, в составе которой находятся трехпесенные каноны, Псальмов так же подробно объясняет: «Τρις, три, ὀδί песнь, ἄδῶ пою – Триодь». «Монах» представлен как сложение слов «μόνος, один» и «ἄχος, скорбь». Дозволение сидеть на службе во время чтения кафизм связывается с буквальным переводом греческого слова «кафизма» (в рукописи Псальмова: «κάθειζω, сажу»).

В полустраничной приписке, сопровождающей перевод, Псальмов стремится объяснить, что стоит за непонятным, хотя часто употребляемым в церковном обиходе словом. Псальмов, с раннего детства связавший свою жизнь с церковью, руководивший церковным хором, прекрасно знал о практике восприятия богослужебных текстов, сложившейся в простой среде, – «от одного понятного слова к другому» с домысливанием промежуточных отрезков. Русский язык псалмов, объяснение часто используемых на службе иноязычных слов – все направлено на преодоление этой традиции.

Целеустремленность, которую демонстрирует Псальмов, будучи еще совсем молодым человеком⁴, по-видимому, задавалась и поддерживалась его

1 Заметим, что тетрадка Псальмова с переводом Шестопсалмия датирована 1872 годом, в это время С.А. Рачинский, будущий идеолог церковно-приходской школы, только переселился из Москвы в Татеву, только начинал свой путь сельского учителя.

2 Герасим Петрович Павский (1787 – 1863) – выдающийся русский ученый, филолог, экзегет, переводчик Библии, законоучитель наследника престола, будущего императора Александра II. Переводил книги Ветхого и Нового Завета. Переведенная им с еврейского на русский язык Псалтирь впервые была опубликована в 1822 году и многократно переиздавалась. На переводы Павского в той или иной степени опирались все последующие переводчики Библии. И современные авторы порой используют не Синодальный перевод, а перевод Г.П. Павского (например, см. поэтический перевод Шестопсалмия, сделанный С.С. Аверинцевым. URL: <http://www.molitoslov.com/text948.htm>).

3 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488. Л. 29.

4 После Шестопсалмия и приписки, содержащей этимологическое толкование слов «Аллилуйя», «Евангелие», «Триодь», «кафизма» и др., стоит не только подпись Псальмова, но и дата – 5 июня 1872 года. Псальмову в это время 24 года.

наставником — священником Константином Филипповичем Солнцевым. Просветительские взгляды отца Константина неизвестны, но он некогда возглавлял приходскую школу в селе Васильевском, где учился Псальмов, был его первым учителем, сделал учителем и своего одаренного воспитанника. С большой долей вероятности можно предположить, что они были единомышленниками. Укрепляет достоверность подобного предположения и то, что много позже, в 1890 году, Псальмов дополнил тетрадку с Шестопсалмием, на последней странице написав стихотворение «Томительная дума», обращенное к «отцу незабвенному». Говоря о своем одиночестве и отсутствии помощи, Псальмов вспоминает иные времена, согретые участием и поддержкой:

*Отец, отец мой незабвенный,
Один на свете ты любил
Меня и труд мой так ценил.
Увы! С тобою разлученный,*

*К кому от горя, бед забыться
Прибегну я <...> ?¹*

Работа с Шестопсалмием в переводе Г.П. Павского, по-видимому, была первым шагом на пути творческого освоения Псальмовым богослужебных текстов. Образы Священного писания появляются в его оригинальных стихотворениях, много внимания он уделяет переложениям церковных песнопений², занимается и самостоятельными переводами: среди рукописей Псальмова были найдены несколько листов с авторским переводом ирмосов канона Великого Четвертка, канона Великого Пятка, канона Св. Духа³.

Долгие годы Псальмов был регентом в храме села Васильевского. По свидетельству современников, ему удалось создать не один, а целых два хора, отличавшихся прекрасно поставленным пением. Добиться подобного уровня невозможно, уделяя внимание только музыкальной составляющей. Для того чтобы исполнение хором было по-настоящему благоговеиным, разборчивым, оно должно быть осмысленным. Певчим нужно понимать и уметь донести до слушателей смысл исполняемого, и, работая над этим, Псальмов взялся переводить те песнопения, где видел наибольшие трудности.

Стремясь сделать текст более понятным, Псальмов использует целый ряд приемов: убирает вышедшие из употребления неблагозвучные церковнославянизмы; не отказываясь совершенно от сложносоставных слов как приметы исходного греческого текста, в особо сложных случаях их «расшифровывает»;

1 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488. Л. 29 об.

2 Об этом см.: Хрисанф (Шадронов), иеромонах. Переложения церковных песнопений в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. № 1(21). Смоленск, 2013. С. 17 – 29. Материалы исследования также представлены в данной коллективной монографии.

3 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488. Лл.17-20.

выравнивает порядок слов; выстраивает повествование; в скобках дает поясняющие дополнения и т.д..

ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ Г.Е. ПСАЛЬМОВЫМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ

	Приемы перевода	Церковнославянский текст	Перевод Г. Псальмова
1.	Производится замена сложных прилагательных описательными конструкциями	Канон Великого Четвертка. <i>Песнь 1, ирмос</i>	
		<...> сечется / море Чермное, / <u>волнопитаемая</u> же иссушается глубина <...>	<...> расступается море Чермное и дно его, <u>напитанное влагою</u> , осушается <...>
		Сошествию Св. Духа. Канон I, песнь 9-я. <i>Канон I, ирмос</i>	
		Не тления искушением рождающая, / и Всехитрецу Слово плоть взаимоотношавшая, / Мати <u>Неискусомужная</u> Дево Богородице, / приятелище Нестерпимаго, / село Невместимаго Зиждителя Твоего, / Тя величаем.	Богородице Дева, Матерь <u>безмужная</u> , храм Вездесущего, ковчег Безграничного! Ты, <u>не теряя девства, родила</u> Всемогущее Слово и в плоть облекла Своего Создателя! Тебя мы величаем.
2.	«Выравнивается» порядок слов	Сошествию Св. Духа. Канон I, песнь 3-я. <i>Канон I, ирмос</i>	
		С высоты силою, / учеником Христе, дондеже облечетесь, рекл еси, / сидите во Иерусалиме: / Аз же яко Мене, Утешителя иного, / Духа Моего же и Отча пошлю, / в Нем же утвердитесь.	Ты предрек ученикам Твоим, Христе: «Оставляйтесь в Иерусалиме, пока не облечетесь силою свыше: ибо Я вместо себя пошлю к вам другого Утешителя, Духа Моего, от Отца исходящего, Который и укрепит вас».
3.	Даются поясняющие дополнения (в скобках)	Канон Великого Четвертка. <i>Песнь 1, ирмос</i>	
		Сеченое, сечется / море Чермное, / волнопитаемая же иссушается глубина, / таяжде купно безоружным бывши проходима / и всеоружным гроб. / Песнь же Богокрасная воспевашеся: / славно прославися Христос, Бог наш.	Рассеченное (<u>жезлом Моисея</u>) расступается море Чермное и дно его, <u>напитанное влагою</u> , осушается, для безоружных (<u>израильтян</u>) делаясь удобным путем и, вместе с тем, могилою вооруженным (<u>египтянам</u>), при чем воспевается торжественная Богу песнь: «Славно прославился Христос, Бог наш!»

В некоторых случаях Псалмов проявляет заметную творческую свободу: убирает отдельные слова, руководствуясь эстетическими и жизненными критериями (например, отказывается от присутствующего в оригинале слова «гугнивый», поскольку к этому времени оно отягощено сниженно-разговорным смыслом, неуместным в данном случае), вводит в текст тропы, элементы стихосложения (см. продолжение таблицы 1, представленное ниже).

**ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ Г.Е. ПСАЛМОВЫМ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ
(продолжение)**

	Приемы перевода	Церковнославянский текст	Перевод Г. Псалмова
4.	Редактируется лексика	Сошествию Св. Духа. Канон I, песнь 8-я. <i>Канон I, ирмос</i>	
		Неопальная огню в / Синаи причащающаяся / купина, Бога яви / <u>медленноязычному и гугнивому Моисею</u> , / и отроки ревность Божия / три непреоборимыя / во огни певцы показа: / вся дела Господня Господа пойте, / и превозносите Его во вся веки.	Неопалимая купина, обьятая огнем, у Синайской горы, явила Бога <u>медленноречивому Моисею</u> ; а ревность по Боге трех отроков соделала всепобедными певцами: «Пойте Господа все творения и величайте Его во веки!»
5.	Вводятся тропы	Канон Великого Четвертка <i>Песнь 3, ирмос</i>	
		Господь Сый всех, и Зиждитель Бог, / созданное безстрастный обнищав Себе соедини, / и Пасха, за яже хотяше умерети, / Сам, Сый, Себе предпожре: / ядите, вопия, Тело Мое, / и верою утвердятся.	Владыка всего, Создатель и Бог, непричастный страданию, уничижено воспринимает на Себя сотворенное Им (естество человека), за которое желая умереть, Он, <u>подобно пасхальному агнцу</u> , Сам Себя приносит в жертву, взывая: «Ядите Мое Тело и укрепляйтесь в вере».
		Сошествию Св. Духа. Канон I, песнь 4-я. <i>Канон I, ирмос</i>	
		Смотряя пророк / в последняя Твое Христе пришествие, вопияше: / Твою услышах Господи силу, / яко вся спасти помазанныя Твоя пришел еси.	Прозирая в будущее, пророк провидел Твое пришествие, Христе, и воскликнул: «Господи! я слышу <u>шум победоносного Твоего шествия</u> ; вот, Ты шествуешь спасать всех, <u>благодатствуемых Тобою</u> ».

6.	Фрагментарно задается ритм, поддерживаемый внутренней рифмой	Сошествию Св. Духа. Канон I, песнь 1-я. <i>Канон I, ирмос</i>	
		Понтом покры / фараона с колесницами / сокрушая брани мышцею высокою, / поим Ему, яко прославился.	В море сокрыл войско фараона с <u>колесницами</u> Побеждающий рати всемогущею <u>десницею</u> . Будем петь Ему; ибо Он прославился.

Как было сказано выше, переводы церковных песнопений сделаны Псалмовым с практической целью – с тем, чтобы восприятие текстов певчими было осознанным. Но ограничиться признанием сугубо утилитарной их ценности было бы неправильно. Весьма показателен выбор материала для перевода. Песнопения Четвертка, Пятка не настолько на слуху, как, например, песнопения пасхальные или рождественские. Это то, что находится не на поверхности церковной жизни, и сам выбор текстов для переводов свидетельствует о глубоком отношении автора к церковной службе.

Тема, объединяющая службы, песнопения которых переводил Псалмов, – нисхождение Бога, мистическое соединение Божественного и человеческого. Смысл переживаемого события окрыляет душу, рождает вдохновение. В этом состоянии Псалмов переводит каноны, сразу после службы, на одном дыхании, о чем свидетельствуют даты и авторские комментарии к ним – «1897 г. Апр.9. Вел. Среда. 10 ч. ночи», «Духов. Суббота. После обедни. 1897 г. 31 мая».

Постижение глубин смысла связано не только с восприятием боговдохновенного текста службы, но и с приобщением к слову, сотворчеством. Именно чувство соучастия, совместного делания дает Псалмову право на оценку, содержащуюся в постскриптуме к переведенным канонам: «Какое величие, какая неизъяснимая красота поэзии во вдохновенных и благодатных песнопениях церкви!»¹

Всей своей жизнью, полученным духовным образованием Гервасий Псалмов был подготовлен к восприятию сакральных текстов, что позволило ему не только создавать переводы и переложения, но и свободно обращаться к религиозной тематике в собственных стихах². «В старых ли или новых формах истина, Церковь о том не спрашивает, но всегда требует удостоверения, истинно ли нечто, и, если удостоверение дано, – благословляет и вкладывает в свою сокровищницу истины, а если не дано – отвергает»³. Значимость цер-

1 РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

2 Об этом см.: Павлова Л.В. Образ автора в лирике Гервасия Псалмова // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 23 – 31; Хрисанф (Шадронов), иеромонах, Павлова Л.В. Тема крестьянского труда в поэзии Гервасия Псалмова // Концепт святости в историческом контексте. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию первого упоминания Смоленска в русских летописях. Смоленск: Маджента, 2013. С. 222 – 228.

3 Флоренский П.А. Иконостас. М.: Искусство, 1994. С.78

ковной культурной традиции осознавалась многими авторами, но нередко в стороне оставалась сама суть системы ценностей. Псалмов проходит через пророческий пласт богослужебных текстов, очищаясь в этом горниле, он как личность, как поэт избавлен от подобных противоречий.

Идейная последовательность, отсутствие психологической сложности порой трактуются как бедность художественной позиции. В поэзии Псалмова простота, определенность – признак не слабости, а силы, это плод многолетнего подвижнического пути.

Переводы церковных песнопений, сделанные Псалмовым, позволяют судить о глубине его воцерковленности, а следовательно, о смысле его творчества. Творчество Гervasия Псалмова – завершенное, полноценное. Оно зиждется на внутреннем осознании значимости, которая обусловлена не местом жизни и видом деятельности, а включенностью в истинную духовную культуру.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ ГЕРВАСИЯ ПСАЛМОВА

Поэтика богослужебных текстов осваивалась русской книжной литературой с момента ее становления. Авторские переложения псалмов, молитв, сюжетов из Священного Писания создавались и создаются на протяжении трех с половиной веков – от Симеона Полоцкого до Сергея Аверинцева и далее.

В поэтическом наследии Гervasия Ефремовича Псалмова стихотворения, жанрово и тематически связанные с церковной культурой: молитвы, переложения церковных песнопений, описание православных праздников, назидаания, духовные размышления занимают значительное место. Это неудивительно, поскольку жизнь Псалмова была тесно связана с церковью. Значительную роль в его судьбе сыграл священник Константин Солнцев, ставший первым и главным наставником на всю жизнь.

В немногочисленных сохранившихся источниках, откуда можно почерпнуть сведения о жизни Псалмова, говорится о его музыкальной одаренности («играл почти на всех инструментах и прекрасно пел»; даже сочинял «церковные мотивы»¹), о том, что долгие годы он был регентом в церкви села Васильевского, где кроме взрослого, создал детский хор. Пение этих хоров славилось на всю округу, послушать их собирались люди из соседних приходов.

Такой результат свидетельствует, что Псалмов сам глубоко понимал и как руководитель хора смог донести до певчих важную мысль, что пение является не только сопровождением и украшением богослужения, но имеет сакральное содержание, следовательно, необходимо и певческое мастерство, и осознание исполняемого.

¹ Флоренский П.А. Иконостас. М.: Искусство, 1994. С. 17.

Святоотеческое учение о церковном пении выразил святитель Иоанн Златоуст: «На небе славословят ангельские воинства; на земле люди, в церквах составляя лики, подражают такому их славословию; на небе серафимы взывают Трисвятую песнь; на земле множество людей возносит ту же песнь; составляется общее торжество небесных и земных существ <...>»¹.

*Какое чудное несется пенье!
Взор никнет долу. Грудь моя полна
Восторга, пламенного умиленья.
А пение, как тихая волна,
Благоухая, бесконечно льется...
То вдруг, как гром из облаков несется...
Жгут слезы грудь. И тайно плачу я,
И вереница грез над головою вьется,
И мнится, просветлела жизнь моя... (С. 80)²*

Псалмов не только описал в своих стихах эмоциональные впечатления от церковного пения, как в приведенном выше стихотворении «Пение», но и переложил возвышенный смысл духовных песнопений на язык поэзии.

В «Полном собрании сочинений Г.Е. Псалмова»³ нами выявлено пять стихотворений, которые представляют собой переложения богослужебных текстов. Все эти переложения включены в сформированный редактором Отдел VI под названием «Духовные стихи».

Три из пяти стихотворений помещены одно за другим: «Покаяния отверзи ми двери», «На спасения стези», «Множество... лютых»⁴. В основе этих стихотворений – песнопение, которое исполняется накануне и во время Великого Поста:

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, / утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, / храм носяй телесный весь осквернен; / но яко Щедр очисти / благоутробною Твоею милостию. И ныне и присно и во веки веков, аминь. На спасения стези настави мя, Богородице, / студными бо окалях душу грехми / и в лености все житие мое иждих; / но Твоими молитвами / избави мя от всякия нечистоты. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое! Множества содеянных мною лютых / помышляя, окаянный, / трепещу

1 Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста: в 12 тт. Т. 6. Книга 1. М.: Златоуст, 1998. (Репринтное издание Санкт-Петербургской Духовной Академии 1900 года). С. 380.

2 Здесь и далее поэтические тексты Псалмова приводятся по изданию: Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова. / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. В круглых скобках указаны страницы.

3 Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова...

4 Там же. С. 193-194.

страшного дне суднаго, / но надеясь на милость благоутробия Твоего, / яко Давид вопию Ти: / помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости»¹.

Во время пения в храме гасится свет, все опускаются на колени. Проникновенное исполнение призвано создать правильный настрой, подчеркнуть, что сейчас благоприятное время для покаяния, для духовного перерождения. Выбор Псалмовым именно этого песнопения для переложения показывает его глубокое понимание службы.

В церковной традиции припевы (в вышеприведенном тексте они выделены курсивом) поются на другой глас, тем самым в едином песнопении выделяются композиционные части. Отказавшись от припевов, Псалмов сохранил наличие композиционных частей, превратив каждую часть исходного текста в самостоятельное стихотворение. Кроме того, каждая строка песнопения развернута Псалмовым в целое четверостишие. Рассмотрим, как и с какой целью автор увеличивает объем текста.

Первая часть песнопения («Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, / утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, / храм носяй телесный весь осквернен; / но яко Щедр очисти / благоутробною Твоею милостию») художественно переработана Псалмовым в стихотворении «Покаяния отверзи ми двери»

*Податель жизни и спасенья,
И милосердный Боже мой!
Пошли мне слезы умиленья
И покаянья дверь открой!
Мой дух из храма плоти брэнной,
Покрытой язвами грехов,
Спешит, надеждой окрыленный,
Как горький пленник из оков,
Как бедный узник из темницы —
Стремится в храм священный Твой
До восхождения денницы
О всепрощении с мольбой:
Не дай погибнуть мне, Спаситель!
Помилуй и грехи прости,
И духа грешную обитель
Очисти, Боже, освяти! (С. 193)*

В таком виде это стихотворение вошло в Полное собрание сочинений поэта, кроме того нам известна еще одна редакция, найденная в рукописной те-

¹ Прослушать различные исполнения песнопения, прочитать о его месте в богослужении, можно здесь: URL: <http://www.pravmir.ru/pokayaniya-otverzi-mi-dveri/> (дата обращения – 20.01.2013).

тради со стихами Псалмова¹. Отличия двух редакций незначительные: расставлены недостающие знаки препинания; «милосердый» заменено на «милосердный», «покрытый» («Мой дух <...>, покрытый язвами грехов») – на более уместное «покрытой» («из храма плоти, <...> покрытой язвами грехов»).

Тематически и композиционно стихотворение Псалмова повторяет строение соответствующей части песнопения. Изменения, повлекшие за собой значительное увеличение текста, происходят на уровне лексики. Псалмов заменяет церковнославянские слова и словосочетания русскими перифразами или менее архаизированными церковнославянскими синонимичными выражениями.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКИ ЦЕРКОВНОГО ПЕСНОПЕНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ПСАЛМОВА

	Песнопение	Стихотворение Псалмова
1	Жизнодавче	Податель жизни и спасенья, / И милосердный Боже мой!
2	<...> утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему	Мой дух <...> / Стремится в храм священный Твой / До восхождения денницы <...>
3	<...> храм носяй телесный весь осквернен	Мой дух из храма плоти брэнной, / Покрытой язвами грехов <...>
4	<...> очисти благоутробною Твоею милостию	И духа грешную обитель / Очисти, Боже, осяти!

Кроме того, сохраняя центральное противопоставление «Твой святой храм – мой храм телесный, оскверненный», поэт нарушает равновесие между противопоставленными частями, дополняя повторами образов и тропами «человеческую» часть, акцентирует внимание на ее падшем состоянии. «Храм телесный» из песнопения теперь представлен тремя образами: «храм плоти брэнной, покрытой язвами грехов», «темница» и «грешная обитель». Появление образа «темницы» влечет за собой соответствующее образное представление «духа моего» как «горького пленника» и «бедного узника». Подчеркнув этими образами бедственное положение человека, Псалмов тем самым мотивирует увеличение по сравнению с исходным текстом числа покаянных мотивов: «умиление», «плач», «надежда», «мольба о всепрощении». Эти мотивы детализируют, раскрывают емкое духовное понятие покаяния, которое включает не только раскаяние, но и глубокое осознание греха, сокрушение, перерождение души посредством освящения Божественной милостью и благодатью.

Вторая часть песнопения «Покаяния отверзи ми двери» («На спасения стези настави мя, Богородице, / студными бо окалях душу грехми / и в лениности все житие мое иждих; / но Твоими молитвами / избави мя от всякия нечи-

1 РГАЛИ Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488. Л. 3.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ПЕСНОПЕНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ПСАЛЬМОВА

	Песнопение	Стихотворение
1	На спасения стези настави мя, Богородице	Наставь меня на путь спасенья / О Матерь Господа Творца!
2	<...> студными бо окалях душу грехми	Я смрадом зла и согрешенья / Души святыню до конца <...> осквернил <...>
3	<...> и в лености все житие мое иждих	И жизнь мою, сей дар бесценный, / Постыдно леностью сгубил.
4	Твоими молитвами избави мя от всякия нечистоты	Но Ты, Пречистая, моления / Твои к Спасителю пролей, / Да я слезами умиления / Омую смрад души моей.

Указанные в песнопении *студные грехи* (то есть стыдные) и *нечистота* в поэтическом переложении оборачиваются длинным перечнем синонимов: *смрад* (повторено в начале и в конце стихотворения), *зло*, *согрешенья*, *нечистый* (в рукописном варианте – *нечистота*), *осквернить*, *постыдно*. А к *душе* и *жизни* Псалмов при переложении текста добавил *тело* и, кроме того, прибегнул к образному описанию этих понятий: тело охарактеризовано как *храм души смиренной* (подчеркнем, что данный образ – не авторская вольность, а прямое обращение к апостольскому слову: «Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога» (1 Кор. 6:19)), душа предстает носителем духа, *святыни*, жизнь названа *даром бесценным*. Как и в предыдущем случае, в поэтическом тексте усиливается акцент на «земное», «человеческое».

Образ тела как *храма души смиренной* в стихотворении «На стези спасения», отсутствующий в перелагаемой второй части песнопения, синонимичен образу «телесного храма» из стихотворения «Покаяния двери отверзи». Так на образном уровне устанавливается связь между двумя этими стихотворениями, поддерживающая пришедшую из исходного текста мотивно-тематическую связь.

Третья часть песнопения («Множества содеянных мною лютых / помышляя, окаянный, / трепещу страшнаго дне суднаго, / но надеяся на милость благоутробия Твоего, / яко Давид вопию Ти: / помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости») отразилась в стихотворении «Множество лютых», текст которого также имеется в двух редакциях (см. Таблицу 4). В печатной редакции расставлены недостающие знаки препинания, лексические расхождения единичны. Введенная в печатный вариант строка «Я жду, как страшнаго суда!» взамен «Трепещу Страшнаго суда!» отдаляет переложение от перелагаемого песнопения, где сказано определенно – «трепещу страшнаго дне суднаго»

ДВЕ РЕДАКЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ «МНОЖЕСТВО ЛЮТЫХ»

В «Полном собрании сочинений Г.Е. Псальмова»	В рукописной тетради
«МНОЖЕСТВО... ЛЮТЫХ»	МНОЖЕСТВО ЛЮТЫХ
<p><i>Сраженный скорбью вспоминанья Бесчисленных грехов моих, Я стону в ужасе сознания Всей гнусности и смрада их... И, цепеня от боязни Невыразимого стыда, Неизъяснимой вечной казни Я жду, как страшного суда! Но, ободряясь упованьем На милость, Господи, Твою, К Тебе иду я с покаяньем И сокрушенно слезы лью, Взывая, как Давид: помилуй Меня по множеству любви Твоей — и благодати силой Дух падшего восстанови!</i></p>	<p><i>Сраженный скорбью вспоминанья Бесчисленных грехов моих, Стоною в ужасе сознания Всей гнусности и смрада их, И, цепеня от боязни Невыразимого стыда, Неизъяснимой вечной казни, Трепещу Страшного суда! Но, ободряясь упованьем На милость Господи, Твою, К Тебе иду я с покаяньем И сокрушенно слезы лью, Взывая, как Давид: помилуй Меня по множеству любви Твоей и благодати силой Дух падшего восстанови.</i></p>

Русификация текста, использование перифразов, добавление синонимов, смысловые повторы, детализация центрального мотива и другие приемы, отмеченные выше, используются Псальмовым и здесь.

В основе всех трех стихотворений лежит одно песнопение, «покаянная» цель и пафос которого сохранены; образность развита, но вполне уместна, поскольку соответствует образности «великопостных» богослужений в целом; художественные приемы, используемые при переложении, одинаковы во всех трех случаях — все это позволяет объединить указанные стихотворения в цикл-триптих.

Богослужбным текстам свойственна необычайная емкость слова, для их восприятия необходима особая сосредоточенность, включенность в этот способ передачи мысли или предварительное знание, приходящее в процессе неоднократного вдумчивого прочтения. Восприятие поэтического произведения происходит в другой обстановке и с другой — эстетической — установкой. Концентрация внимания заведомо меньше, следовательно, более развернутое и эмоциональное изложение дает возможность лучше понять смысл сказанного.

Проведенный анализ поэтического триптиха показал, что Гервасий Псальмов, обладавший не только музыкальными, но и несомненными поэтическими способностями, направил их на то, чтобы донести до певчих в хорах, которыми руководил, до своих учеников в школе, до слушателей смысл и величие церковных текстов.

Поэтическим переложением богослужебного текста является и стихотворение «Тропарь Богоявления», в Полном собрании сочинении следующее за рассмотренным выше циклом-триптихом.

*Ты, Божеством небес не оставляя,
Христе, от Девы чистой воплотился
И, мир от вечной гибели спасая,
В Иордане плотию крестился.
И се, нисходит дух животворящий,
Как голубь над Твоей главой летает,
И глас Отца, из облака гремящий,
«Сей есть возлюбленный мой Сын», – вещает –
«В котором все мое благоволение»,
О Божестве свидетельствуя Сына...
И мир чудесное поет Богоявление,
Познав в трех лицах Божество Единое (С. 194).*

В данном случае Псалмов перелагает тропарь праздника Богоявления, глас 1:

«Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, / Тройческое явися поклонение:
/ Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, / возлюбленного Тя Сына име-
нующа: / и Дух, в виде голубине, / извествоваше словесе утверждение: / явлейся
Христе Боже, / и мир просвещей, слава Тебе.

Сопоставление стихотворения с исходным текстом показывает, что поэт не только перелагает песнопение на русский язык, но и развивает присущую богослужебному тексту образность и выразительность. Например, перенося в свой текст упоминание о гласе Бога-Отца, Псалмов вводит пространственно-земное измерение – *глас Отца, из облаков гремящий*; к описанию Духа Святого, явившегося в виде голубя, также добавляется пространственное уточнение: *И се, нисходит дух животворящий, / Как голубь над Твоей главой летает.*

В центре повествования утверждается – и это главное отличие стихотворения Псалмова от песнопения – образ Христа. В начальном четверостишии Псалмов в поэтической форме излагает богословское положение о двух природах Христа. Он всячески подчеркивает Его зримую «человечность» – *воплотился, крестился плотию, над Твоею главой*. При этом говорит о Божественной природе – *Божеством небес не оставляя*. Таким образом в нескольких строчках воспроизведено основное положение христологии – о Богочеловеческой сущности Христа. Параллельных мест добавленным Псалмовым строкам в перелагаемом тропаре нет. Создается новая конструкция, сводящая воедино два основных положения христианства – учение о двух природах и учение о трех лицах.

В тропаре, исполняемом в праздник Богоявления, дано видение события только в свете троического богословия: в момент крещения Христа явилось миру таинство Бога-Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. Второе, более распространенное в народе, название праздника — Крещение, тем самым акцентируется внимание на соответствующем событии евангельской истории. И Псалмов центральным мотивом своего стихотворения делает не явление Бога-Троицы, а мотив, в центре которого стоит Христос — мотив крещения. Тропарь «Во Иордане крещающуся Тебе» поют не только в храме, но и на источниках, водоемах (так называемая «иордань»), во время освящения вод. В селе Васильевском, например, Крещение праздновали с особой торжественностью: возле церкви над источником строилась сень, богато украшалась балдахинами и иллюминацией, собиралось множество людей, совершался крестный ход.

Для простого народа связь освящения воды и Богоявления, явления Троицы, не так ясна, в отличие от очевидной связи освящения вод с Крещением, то есть вхождением в воды Иордана, Христа. Но и при этом недостаточно понятно, для чего это делает Господь. Псалмов, добавляя строку *И, мир от вечной гибели спасая*, объясняет цель Божественного снисхождения.

Важное значение тропаря заключается в том, что он поется в центральный момент освящения — когда священник погружает крест в иордань. После освящения с пением этого же тропаря кропятся все жилища и все помещения. Непонимание возвышенного назидательного смысла слов приводит к тому, что люди начинают истолковывать происходящее как некий магический обряд, не возноситься душой горé, а опускаться долу, так, воде, материальной субстанции, приписываются свойства самой без благодати Христовой очищать душу от грехов.

Псалмов среди односельчан видел духовную необразованность, непонятливость, приводящую к крайним формам заблуждений — бытовому язычеству. Он сам — выходец из этой среды, преодолел собственные недоразумения духовным самообразованием под руководством священника. И теперь в переложениях церковных песнопений стремился выразить это обретенное понимание. Так, выделив один, центральный, элемент — тропарь, Псалмов усиливает в нем тему Христа и эффект соприсутствия евангельским событиям, благодаря чему текст приобретает личное звучание, а сложное и возвышенное делается более понятным и близким.

Для переложений Псалмов избирал не только песнопения, связанные с конкретными праздниками, но и те, которые исполняются на повседневных службах. Так, большим стихотворением «Молитву пролию ко Господу» становится ирмос 6-ой песни канона 8-го гласа:

«Молитву пролию ко Господу / и Тому возвещу печали моя, / яко зол душа моя исполнися / и живот мой аду приближися, / и молюся, яко Иона: / от тли, Боже, возведи мя».

Переложение, сделанное Псальмовым, значительно длиннее:

*Се, молитву мою
Я смиренно пролью
Перед Богом, откроюсь в печали,
Что с младенческих дней
Горькой жизни моей
Был рабом я грехов и страстей,
Что мне сердце, как змеи терзали;*

*Что вся жизнь протекла
Средь соблазнов и зла...
И теперь я, как путник унылый,
Иль как воин в бою,
Побежденный стою
На таинственном грозном краю
Ужасающе мрачной могилы,*

*Где истлею во прах
И погибну в волнах
Непроглядных глубокого тленья!
О, зачем — путь широк —
Я избрал лишь порок?...
Но молюсь, как Иона пророк:
Искупитель!.. дай руку спасенья (С. 189).*

По сравнению с другими переложениями, здесь автор добавляет значительно больше тропов, делающих текст красочнее и повышающих его эмоциональность. Например, фраза исходного текста «Молитву пролию ко Господу» дополнена эпитетом: <...> *молитву мою / Я смиренно пролью*; упоминание *зол*, которыми *душа исполнися*, получает протяженность во времени, сопоставимую с жизнью: <...> *с младенческих дней / Горькой жизни моей / Был рабом я грехов и страстей* <...> и <...> *вся жизнь протекла / Средь соблазнов и зла*. Зло, грехи, страсти, соблазны обретают зримый образ — змий, терзающие сердце. Констатация «живот мой аду приближися» разворачивается в устрашающую метафору, охватывающую несколько стихов: <...> *стою / На таинственном грозном краю / Ужасающе мрачной могилы, // Где истлею во прах / И погибну в волнах / Непроглядных глубокого тленья!*

Это переложение наиболее лиричное, преобладающую позицию в нем занимает «я». Изначально присутствовавшее в тексте сравнение «я» с Иной (молюся, яко Иона: / от тли, Боже, возведи мя) дополняется целым рядом образов сопоставления: раб грехов и страстей, путник унылый, воин побежденный. Все эти образы объединены общим критерием сопоставления — жиз-

ненное поражение из-за непослушания воле Божьей, подобное тому, что терпел и Иона.

Подводя итог рассуждениям о переложениях Псальмова, подчеркнем невероятную сложность задачи, которая стояла перед ним, как перед любым поэтом, обратившимся к этому жанру. С одной стороны, велика опасность создать не оригинальное произведение, обладающее эстетической ценностью, а сухой безликий подстрочник. С другой стороны, трудно при переложении не исказить и не обеднить духовный смысл, составляющий главную ценность богослужебного текста.

Художественное переосмысление богослужебных текстов далеко не всегда встречает понимание представителей церкви. Так, широко известно мнение по этому поводу святителя Игнатия Брянчанинова: «Мне очень не нравятся сочинения: ода “Бог”, преложения псалмов все, начиная с преложения Симеона Полоцкого, преложения из Иова Ломоносова, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из “мнения”, оживлены “кровяным движением”. А о духовных предметах надо писать из “знания”, содействуемого “духовным действием”, т. е. действием Духа». И далее: «Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне уже лучше прочитать, с целью литературною, “Вадима”, “Кавказского пленника”, “Переход через Рейн”: там светские поэты говорят о своем — и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия не воспевать песни Господней на реках Вавилонских»¹.

В свою очередь, критики и литературоведы, тоже не безоговорочно положительно оценивали опыты обращения поэтов к богослужебным текстам. В этом обращении видели попытку оправдать собственное бессилие в выборе темы, неумение найти свое собственное слово и прочие слабости.

Хрестоматийным примером преодоления этих трудностей является знаменитое стихотворение А.С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...», где близкое к оригиналу переложение молитвы Ефрема Сирина, составляющее 7 строк, поэт предваряет долгим разъяснительным вступлением из 9 строк, вводящим в церковную традицию и богослужебный контекст²

Псальмов, с детства имевший духовное наставничество, хорошо знавший на практике церковный материал, находит свой способ преодоления указан-

1 Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письма к монашествующим. Письмо № 163 [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/osnovy/lozinskiy_pisma_ignatiya_bryanchaninova_165-all.shtml (дата обращения – 22.01.2013).

2 Стихотворение многократно становилось предметом научного рассмотрения, см., например, подробный анализ здесь: Лепяхин В. Отцы пустынники и жены непорочны... (опыт подстрочного комментария) // Журнал Московской Патриархии. М., 1994. № 6. С. 87-96.

ных трудностей. Прежде всего, тщательно отбирает тексты для переложения. Так, он не перелагает молитвы: пришлось бы раскрывать слово, сказанное самим Богом (например, в молитве «Отче наш»), или слова отцов церкви, данные для обращения к Богу. Украшение или внесение собственных переживаний в них верующим человеком осознавалось бы как неоправданная дерзость. Именно стремясь избежать этого, Пушкин личные суждения и чувства вынес за пределы непосредственного переложения молитвы. Все переложения, выявленные среди поэтических произведений Псальмова, – это песнопения, более того, те из них, которые используются не только на службе, но могут исполняться вне храма – в авторской музыкальной обработке. Так, помимо обиходного, более простого исполнения «Покаяния отверзи ми двери» на 8 глас, существует исполнение более сложное, как знаменитый концерт А. Веделя, который часто исполнялся и исполняется на совместных церковно-общественных мероприятиях, в концертах. Выбирая именно эти тексты для переложения, Псальмов оставался в русле непрекращающихся поисков точек соприкосновения духовной традиции и светского искусства.

Если Пушкин как гениальный поэт идет к церковному материалу, то Псальмов, находящийся в церковной среде, идет от него. Он знает свободу обращения с этим материалом и ее меру. Пушкин перелагает молитву близко к тексту, мудро не позволяя себе вольностей в пространстве «сакрального текста». Псальмов, понимая мысль, заложенную в богослужебном тексте, находясь в практическом взаимодействии с ним, мог разложить каждую строку песнопения в четверостишие, добавить образы, изменить композицию, исходя из внутренней церковной целесообразности и тем самым обретая свободу для собственного творчества. Использовать этот метод переложения может себе позволить только человек, глубоко укорененный в традиции, осознающий, что богослужебный текст – это не что-то мертвое и неподвижное, закрытое. Гервасием Псальмовым, много лет руководившим церковным хором, заботившимся об искусном и вместе с тем разумном исполнении, достигшим на этот поприще поразительных результатов, церковное песнопение переживается как событие личной жизни. Пробуждаемые душевные переживания и духовные стремления изливаются в стихи.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

Мы имеем многолетний опыт по составлению, интерпретации данных и сопоставлению частотных словарей языка писателей. При этом мы опираемся на обозначенную еще в трудах представителей формальной школы концепцию слова как носителя тематизма в поэтическом тексте. Частотный словарь рассматривается как модель тематики поэтического текста, средство

преодоления языковых оболочек и выявления феноменологической сущности поэтического сознания¹.

Материалом настоящего исследования послужило подготовленное к печати издание стихотворений Гервасия Псальмова, которое насчитывает 119 текстов². Когда имя незаурядного поэта-самоучки из смоленской деревни второй половины XIX века, крестьянина, сельского учителя, регента церковного хора Гервасия Псальмова стало достоянием общественности – широкой – читающей и более узкой – научной, возникла необходимость дать объективную оценку его поэтическому наследию, вписать его в более широкий контекст русской поэзии.

Частотный словарь лексики Псальмова является отражением языковой картины мира поэта. Мы получили следующую картину тематической палитры Псальмова.

ЧАСТОТНАЯ ЛЕКСИКА

Ранговый номер	Лексема	Число словоупотреблений
1	день	69
2	жизнь	68
3	свет	54
4	слеза	50
5	сердце	48
6	поле	44
7	душа	41
8	любовь, цветы(-ок)	39
9	песнь	38
10	Весна, ночь	36
11	петь	33
12	забывать, пора	30
13	Могила, один, труд	28
14	Тихий, человек	27
15	Грудь, земля, святой	26
16	Горе, друг	25
17	Вечный, небеса, небо, сила, тоска	24
18	Лес, мир	23
19	Бог, счастье	22
20	Полный	21
21	Глядеть, идти, луч, надежда, пойти, солнце	19

1 Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А. Тематические парадигмы русской лирики XIX-XX веков // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000, том 59, № 6. С. 19-30.

2 Псальмов Гервасий. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. 160 с. Далее при цитировании текстов из этого издания в круглых скобках указывается номер страницы.

22	Видеть, горький, дума, земной, кругом, покой	18
23	Волна, давать, дух, путь, спать, унылый	17
24	Забота, знать, крест, небесный, смерть, Христос, царь	16
25	Враг, вставать, горе, душа, золотой, любить, народ, песня, туча, тяжелый, школа	15
26	Буря, воскресать, голос, жить, птичка, светлый, слово, стон	14
27	Вдохновение, взор, далекий, дом, дорога, живой, литься, лицо, милая, мочь, око, радость, река, рука, сидеть, снова, судьба, тьма, утро, хлеб, храм	13
28	Божий, голова, горький, грех, здесь, кровь, много, молодая, поэт, родной, тень, чистый	12

Самыми частотными словами у него оказываются *день* и *жизнь* (с разницей в одно словоупотребление). Это оставляет Псальмова в русле общепозитивской традиции, в которой *день* стабильно занимает лидирующее положение в творчестве самых разных авторов, при том, что на широком материале тематики русской поэзии встречаются и «ночные» авторы. *Ночь* у Псальмова занимает 10-ю позицию по частотности. В поэтике Псальмова *день* – это единица измерения *жизни* (потому эти две минимальные темы и вырвались вперед по частотности). Неудивительно, что для крестьянина основная его жизнь протекает именно днем, наполненным трудом, хозяйственными заботами и молитвой. Тогда как в поэзии ночь традиционно связывается со временем творчества, любовных свиданий, а также мистических озарений, у крестьянина ночь – время короткого отдыха после тяжелой работы.

*На работе весь день
Почернеешь, как пень,
На жаре-то от ночи до ночи;
И с лица градом пот
Целый день так и льет,
И песком засыпаются очи...
Вот оно, голова,
Наша жизнь какова!
<...>
Солнце село давно,
И на поле темно –
Знать, и солнышко радо покою.
Спит оно под землей.
Не пора ли домой?
Целый день ведь махал я косою.*

*Бился, плеч не жалел;
Вот оно и сомлел.
<...>
Не до сладких речей,
Лишь поесть бы скорей
Да в постель, будто спол, повалиться.
Отдохнуть часа три,
Да и встать до зари,
Чтобы снова **день** целый трудиться. (С. 34)*

Л.В. Павлова писала, как в образе автора у Псальмова происходит драматическое столкновение двух сторон одной личности – вдохновенного поэта по духу и крестьянина по выпавшей ему доле и как смиренно он несет свой крест¹. Тяжкую участь крестьянина, бедняка, урывающего редкие минуты для творчества, он противопоставляет беззаботности вольной птички (образ которой можно рассматривать и как символический), дни которой наполнены звонкими песнями:

*Свободная птичка по чаще лесной
С веселою песенкой резво порхает
Весь **день** неустанно, а ночи порой
Спокойно под сенью ветвей отдыхает
Без горькой заботы до нового дня.
Пичужка-малютка счастливей меня <...> (С. 33)*

Периоды жизни тоже измеряются днями: юность, счастливое прошлое, об утрате которого грустит автор (*Дней юных моих светлый гений; Но где же счастье юных **дней*** (С. 23); *О сладких грезях **дней** былых* (С. 63); *И жалко мне минувших **дней*** (С. 63); *Юных дней догорающий след* (С. 64)); тяжкие испытания (*Отдохнул бы я / От забот, нужды и горя, / Горя черных **дней*** (С. 60); *Что ни **день**, то жизнь трудней; И все слабел я **день** от **дня*** (С. 118)); настоящее, наполненное страданиями из-за болезни, немощи и нужды (*дней моих гнилая нить* (С. 151); *во мраке горьких дней моих* (С. 154); *день-ночь ты у моей постели* (С. 116)); жизнь за гробом (*Чтобы последний жизни **день** / Был первым **днем** в небесной сени* (С. 101)). Синонимично этому значению слова *день* функционирует минимальная тема *пора*, занимающая 12-е место по частотности.

День в поэтическом мире Псальмова – это фиксация памятных дат и знаменательных событий: встречи возлюбленной (*То, **счастливый день** встречи с тобою / Вспоминая, душой ликовал, / То в раздумье, убитый тоскою, / Этот **день роковой** проклинал* (С. 24)), дня окончания учебы (*Мая **дня** двадцать девятого / Го́да девяносто пятого <...> / Я, успешно курс кончающий / Ученик Илья*

¹ Павлова Л.В. Образ автора в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 31.

Болотников <...> *Написал сие с улыбками, / С восемнадцатью ошибками* (С. 37)), коронации монарха (*Мы, сыны России мирной, / Ждали радостной весны. / День четырнадцатый мая!* (С. 68)), прощеного воскресенья (*День десятый февраля, / День со всеми примиренья* (С. 125)), прихода весны (*Что за чудный день! Здравствуй, весна!* (С. 23)), а вместе с весной – и Пасхи (*В пресветлый Воскресенья день; От дня великой Пасхи все недели; торжествовала Пасху сорок дней; Дождусь ли вновь того святого дня* (С. 138)), Судного Дня (*С миром дожидается / Дня Христова Судного!* (С. 46)).

Наконец, день может быть предметом описания и поэтизации, обычно таков у Псалмова *весенний* день, недаром *весна* занимает 10-ю позицию по частотности. Весна в его поэтическом мире обычно одушевляется и изображается как нарядная, украшенная роскошным одеянием из молодой зелени и цветов царица, молодая красавица, которую приветствует вся природа:

*Как царица, роскошно одета,
В ореоле блестящего света,
Жизнерадостной неги полна,
К нам идет молодая весна!
Ее с песней хор птичек встречает,
Луг цветами ей путь устилает,
Веет нежно в лицо ветерок,
И лепечет привет ручеек.* (С. 17)

А может она быть представлена в образе чудесной крылатой посланницы небес, преображающей и благословляющей всю землю:

*От глубокого зимнего сна
К новой жизни ты все пробудила,
В бархат мягкий одеда кусты,
И поля в золотые цветы
Так заботливо ты нарядила,
Лес покрыла зеленым шатром,
Облила дорогим серебром
На черемухе цвет ароматный.* (С. 23)

Больше всего рад весне селянин, так как весна несет с собой в духовном плане – ожидание Воскресения Господня – главного праздника всех православных, в материальном – надежду на щедрый урожай. Весна у Псалмова – *красная, вечная, юная, молодая, пора отрады, одетая в цветы, погруженная в мечты*, самые частотные эпитеты – *радостная* и *золотая*, она – воплощение самой жизни и благодати.

Слово *свет* занимает высокое – 3-е – место по частотности, поскольку объединяет два значения – одна из форм электромагнитного поля, воспринимаемая зрением, и мир.

Тематическую сферу чувств, эмоций, состояний поддерживают частотные лексемы *слеза, сердце, душа, любовь* (соответственно 4-й, 5-й, 7-й, 8-й ранговые номера), *грудь*, метонимически замещающая душу, сердце (15-й). Страдание в разных его проявлениях (*слеза* (4-й), *горе* (16-й), *тоска* (17-й), *горький* (22-й), *унылый* (23-й)) преобладает в поэтическом мире Псалмова над положительными эмоциями и переживаниями (лексема *счастье* занимает 19-ю позицию по частотности, *надежда* 21-ю, *покой* – 22-ю).

Из тематической сферы «Ментальное» обращает на себя внимание глагол, занимающий 2-е место среди частотных глаголов, *забывать* (12-й ранговый номер в общем словаре). Что же в поэтическом мире Псалмова не хранится в памяти? Автор пишет о своем *забытом роде*, о том, что сам он, *жалкий, забыт всеми* в своей *горькой доле, брошен*. Им забываются *все бывшие невзгоды, печали*. *Забывают покой* самоотверженно служащие делу просвещения сельские учителя. Забывает *все в мире* повстречавший роковых южных красавиц юный поэт. Все забывает немилосердная возлюбленная. Процесс поэтического творчества настолько охватывает автора, что он забывает *усталость и покой, шум света*. Его христианское сознание побуждает его забыть *злобу*. И свою верную спутницу он призывает забыть *горе, злой судьбины угрозы* и спеть ему веселую песенку. По мнению автора, человек на исходе XIX века преуспел в науках, однако забыл *о духа потребности*, что столкнуло его в пучину греха. Не забывается автором все, что связано с образом возлюбленной, мгновенья свиданья и последующее душевное страдание. Не забывает сироту *горе*. Чувствуя дыхание близкой смерти, автор готов забыть все земное ради жизни вечной и обращается к остающимся в живых друзьям и врагам с призывом так же забыть и его. Ему важна лишь память о нем духовника и верной супруги.

Повторим, что главная особенность образа автора у Псалмова, отмеченная Л.В. Павловой, заключается в центральном для его поэзии конфликте между принадлежностью к крестьянскому сословию, нуждой в трудах добывать хлеб насущный – и поэтической одаренностью, стремлением к культуре, эстетическому восприятию мира. Разрешение этого конфликта усматривается в глубоко христианской позиции «осмысленного терпения». Эти выводы подтверждаются наблюдениями над частотной лексикой. Самый частотный глагол у Псалмова, занимающий 11-е место в общем словаре, – *петь*. Вместе с лексемой *песнь*, занимающей 9-е место, они, в первую очередь, поддерживают тему творчества. Песнь у Псалмова – это синоним поэзии (*И льются песни вдохновенья* (С. 88); *И песни дивные творишь* (С. 90); *Но только песнью жизнь свою / Я улаждаю. Я пою / И песни радости и горя, / С судьбою незавидной споря* (С. 91); *Дар чудесный, дар песни прощальной, / Как приветствие, грешной земле. / И звучит, как напев погребальный, / Песня грусти в полумночной мгле* (С. 89)), это форма молитвы, что особенно важно в связи с тем, что Псалмов был регентом церковного хора и автором переводов и переложений церковных песнопений (*Пойте хвалебную песнь Искупителю!* (С. 123); *Несется песнь: «Христос воскрес!»* (С. 134); *До Вознесенья пелась песнь чудес*

(С. 138); *Прощай же, сладкое «Христос воскрес» — / Песнь радости, победы, торжества!* (С. 138)). Также пение звонких радостных песен у Псальмова — неотъемлемая особенность птичек, райских созданий. Их образы всегда сопутствуют созданию атмосферы счастья, жизни, Рая. Среди всех птиц выделяется традиционно романтический образ сладкоголового соловья — символа поэта и воплощения переполненного любовью сердца. Кроме того, песни у Псальмова — часть народной жизни, сопровождающие крестьянина в труде и отдыхе (*И песни жниц далеко льются* (С. 21)).

Отметим попутно пристрастие Псальмова к акустическим образам: *Птичек нежная трель; тихо ручей / Что-то шепчет цветам; лепечет привет ручеек* (С. 17); *Завывают леса; И торжественно гром / Загремит надо мной* (С. 16); *На юго-западе темнеют тучи, / Идут и стонут* (С. 22); *Меж тем снопы в возах тяжелых / Растут в торжественной тиши; И песни жниц далеко льются* (С. 21); *Прелестный голос прозвучал, / Как серебро* (С. 25); *Навстречу мне тайком скользила / Неслышной поступью своей* (С. 27); *Гремели песни соловья* (С. 27); *Молодой соловей / По кустам свою нежную песнь рассыпает* (С. 28); *Птичка Божья радостно / Песней заливаётся* (С. 29) и т.д.

Эстетическое восприятие жизни, хорошо знакомой крестьянину природы у Псальмова происходит также через любование *цветами* (лексема *цветы* занимает 8-е место в частотном словаре). Цветы, как и птицы, воплощают представление поэта о жизни в ее лучших, высших проявлениях, красоте, здоровье, молодости, гармонии. Это атрибут весны, убранства храма, женского костюма, образ женской красоты и молодости. Цветы у Псальмова непременно окружены пчелами, собирающими нектар. Нездоровье, угасание жизни у него традиционно сопоставляется с увяданием цветка. Цветенье, цветы в его поэтическом мире выступают воплощением представления о нравственной добродетели, дарованной человеку Всевышним:

*Видит Он, неподкупный Судья,
Твою скорбь, для людей непонятную,
И меж терний земных бытия
Взрастит он **цветы** несравненные:
Мир душевный, незлобие, честь;
А науки лучи вожделенные
Твоим детям помогут прочесть
В книге жизни заветы нетленные
О незыблемой мощи труда —
Эти ль вечные знаки священные
Не дадут нам благого плода?* (С. 144)

Свое заветное занятие — стихотворство — Псальмов сопоставляет с плетением венка себе на гроб, когда отдельное стихотворение сравнивается с цветком, а венок — с поэтическим наследием:

*Объятый вдохновенья жаром,
Плету на гроб себе венок.
Венок мой скоро ли завянет,
Вплету ль еще в него **цветок**?* (С. 15)

Так он создает свой вариант в продолжение традиции поэтических «памятников». Псалмов мечтал увидеть свои стихи напечатанными, хотя посылаемые им в разные журналы письма с приложенными стихами обычно оставались без ответа.

Творчеству в поэтическом мире Псалмова противопоставлен земледельческий труд, который маркирует лексема *поле*, имеющая 6-й ранговый номер в частотном словаре. Псалмов в подробностях живописует все стадии полевых работ, описывает пашню и ниву. Примечательно, что мы не встретим у него частых упоминаний *сада* (сад у Псалмова никогда не выступает как объект возделывания, лишь как тенистое место отдыха или место встречи с любимой). *Огород* и вовсе встречается один раз с эпитетом *пустой* – как признак крайней нищеты селянина: *Не удобрен пустой огород* (С. 144). Крестьянскую тему поддерживают частотные лексемы *труд* (13-й ранговый номер) и *земля* (15-й).

Для поэта-крестьянина, всецело обращенного к земле, необычна высокая частотность лексем, обозначающих противоположную пространственную сферу – *небеса* и *небо* (17-й ранговый номер в словаре), *небесный* (24-е место в общем словаре и 8-е среди прилагательных). Если суммировать все словоупотребления этих однокоренных лексем, *небо* выйдет с 17-го на 5-е место, превысив даже частотность употребления лексемы *поле*. Небо выступает в основном в значении ‘горний мир’: *святые небеса; купол неба, Божий храм; небесная страна; надежная пристань; отчизна небесная*. Такие небеса озаряет сиянье. Многообразие этих «небесных» образов развивает мощную христианскую тематику творчества Псалмова. Взгляд на небо крестьянина и поэта позволяет увидеть и живописать небо во всевозможных состояниях и богатых оттенками красках: *небесная даль* (С. 154); *Ночью в безднах небес* (С. 17); *Не видно небесной лазури* (С. 121); *Чист лазорево-эфирный / Свод небесной глубины* (С. 68); *В лазорево-светлой небес глубине* (С. 61). Часто Псалмов, изображая небо, прибегает к образности драгоценных и полудрагоценных камней: *Бриллиантами звезд синий бархат небес, / Разукрашенный чудно, спокойно сияет* (С. 28); *небесный свод малахитовый* (С. 30); *Небосвод бирюзой сияет; небес бирюзовый шатер* (С. 86).

Из уникальных слов, не встречающихся среди 30 самых частотных существительных других поэтов, у Псалмова оказалась лексема *могила*, имеющая в словаре 13-й ранговый номер. Образ хладной одинокой могилы является материально воплощенным напоминанием живущим о неминуемой смерти. Думается, что тема и образ могилы, замещая тему смерти, находится в русле романтической элегической традиции.

Предварительно можно заключить, что для поэтического языка Псалмова характерны повторяющиеся лексические комбинации¹, у него их много. Они, действительно, зримо свидетельствуют о том, что большая сюжетная тема у Псалмова формирует устойчивый тематический комплекс, компоненты которого могут повторяться еще и внутри одного блока или одного текста, например: *день – душа – свет*:

*Но где же счастье юных дней?
Увы! Одно воспоминанье
В душе осталось от них!
Восторги, радость – все пропало.
И сколько сердцу дорогих
Друзей, родных уже не стало:
Кто скрлся, кто покинул свет...
Давно на свете нет и милой:
Она во цвете юных лет
Сошла в холодную могилу.
И жалко мне минувших дней,
И жалко милой мне порою,
И на душе тоска по ней
Лежит тяжелою мечтою...
«Фиалка» (С. 63)*

Большинство таких комбинаций предсказуемы, образующие их лексемы устойчиво сочетаются и в обыденной речи, и в поэтической, например: *жизнь – слеза – тоска, грудь – слеза – тоска, день – песня – петь, весна – поле – песня, душа – забыть – свет, забывать – сердце – слеза, день – золотой – свет, любовь – око – святая* и т.д. Такие комбинации позволяют восстановить некую лирическую ситуацию. Например, *жизнь – могила – унылый*: эпитет *унылый* передает душевное состояние человека от мысли о смерти и от созерцания захоронений; *унылый* и *могила* сопровождают друг друга, так как составляют рифму. *Жизнь* и *могила* – вариант традиционной антиномии *жизнь – смерть*.

В нашем распоряжении имеется богатый материал для сопоставления тематики поэтов XIX-XX веков и выявления близости их художественных миров на уровне общей поэтической лексики. Введя в программу, позволяющую сопоставлять верхушки частотных словарей разных авторов, данные по Псалмову, мы получили следующие результаты.

1 Павлова Л.В., Романова И.В., Самойлова Т.А. Решение филологических проблем с помощью программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2(22). С. 314-323.

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ТАБЛИЦА

	Фет	Лерм. лирика	Полежаев	XIX век	Тютчев	Лерм. поэзия	Баратынский
Псалъмов	0,50	0,46	0,44	0,43	0,41	0,39	0,37

Статистически значимый показатель коэффициента корреляции должен превышать 0,33¹. Самый высокий в нашем материале коэффициент корреляции оказался у поэзии Псалъмова и Фета. Далее зафиксирована близость словаря Псалъмова с представителями бунтарского романтизма Лермонтовым (связь с его лирикой более тесная, чем со всей поэзией, включающей поэмы, в том числе реалистические) и с Полежаевым. Чуть ниже показатель близости с представителями философского романтизма Тютчевым и Баратынским. В целом обнаружена надежная корреляция со сводным словарем языка романтической поэзии XIX века. Эти данные свидетельствуют о том, что Псалъмова можно рассматривать как наследника традиций русского романтизма.

ГОРЕ ГОРЬКОЕ В «ПЕСНЯХ ГОРЯ» Г.Е. ПСАЛЬМОВА

Гервасий Ефремович Псалъмов принадлежит к тем людям, о которых говорят, что они сами себя сделали. Болезненный ребенок, выросший в нищете, обладал завидной силой духа, которая вела его по пути самообразования. Стремление учиться как будто притупляло чувство голода, создание стихов отвлекало, пусть ненадолго, от жизненных невзгод. В продолжение всей жизни так и не выбившийся из бедности, он отличался поистине ангельским терпением и христианским смирением. В искренней вере в Бога, да еще в поэтическом даре таился источник его духовных сил.

Знакомство с творческим наследием Г.Е. Псалъмова вызывает невольное восхищение, потому что человек, не имевший даже среднего образования, владел обширными познаниями: он хорошо знал современную ему русскую литературу, ориентировался в литературе западноевропейской. Увлекался изучением иностранных языков, обладал развитым чутьем языка родного. По-видимому, последним обстоятельством объясняются богатство лексического и свобода синтаксического строя его произведений.

Известно, что при жизни Г.Е. Псалъмов пытался напечатать книгу своих избранных произведений «Песни горя». С учетом данного факта материалом для анализа стали стихотворения из однотомного «Полного собрания сочинений Г.Е. Псалъмова», помещенные в первых двух разделах, названных ре-1 Баевский В.С., Романова И. В., Самойлова Т. А. Русская лирика XIX-XX веков в диахронии и синхронии // Математическая морфология. Электронный математический и медико-биологический журнал. Т. 5, вып. 1. 2003. URL: <http://www.smolensk.ru/user/sgma/mmorph/N-9-html/baevskii/baevsky.htm>.

дактором «Песни горя»¹. Наше внимание к «Песням горя» объясняется и таким фактом: в одной из статей, посвященных памяти поэта, отмечалось, что «именно в описании <...> горестей Псалмов был особенно хорош: его звучащий рыданием стих горел святым огнем самоотверженной любви к страдающему собрату; его песнь, как прекрасная молитва, возносилась к Творцу и в этой молитве чувствовалась сила убеждения и глубокая вера»².

В синтаксической организации анализируемых стихотворений особую роль играют лексемы «горе» и «горький». В лингвистике лексема — это «слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка в совокупности его конкретных *грамматических форм* и выражающих их *флексий*, а также возможных конкретных смысловых вариантов; абстрактная двусторонняя единица словаря. Представляя собой совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях, лексема характеризуется как формальным, так и смысловым единством»³. Функционирование названных лексем в «Песнях горя» стало предметом нашего рассмотрения.

По данным исследований И.В. Романовой, лексема «горе» в произведениях Г.Е. Псалмова занимает в ранговом списке слов 16-е место⁴. Из 25 выявленных исследователем словоупотреблений 21 приходится на «Песни горя».

Среди 75 стихотворений, включенных редактором в упомянутые два раздела, ни одно не имеет в заглавии слова «горе», между тем в рукописном варианте, сделанном женой поэта Н.В. Псалмовой, есть стихотворение, озаглавленное «Песня горя»⁵. В «Полном собрании сочинений» оно называется «Тоже жизнь», в нем лексема «горе» использована автором пять раз:

*Мы, два друга, живем,
Труд и горе несем,
Волоча терпеливо дни скучные.
А досуга порой
Вдохновенной душой
Сочиняем стихи благозвучные.
Я уныло пою,
Вспоминая свою*

1 Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. С. 23-90. В тексте статьи стихотворные цитаты даются по этому изданию, в круглых скобках указываются номера страниц.

2 Бантыш Н. Памяти Г.Е. Псалмова. (Северо-Западный Край. 1904. № 151) // Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова... С. 14.

3 Павлова Л.В. Образ автора в лирике Гервасия Псалмова // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 23-31.

4 Романова И.В. Особенности поэтического языка Гервасия Псалмова // Русская филология: ученые записки кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. Т.15. Смоленск: Свиток, 2013. С. 260.

5 РГАЛИ. Ф.427. Оп.1. Ед. хр. 3488.

Юность горькую, жизнь несвободную...
А подруга одна
Все сидит, холодна,
Погружаясь в тоску неисходную...
Я скажу: «Все снесем,
Горе легче вдвоем»...
И мы оба в слезах улыбаемся...
«А коль нечего есть?»
«Ну не в петлю же лезть,
Как-нибудь, мол, авось, пропитаемся,
Все пройдет, все пройдет»...
Тогда друг мой поет,
А на грудь голова ее клонится —
И от песни ея
Душа ноет моя,
И слеза за слезой так и гонится,
Надрывая мне грудь...
«Полно... горе забудь:
От судьбы не уйдешь, будь покорною».
Но рыдает она,
Горя, скорби полна,
Сражена безнадежностью черною...
«После тучи опять
Будет солнце сиять».
«Да», — ответит она мне вполголоса,
Смахнув слезы с лица:
«Ведь без воли Творца
Не спадет с головы нашей волоса.
Мы одни, без друзей,
Не видав красных дней,
Свою молодость кое-как мыкали.
Да... но что же теперь?
Старость просится в дверь,
А мы горе под старость накликали.
Грянул гром роковой
Над моей головой
И сгубил мою силушку хилую!
Вперед... выхода нет...
И я вяну, что цвет,
И здоровьем, и нравственной силою», —
И заплакала вновь,
Горлом хлынула кровь;
Помертвела совсем и, вся бледная,

*Стонет: «Нечем дышать»...
И начну утешать:
«Успокойся, страдальца бедная...
От обиды людской
Да от жизни такой
Под крестом мы в сырой земле спрячемся...
Вместе жили — рядком
И в могиле уснем»...
И мы снова невольно расплачемся. (С. 54-55)*

В синтаксическом строе стихотворения означенная лексема находится как в независимой позиции (подлежащее), и этим подчеркивается, что *горе* определяет судьбу героев: *Я скажу: «Все несем,/ Горе легче вдвоем»...*; так и в позиции зависимой, являясь прямым дополнением при сказуемых, характеризующих атмосферу существования «двух друзей»: *Труд и горе несем...; «Полно... горе забудь»...; Но рыдает она,/ Горя, скорби полна...; А мы горе под старость накликали...*

Функционируя в роли подлежащего, лексема «горе» обретает в стихах Псалмова статус субъекта действия, чье негативное влияние всецело распространяется на судьбы бедняков:

*В поле ветер гудит,
Травку колыхает —
Горе душу томит,
Сердце надрывает.
<...>
Эх, живи, сирота!
Горе не забудет,
А умрешь — и креста
Над тобой не будет...
«Песня сироты» (С. 67-68)*

*Грусть неисходная в сердце моем.
Бедствия, горе да слезы кругом.
«В сердце холодном тоска залегла...» (С. 69)*

Но в одном из стихотворений, включающих лексему «горе», присутствует оптимистическая нотка, когда подлежащее «горе» имеет в качестве предикативной характеристики слово категории состояния «нипочем» (сказуемое):

*А надежда впереди
Так приветно улыбалася,
Что и горе нипочем <...>
«Юность» (С. 44-45).*

О том, что *горе* играет решающую роль в судьбе человека, тяжелым трудом добывающего свой хлеб, свидетельствует творительный субъекта в стихотворении «На родине» (С. 63-64): *Здесь-то молодость убита/ Горем да трудом...*

В последнем примере лексемы «горе» и «труд» являются однородными членами – косвенными дополнениями в творительном падеже с субъектным значением: известно, что непосильный для слабого здоровья Псальмова труд ради куска хлеба отнимал все его свободное время, на создание стихов оставались редкие ночи, в основном зимой (сам он писал об этом в стихотворении «Тяжелый крест мне дан судьбою...»: *Лишь ночь – моя, и то зимою:/ Тогда с усталой головой,/ Назло здоровью и покою,/ Пишу дрожащею рукой,/ И льются песни вдохновенья/ В тиши безмолвия ночей...<...>* (С. 56-57).

В стихотворении «Воспоминание» (С. 61-62) прямое дополнение, выраженное существительным «горе», в ряду с другими однородными членами рисует судьбу человека, лелеявшего с юности надежду на лучшую долю, но так и не обретшего ее: *И что же встретил я? Страданье,/ Заботы, горе, смех людей...*

Ни в одно из анализируемых стихотворений поэт не включает характеристик понятия «горе», однако сама лексема в форме творительного субъекта входит в состав обособленного согласованного определения, представляющего состояние души пахаря-грузеника:

*Как плоха твоя нивка родимая,
Не удобрен пустой огород,
Как душа твоя, горем томимая,
Жаждет света!.. <...>
«Моему собрату» (С. 46)*

А, например, в стихотворении «Песня сироты» (С. 50) лексема «горе» дважды встречается в качестве приложения (разновидность определения), рисующего судьбу обездоленного героя: *И зачем ты, моя рódная,/ С белым светом расставаясь/ И со мной навек прощаяся,/ Наделила меня долею –/ Только горем да неволею!/ А в наследство мне оставила/ Голубые очи ясные!/ Но туманит их несчастная/ Горе-доля одинокая –/ И тоска в душе глубокая...*

Отметим также использование существительного «горе» в роли несогласованного определения к определяемому слову «стон»:

*Не в угоду холодного света
Песни тихие слез и печали
Угнетенного роком поэта
Стоном горя уныло звучали.
«Эпитафия» (С. 68)*

*Всюду слез потоки льются,
Стоны горя раздаются...
«Кукушка» (С. 51-53)*

Введение одного и того же несогласованного определения в разные стихотворения объясняется, на наш взгляд, выбором модели словосочетаний «существительное + существительное» с атрибутивным значением, сохраняющей ритмический рисунок произведений, ср.: *песни... слез и печали; стоном горя; слез потоки; стоны горя.*

В стихотворении «После болезни» (С. 65-66) лексема «горе» занимает позицию обстоятельства причины: *И не вытерпел сам, с горя духом упал...* А в «Ниве бобыля» (С. 26-27) входит в устойчивый оборот с обстоятельственным значением: <...> *Горе мыкать бросил вдовушку...*

В некоторых словосочетаниях позиция косвенного дополнения «навязывает» абстрактному существительному «горе» переход в другой разряд, в существительные конкретные:

*Нет сохи, ни бороны,
Ни коня, ни хаты,
Ни помощницы-жены...
Горем лишь богаты...
<...>
И, небось, придет пора
С горем расквитаться.
«Совет сироте» (С. 33-35)*

*Рад от жизни многотрудной
Я в могиле непробудно
Успокоиться, уснуть
И от горя отдохнуть...
«Договор со смертью» (С. 73-74)*

Есть в «Песнях горя» стихотворение, в котором лексемы «горе» и «горький» встречаются в одной синтагме:

*Под шатром садов тенистых
Отдохнул бы я
От забот, нужды и горя
Черных, горьких дней...
«На родине» (С. 63-64)*

Оба слова – «горе» и «горький» – этимологически связаны с глаголом «гореть». Первоначальное значение существительного «горе» – «то, что жжет, мучает»¹, значение прилагательного горький – «обжигающий, горячий»², а продолжая синонимический ряд, можно сказать – мучительный.

1 Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 109.

2 Там же. С. 111.

У лексемы «горький», по данным И.В. Романовой¹, 22-е ранговое место; из 18 словоупотреблений 12 приходится на «Песни горя». Согласованное определение «горький» в «Песнях горя» единожды встречается в инициальной позиции, в заглавии стихотворения «Горькие думы» (С. 56). Несмотря на название, в произведении есть и строки, связанные с попыткой героя преодолеть уныние:

*Прочь, незваные гости, унынье с тоскою!
Вы — злодеи мои, не помощники мне...
Нет, не кличу я вас в горькой доле моей.
Ты, весна золотая, отрадой живую
Освежи мою грудь. Я горю, как в огне.
Что молчишь, вдохновенный певец-соловей?*

В тексте этого произведения наряду со словосочетанием «горькая доля», включающим согласованное определение-прилагательное, используется этимологически родственный ему глагол-сказуемое «горю», который можно соотнести с синонимом «мучаюсь». Мучительное состояние души поэта объясняется в первую очередь невозможностью творить в свое удовольствие. Об этом пишет Л.В. Павлова: «Псалмов строит образ автора на трудно совмещаемых началах: “крестьянин — поэт”; “добывание хлеба насущного в поте лица — эстетическое восприятие мира”. Именно напряженным сосуществованием этих двух начал объясняется смысл таких слов и выражение, как “горькая доля” и “свобода”. <...> “рвался на свободу” означает не революционные устремления, а желание заниматься тем делом, к которому лежит душа; “горькая доля” сказано не о принадлежности к крестьянству, а о невозможности осуществить сокровенное желание, реализовать свой литературный талант»².

Анализ словосочетаний в отобранных стихотворениях показал, что качественные прилагательные «горький» является согласованным определением для определяемых существительных: «доля», «судьбина», «плач», «слезы», «дни», «мать», «юность».

Мотив *горькой доли* бедняка звучит в следующих стихах:

*<...> Мое рожденье
Осенний холод, серый день
Встречали да тумана тень
Густая — знаки горькой доли...
«Акростих» (С. 24)*

1 Впервые опубликовано: Романова И.В. Особенности поэтического языка Гервасия Псалмова // Русская филология: ученые записки кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. Т.15. Смоленск: Свиток, 2013. С. 260.

2 Впервые опубликовано: Павлова Л.В. Образ автора в лирике Гервасия Псалмова // Известия Смоленского государственного университета. 2012. 3(19). С. 28.

*Бог помочь, труженник смиренный!
Всегда трудами изнуренный,
В нужде и в вечной горькой доле
Ты все же счастлив поневоле,
Ты крепок силами души.
Паши!..*
«Пахарю» (С. 25-26)

*Забытый всеми в горькой доле,
Я одиноко в чистом поле
Тружусь с отрадными мечтами...*
«Забытый всеми в горькой доле...» (С. 28)

Обращает на себя внимание тот факт, что словосочетание «горькая доля» входит и в состав распространенного приложения (*знаки горькой доли*), и в состав сказуемого (*в вечной горькой доле...счастлив*), и в состав обособленного определения (*забытый всеми в горькой доле*). В одном случае прилагательное «горький» служит предикативным признаком (является именной частью сказуемого) подлежащего «долюшка»: *То-то долюшка горькая...* («После болезни» (С. 65)). Все это свидетельствует о виртуозном владении Г.Е. Псалмовым ресурсами синтаксиса.

Если говорить о порядке слов в анализируемых текстах как о стилистическом признаке, то, например, согласованное определение, выраженное прилагательным «горький», может находиться по отношению к определяемому слову и в препозиции, и в постпозиции, в зависимости от ритмической структуры стихотворения:

*Средь народной молвы,
В горьком плаче сирот,
В стонах бедной вдовы
Слышен голос мне тот.*
«Голос» (С. 29-30)
*Слезы горькие порою
Льются на усы герою,
На лицо старушки хилой,
На ланиты девы милой...*
«Кукушка» (С. 51-53)

В «Песнях горя» привлекает внимание такое словорасположение, как «обрамление» согласованными определениями-прилагательными определяемого слова, что восходит к народно-поэтической традиции: *широкое поле чистое; на небесный свод малахитовый* («Песня косца» (С. 28-29)); *в вечных глыбах земных* («Голос» (С. 29-30)); *мелкий дождь благодатный* («Вешний день»

(С. 38-39)). В подобном словорасположении принимает участие и определение-прилагательное «горький»:

*Полетите ж, пташечки,
На кладбище зорькою,
Сядьте на могилочку,
Где зарыли горькую
Мать мою родимую...
«Песня» (С. 45-46)*

Обращает на себя внимание словосочетание *юность горькую* из стихотворения «Тоже жизнь» (С. 54-55): *Я уныло пою,/ Вспоминая свою/ Юность горькую, жизнь несвободную...*

Для описания поры юности поэт привлекает и другие определения и приложения: *юность бедная; юность милая* («Юность» (С. 44-45)); *юность, золотое время* («Юность, золотое время!» (С. 60)). Во всех примерах определяющие члены предложения стоят в постпозиции по отношению к определяемому. Такой порядок слов в поэтическом произведении ритмически настраивает на размышления о прошлом, невозвратном...

Функционирование лексем «горе» и «горький» в стихотворениях, отобранных редактором для первых двух разделов «Полного собрания сочинений Г.Е. Псальмова», показывает, что название этим разделам — «Песни горя» — дано не случайно: использование лексемы «горе» составляет 84% от общего числа употреблений этой лексемы в стихах из сборника, частота встречаемости лексемы «горький» равна соответственно 66%. При такой «плотности» присутствия данных лексем в «Песнях горя» необходимо было избежать синтаксического однообразия, с чем успешно справился Г.Е. Псальмов. Обе лексемы органично вплетены в синтаксическую ткань «Песен горя». Так, лексема «горе» функционирует в роли всех членов предложения, кроме сказуемого: ни одному периоду своей нелегкой жизни поэт не дал предикативной характеристики «горе»! Слово «горький» в анализируемых стихотворениях выступает в традиционной для прилагательного функции определения, однако в отношении этой лексемы Псальмов «делает ставку» на порядок слов, и в этом проявляется его стилистическое чутье.

ЛИРИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

Картина лирики того или иного поэта была бы неполной без описания лирической коммуникации. Под лирической коммуникацией мы понимаем систему субъектно-объектных взаимоотношений в стихотворениях, учитывающих, от чьего лица и кому адресуется поток лирического сознания и речи. Это

внутритекстовая коммуникация, включающая 1) лирического субъекта, так или иначе выраженного в тексте, 2) сообщаемое и 3) лирического адресата, тоже имеющего разные формы выражения. Во внутритекстовую коммуникацию не входят реальный автор и читатель стихотворения – абстрактный или конкретный. В тех случаях, когда автор вводит в текст автобиографические и личностные индивидуальные черты, мы все равно говорим об образе лирического субъекта или лирического героя, поскольку сам отбор фактов и черт и их интерпретация в поэтическом тексте становятся результатом творческого акта, подчиняются категории художественности. То же относится и к образу лирического адресата, который может иметь реальных прототипов, но в лирическом тексте представляет собой образ или его отдельные рудименты.

Разная степень выраженности лирической коммуникации зависит от соотношения в тексте следующих коммуникативных составляющих:

1) **эготивного элемента**, который определяет говорящего и ориентирован на 1-е лицо;

2) **апеллятивного элемента**, выражающего разную степень ориентированности речи на другое сознание, ее адресованность. Апеллятивный элемент ориентирован на 2-е лицо;

3) **безлично-безадресного элемента**, который приближается к нулевой коммуникации и организует лирическое повествование от 3-го лица;

4) **драматического элемента**, который вносит в лирический текст родовой элемент драмы и выражается во включении в стихотворение монологических или диалогических реплик персонажей.

Представленные элементы могут присутствовать в тексте в одиночку, образуя соответствующие коммуникативные типы стихотворений: **эготивный** (текст о «я»), **апеллятивный** (текст-обращение к кому-либо), **безлично-безадресный** (повествующий о каком-то событии или явлении и не ориентированный ни на 1-е, ни на 2-е лицо), **драматический** (диалог или полилог). Сочетаясь разными способами, эти элементы образуют различные виды **смешанного коммуникативного типа**.

Собственно эготивных стихотворений в лирике Псалмова мало – 13%, хотя эготивный элемент присутствует в половине стихотворений. Лирический субъект большинства стихотворений повествует о себе. Сведения, которые он о себе сообщает, в большинстве случаев совпадают с биографическими фактами автора. То есть перед нами образ, почти неотделимый от автора, лишенный портретных характеристик, но имеющий постоянные социально-биографические и личностные черты. К ним относятся: социальное положение, род занятий – крестьянин, школьный учитель, поэт; вероисповедание – православный, воцерковленный; семейное положение – сирота, женат; кроме того, это человек болезненный, глубоко страдающий чужому горю, трудолюбивый, смиренный, тянущийся к прекрасному:

*Безделья скуки я не знаю,
И праздной лени я далек:
Я хлеб трудами добываю
И свой имею уголок. <...>
жизнь моя полна тревог,
Забот, нужды ли неисходной...
Увы, я беден, одиноч.
Далекий гордости сословной,
Я православный мужичок <...>
В свободный от трудов часок,
Объятый вдохновенья жаром,
Плету на гроб себе венок¹. (С. 15)*

Или:

*Живя почти в пустыне дикой,
Я хлеб свой ем в поту лица,
Храню я заповедь Творца,
Все лето я тружусь на поле,
А в зиму обучаю в школе
Священной грамоте детей
Деревни маленькой моей
Не менее лет двадцать сряду.
<...>
Но не ропщу я против неба,
Ни против холода людей
К печальной участи моей.
Богатства-праха не желаю
И славы жаждой не пылаю,
Но только песнью жизнь свою
Я услаждаю. Я пою
И песни радости и горя,
С судьбою завидной споря. (С. 91)*

Подробно и глубоко этот образ исследован Л.В. Павловой². Поскольку эти черты переходят из стихотворения в стихотворение, можно говорить о формировании образа лирического героя у Псальмова. Вряд ли этот процесс был сознательным. Но замечательно то, что Псальмов, поэт-самоучка, интуитив-

1 Ссылки на тексты Псальмова приводятся по следующему изданию: Псальмов Гервасий. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. 160 с. После стихотворных цитат в круглых скобках указываются номера страниц.

2 Павлова Л.В. Образ автора в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 23 – 31.

но почувствовал и перенял тенденцию, обозначившуюся в русской поэзии второй половины XIX века.

Принципиально новые по сравнению с романтическим героем черты – психологически и, особенно, социально определенные, обрел образ лирического героя у Некрасова. На место собирательного образа он поставил личность вполне конкретную и индивидуальную, не демоническую и не идеальную, обладающую исключительными чертами его собственной жизни и личности. По словам Е.В. Ермиловой, «Некрасов впервые вводит в поэзию бытового человека, всего человека, в том числе в состоянии непоэтическом. Он впервые представляет поэта как человека, находящегося “под игом” всевозможных мелочных житейских забот, с душой непросветленной, не поднятой над ними»¹.

В этом же русле находится и лирический герой Псалмова.

*Тяжелый крест мне дан судьбою
И труден мой тернистый путь.
Другого нет. И нет покою
Хоть час за книгой отдохнуть... (С. 88)*

*В сельской школе неизвестной
Я в лачужке грязной, тесной
У стола сижусь в углу
На разломанном стулу.
В кабинете-кухне-спальной
С крепкой думою печальной
Размышляю про свое
Горемычное житье....
Сверху – гений вдохновенья,
Снизу – пол и дуновенья;
Дышит холодом Борей
Из подполья и дверей.
На душе засела проза,
В теле трепет от... мороза,
Боль жестокая в груди –
И... все то же впереди... (С. 78)*

Еще более замечателен следующий факт. Знаменитое кредо Жуковского «Жизнь и поэзия одно» во второй половине XIX века стало опровергаться. Такие разные по своим творческим установкам Фет и Некрасов, каждый по-своему, дали новое видение этой проблемы:

¹ Ермилова Е.В. Народно-поэтическое мышление в поэтическом стиле // Теория литературных стилей. Типология стиливого развития XIX века. М., 1977. С. 49.

*Смущаюсь я не раз один:
Как мне писать в делах текущих?
Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только средь поющих¹ –*

писал один;

*Мне борьба мешала быть поэтом
Песни мне мешали быть бойцом² –*

сокрушался второй.

Несоответствие двух личностных начал создавало дополнительный драматизм, в поле напряжения которого мог выстраиваться образ лирического героя.

То же мы видим и у Псальмова – драматическое столкновение двух сторон одной личности – вдохновенного поэта по духу и крестьянина по выпавшей ему доле – и осознание необходимости безропотно нести свой крест³.

*Все лето, занятый работой,
Усталый за день трудовой
И угнетаемый заботой,
Тащусь с поля я домой
Вздохнуть и укрепиться малость...
И вот волнение – писать!
Но... вдруг зовут... какая жалость!
Бросаю все, иду опять...
Иду, спеша, на жатву в поле. (С. 88)*

Драматическое столкновение внутри лирического героя противоположных ощущений и восприятий жизни Псальмов положил и в основу композиции своих стихотворений. Например, одно из стихотворений начинается так:

*Забытый всеми в горькой доле,
Я одиноко в чистом поле
Тружусь <...> (С. 70)*

Читатель ожидает, что дальше текст будет описывать эту самую горькую долю. Однако автор неожиданно поворачивает тему в противоположном направлении: *Тружусь с отрадными мечтами. / Тайком беседуя с цветами, Кошу их, потом обливая.* Читатель полагает, что описание работы в поте лица полу-

1 Полное собрание стихотворений А.А. Фета. С.-Петербург: Издание Т-ва А.Ф. Марксъ, 1912. Т. 1. С. 423.

2 Некрасов Н.А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. Л.: Советский писатель, 1967. Т. 3. URL: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0030.shtml#68

3 Подробно об этом см. в указанной выше статье Л.В. Павловой.

чит продолжение, однако автор снова обманывает читательское ожидание, возвращаясь к теме радости:

*И ширь мила мне полевая,
И мил лесов покров зеленый,
И чистый воздух благовонный,
И песни птиц над головою
Мне веют радостью живою... (С. 70)*

Еще более замечательны у Псалмова способы выражения лирического «я», выходящие далеко за пределы банальных форм первого лица.

1. Во-первых, это акrostих – традиция, идущая от книжной поэзии античности и средневековья. Не исключено, что Псалмову были известны акrostишные подписи жившего в XVII веке иеромонаха Германа, занимавшегося переложением псалмов. Здесь в образе «я» сохранены драматические противоречия: *Едва имея десять лет, / Работал я уже на поле, / В душе мечтатель и поэт. <...> И как я рвался на свободу / И все ж остался за сохой (С. 74).*

2. Использование автокоммуникации: *Отчего ж моя / Ты, головушка, / На больную грудь / Приклонилась? (С. 52).*

3. Использование грамматических форм, позволяющих подразумевать под ними любого говорящего, включая субъекта. Это и 2-е (субъектное) лицо, а также инфинитивы и императивы в функции первого лица:

*Роду-племени нет.
Жизнь как свечка тает.
И покинул бы свет –
Силы не хватает.*

*Эх, живи, сирота!
Горе не забудет.
А умрешь – и креста
Над тобой не будет. (С. 44)*

Концовка этого стихотворения в форме психологического параллелизма повествует о внутренних переживаниях, метонимически соотнося *душу* и *сердце* с лирическим субъектом, не исключая, впрочем, любого другого:

*В поле ветер шумит,
Воет-завывает,
Горе душу томит,
Сердце надрывает. (С. 44)*

4. Изображение себя со стороны, как «другого». Чаще всего помогает взглянуть на себя со стороны элемент драматизации, вносимый в эготивные стихотворения.

Например, стихотворения «За пашней» и «Пахарю» воспринимаются как своеобразный диптих. В эготивное стихотворение «За пашней», основная тема которого заявлена в первом стихе: *Отрадно мне за пашней в поле*, включается реплика: *Певуны-пташечки парят, / «Бог помочь, пахарь!» – говорят* (С. 19), и птицам вторят ангелы в небесах. Все они приветствуют труженика.

Своеобразным дополнением к стихотворению «За пашней» воспринимается апеллятивное стихотворение «Пахарю», которое начинается тем же приветствием *Бог помочь, труженик смиренный!* и в котором описывается годовой цикл полевых работ. Каждая строфа завершается заклинательным повтором *Паши!..* Здесь вновь возникает образ крестьянина, преодолевающего внутренние противоречия и находящего отраду в тяжелом труде: *Всегда трудами изнуренный, / В нужде и в вечной горькой доле, / Ты все же счастлив поневоле, / Ты крепок силами души. / Паши!..* (С. 20) Таков, как мы выяснили, лирический герой Псальмова. Соседство стихотворений и узнаваемость образа позволяет соотнести образ пахаря с лирическим героем Псальмова.

5. Драматический элемент в лирике Псальмова усиливается, когда автор использует ролевое «я», то выступая от женского имени (стихотворение «Кукушка»), то от имени сироты, пьяницы, невежды. Наиболее показательным в этом смысле стихотворение «Горькая правда», подзаголовок которого называет ролевого субъекта (*ученик начальной школы нашей местности*). Закончивший школьный курс с похвальным листом и с правом на льготу в воинской повинности, герой утверждает, что больше ему учение не пригодится. Тяжкий крестьянский труд и нищета поглотят все его существование, и забвение он будет искать не в просвещении, а в беспробудном пьянстве и разгуле:

*Удаляюсь. До свидания!
Кончил я свои страдания,
Дисциплину – кару школьную;
Выхожу на волю вольную,
Навсегда домой, где чтение,
Счетоводство, наставления,
Все священные истории
И другие категории –
Все зачахнет и засушится,
Жизни тернием заглушится <...>* (С. 37)

Даже в этом ролевом стихотворении показателен переход от первого ко второму субъектному лицу:

*За косой, за сошкой мелкою
Все зальешь порой горелкою,
Все уьет нужда тяжелая,
И разгул, и жизнь веселая
Иль иная страсть мятежная...* (С. 37)

Так подчеркивается типичность судьбы русского крестьянина. Далее Псальмов рисует такой жизненный сценарий: женитьба по воле отца, дележ имущества, дети, вечная нужда. За всеми этими заботами крестьянин забудет грамоту (хорошо, если еще сумеет написать свое имя). Тогда годы учения покажутся ему невозвратимой сказкою. Последствия такой жизни страшны: кабаки, пьяные дебоши, кичливость, непочтение к старшим, окружающим. Корни деградации герой видит в несерьезном отношении к учебе еще в школьные годы, а это, в свою очередь, идет из семьи, погрязшей в пьянстве и невежестве. Частный случай из своей жизни герой тут же приводит, возвратясь к первому лицу. Не только типичность, но и масштабность всеобщей деградации, причастность каждого к творимому Псальмов показывает, переходя к множественному числу первого лица: *Словом, состоянье адское / Нам приносит зло кабацкое. / Таково семьи влияние / На наш ум и воспитание, / Где живем мы и вращаемся / И, конечно, развращаемся* (С. 39). Финал стихотворения возвращает нас к личности пишущего *сие с улыбками, / с восемнадцатью ошибками*; он обретает имя, и, вместе с тем, его образ становится собирательным:

*Древней волости Смоленская,
Волости Новополенская,
Общества Кривич-Древлянского,
Из сословия крестьянского,
Из деревни Полупьяновой,
Из двора семьи Лукьяновой,
Ученик Илья Болотников <...>* (С. 39)

6. Наиболее оригинальной особенностью индивидуального стиля Псальмова становится **субъектный синкретизм**: свободные переходы в пределах одного стихотворения от одной субъектной формы к другой, что мы видели и в ролевом стихотворении «Горькая правда».

Другой пример – стихотворение «Монолог селянина» рисует возвращающегося с поля после трудового летнего дня крестьянина. Сначала он говорит о себе в безличной форме (*Не пришлось отдохнуть*), затем в первом лице (*Трудно горб мне согнуть*), затем рассказ о его усталости представлен в чередующихся формах условного наклонения, инфинитивов и второго субъектного лица, дающих большую степень обобщения (*Эх, испить бы воды – подкрепиться! <...>*)

*В дом придешь – иль ворчишь,
Иль сердито молчишь –
Слово молвить тебе неохота.
Не до сладких речей,
Лишь поесть бы скорей,*

*Да в постель, будто сноп, повалиться...
Отдохнуть часа три,
Да и встать до зари,
Чтобы снова день целый трудиться.
Далее следует взгляд на себя со стороны:
Эх, куда нелегка
Доля-жизнь мужичка!
Вечный труд, все покоя-то нету <...> (С. 34)*

И снова переход к инфинитивным формам, выражающим долженствование, а от них возврат ко второму субъектному:

*Надо косу отбить
И овин растопить,
Смолотить, чтобы завтра, до свету,
Чтоб днем сено сгрести
И снопы привезти...
Время страдное, все надо разом:
И покос убирать,
И под озимь пахать,
Сеять рожь — потеряешь и разум!..
На работе весь день
Почернеешь, как пень,
На жаре-то от ночи до ночи <...> (С. 34-35)*

Итог такой жизни подводится обращением к незримому собеседнику:

*Вот оно, голова,
Наша жизнь какова!
Наказание — честное слово. (С. 35)*

Выход из положения селянин видит в образовании, которое необходимо дать детям. Тут герой переходит на первое лицо и говорит о намерении отдать учиться своего семилетнего сынишку. О пользе образования для крестьян он заключает уже от имени всего сословия:

*Уж такой нынче век,
Что «слепой» человек
Не годится — мы то понимаем.
Мы, хоть темный народ,
Все же видим вперед
И детишкам науки желаем. (С. 35)*

Однако то, как трудовые заботы заслоняют тягу к книгам, доказывают примеры кума Тита, Петра и Фомы, приведенные тут же в третьем лице, с репликами персонажей. От примеров своих знакомых селянин переходит к себе (к первому лицу) и со стыдом признается, что сам он от забот ищет забвения во хмелю. Завершает свой монолог он риторическим вопросом, обобщая горький опыт всех бедняков: *Стыд!..но чем же иным / Нам средь вечного гнета забыться?*

Субъектный синкретизм Псальмова, как нам представляется, восходит к двум основным источникам: **фольклору** – народной обрядовой и необрядовой лирике, в которой высказывание спонтанно переходит от одного лица к другому и наоборот, без специальных грамматических и стилистических связей и обозначений, и **духовным стихам**, в которых субъект речи говорит о себе так, как о нем должны были бы говорить другие, приближаясь к взгляду на себя со стороны¹.

В лирике Псальмова численно преобладает апеллятивный тип стихотворений – они составляют 31% текстов. Среди них отдельную группу составляют стихотворения, обращенные к конкретным лицам, указанным, как правило, в названии – по фамилии и имени или инициалам – полностью или сокращенно (например, «Духовнику о. Захарию Зезюлинскому», «Пресвященнейшему Нестору, епископу Смоленскому (прошение в стихах)», «Н.В. Псальмовой», «М.Н. Каменцевой», «М.М. Ам...кому» и др.) или обобщенно («К ней», «Пахарю», «Поэту», «Жене»). Указание подлинного адресата в заглавии выполняет в большей степени функцию посвящения, в отличие от приемов типично поэтических – обращения в названии к обобщенному персонажу (стихотворцу, крестьянину или некой безымянной возлюбленной). Показательно, что в таких стихотворениях не выстраивается образа адресата. Лирический субъект ограничивается обращением (оно более обобщенное, в самом тексте имя уже никогда не называется: *Пресвященнейший Владыко, убажжаемый Святитель, пастырь незабвенный* и т.п.). Может быть косвенное указание на характер отношений и повод написания стихотворения (*Когда в письме друзей надежных, Как солнца луч сквозь облака, Блеснет мне между строк небрежных Любви, участия строка* (С. 119) или: *Вы в храме, у престола Бога, За литургиею святой, Вы за меня молились много, Скорбели, как отец родной* (С. 118)). В этих текстах лирический субъект, неотделимый от автора, больше говорит о себе – о христианском смирении, о тяжелом крестьянском труде, о работе в школе, о крайней бедности, о болезни, об отраде в творчестве. Исключение составляет стихотворение «Н.В. Псальмовой», в которое включены биографические факты и черты личности жены поэта: уход Надежды Вячеславовны из богатого московского родительского дома, приезд ее, барыни, в глухую деревню, брак с бедняком, тяготы крестьянского и учительского труда, забота о тяжелобольном супруге, безграничная любовь

¹ Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М.: РГГУ, 1997. С. 45–46.

к нему и вызывающее восхищение крестоношение. В других стихотворениях, обращенных к супруге, такого развернутого ее образа нет, повторяются лишь такие черты, как *подвиг самоотверж нья (Без призыва / Она мне душу отдала, / И в нищете, добра, правдива, / Она мне светочем была (С.95)); взгляд участия милый (С. 103), в подвиге добра смиренная и кроткая в бурях жизни сей (С. 96)*. В стихотворении «Ей» образ возлюбленной представлен чередой образов, изображающих свет во тьме: *сиянье волшебной красоты севера в дикой и пустой тундре; блеск маяка во мгле ужасной бури в океане; луч рассвета в вышине, разгоняющий тьму печали*. В ряде так называемых любовных стихотворений образ возлюбленной обобщен и укладывается в рамки романтической традиции. Портретных характеристик этого образа нет, упоминается лишь, что она *прекрасна*, девушка обычно показана на лоне природы, бродящей в саду или собирающей цветы (например: *Ты пела, цветы собирая. / И голос чарующий твой / Далеко вокруг раздавался, / И, мнилось, он тайной волной / С сиянием неба сливался (С. 56)*). Она может быть коварной, подарив герою надежду – и охладев к нему, однажды сказав ему о любви, а потом все забыв (*ты все забыла / И, как капризное дитя игрушку, сердце мне разбила / И равнодушно и шутя (С. 27)*). Не все тексты датированы. Естественно было бы предположить, что в ранних стихотворениях образ возлюбленной более книжный и оттого лишенный индивидуальных черт, а в поздних он оформляется в образ *друга милого*, надежной, горячо любимой многострадальной супруги. Однако стихотворения с традиционным романтическим набором (сад, луна, соловей, мечты, она – прекрасное и *капризное дитя*) встречаются даже за год до смерти (например, «Ты помнишь ли?» 1899 года).

Особняком среди апеллятивных стихотворений Псальмова стоят стихотворения, обращенные к ученикам: «Ученикам начальной школы», «На жизненный путь (воспитанникам народной школы)», «Будущим пастырям (воспитанникам Смоленской духовной семинарии)» (подробно рассмотренные в статье Л.В. Павловой и М.В. Туберозовой о сельской школе в жизни и стихах Псальмова¹). Авторы статьи показали, что по этим стихотворениям можно восстановить учебный день, последовательность изучаемых предметов и их основное содержание и т.п. образов учащихся и учителя здесь не возникает. Ни в одном из этих стихотворений не говорится «я», однако по тому, какие наставления звучат в адрес юных воспитанников, мы можем судить о внутреннем мире и системе нравственных представлений лирического субъекта, неотделимого от самого автора. Причем язык и стиль его обращений, как и их содержание, зависят от адресата. К малышам из начальной школы обращены простые и сердечные слова прежде всего о необходимости веры в Бога и любви к ближнему, а также о пользе образования: *жить / Вы должны со всяким дружно и Царю служить. <...> Что здесь слышали, несите / Вы в дома свои. / И*

1 Павлова Л.В., Туберозова М.В. Сельская школа в жизни и стихах Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1(21). С. 29-39. Материал исследования этой важной темы с дополнениями представлен в первом разделе настоящей коллективной монографии.

читать, молиться Богу / Вы своих родных / Приучайте понемногу / И любите их. (С. 82). Выпускникам народной школы дается напутствие на всю большую и полную борьбы и страданий жизнь и говорится о крестном пути, который каждый должен с достоинством принять и на котором каждого будет сопровождать и укреплять ангел небесный. Добродетельность, честность, любовь к Богу и людям, служение им – родным и чужим, служение отчизне должны стать залогом вечной радости в *отчизне небесной*. Речь к выпускникам проста с точки зрения лексики и синтаксиса, но осложнена образами (*Жизнь – глубокое шумное море / Борьбы; жизнь – изгнания страна. <...> Чтобы, как в небеса из кадила / Благовонный возносится дым, / Ваше сердце в любви восходило, / Пламенело пред Богом своим...* (С. 149)). Подчеркнутой торжественностью, пафосностью, лексическим разнообразием, отсылками к Священному Писанию и истории отличается обращение к будущим пастырям. Оно делится у Псалмова на две пронумерованные части. Первая – безлично-безадресная, написанная от третьего лица. Она, в свою очередь, распадается на две части: большую – описание Маяка, озаряющего мрак жизни, *спасительного фонаря*, свет Которого доступен всем и всегда, кроме духовных слепцов, – мудрецу востока, северному дикарю, римскому патрицию, греческому тирану, ученому раввину, сатрапу гордой Персии. Основание сопоставления в образе этого Маяка дается в последнем предложении: *Маяк тот – Крест. На нем библейский / Завет для смердов и царей: / «Смотри, распят Царь Иудейский, Распят Иисус!»* (С. 110). Аллегорический образ и его расшифровка характерны для духовной поэзии и для жанра проповеди. В свою очередь, вторая часть стихотворения, построенная в форме обращения к будущим пастырям, начинает восприниматься в русле дихотомического принципа: крест – и те, кто вслед за Христом его несут, христианство – и его последователи и служители; констатация факта – и обращение к адресату с нравственным напутствием. Слово Божие во второй части снова представляется в образах света: свет Христа, который сравнивается с *ярким фонарем Диогена, лучом просвещения*. Ему противопоставлен грешный мир – *жизненная лава*, – описываемый в образах грязи, мрака. Высокое назначение пастыря Псалмов видит в крестоношении (это ключевое для него понятие, в которое он вкладывает много личного), в просвещении объятых тьмой неверия и порока душ и сердец людских, в защите их от духовного бунта и отступничества: *Чтобы новый какой Авирон или Корей / Не затмил этот свет пред толпою* (С. 111). Призывом искать дорогу к Свету заканчивается стихотворение. Отметим, что для него характерна архаичная, книжная лексика, упоминание библейских персонажей, древнегреческого философа Диогена, развернутые сопоставительные конструкции: *Точно в недрах земли драгоценный алмаз, / Как руда золотая, хранится – / Так в сердцах ваших юных богатый запас / Сил нетронутых скромно таится* (С. 111). Выстроенное подобным образом стихотворение ориентируется на особенности церковно-религиозной проповеди как речевого жанра, в котором коррелируют: содержательная сторона жанра, коммуникативная цель, характер адресата, языковое воплощение.

На примере этих трех стихотворений видна продуманность коммуникативной стратегии Псальмова, выступающего в роли не только поэта, но и педагога-наставника. Когда выключается педагогическая составляющая и остается только поэтическая, он менее последователен в организации своего лирического высказывания. Это проявляется, в частности, в том, что большинство апеллятивных стихотворений Псальмова строится на основе риторических обращений, восклицаний и вопросов, обращенных к силам природы, метонимическим духовным и телесным заместителям самого поэта (сердцу, душе, юности и т.п.)¹. Можно сказать, что в большинстве случаев апеллятивность Псальмова формальна: его коммуникативность не носит направленного характера, она распылена на весь мир, являясь частью общего эмоционального фона. Этот фон создается на пересечении народно-поэтической и книжной, преимущественно романтической, традиций: *О чем, о чем так грустно, так уныло / Шумите вы, осенние березы? / Зачем, зачем на тихие могилы / Роняете задумчивые слезы?* (С. 83) – повторы *о чем, о чем; зачем, зачем*, обращение к березе – отголосок фольклора, упоминание *тихих могил* и *слез* – элегическая нота; или: *Что, мой чижик милый, скучен?* (С. 80) содержит сходные мотивы с пушкинским «На волю птичку выпускаю», отражающим, в свою очередь, старинный народный обычай.

Другое мощное русло, создающее коммуникативный эффект за счет условных, ненаправленных апелляций, – медитативная поэзия. У Псальмова здесь можно усмотреть тоже пересечение двух основных традиций обильной поэтической апеллятивности – псалмы-ламентации (жалобы) и надсоновско-некрасовские интонации. Эмоциональный тон таких стихотворений, как правило, мрачное раздумье над несовершенством жизни, ее социального устройства, хода истории (яркий пример – стихотворение «Раздумье»). Риторические вопросы могут выражать: упрек (*Что же свет ни крестом, ни плитою / Не почтил его мирные кости, / Лишь небрежно засыпал землю?..* (С. 74), или: *Почему же воспеть позабыли, / Как весною страдает мужик?* (С. 86), жалоба (*Зачем и в светлые дни мая / Терзает сердце грусть немая / И безнадежная печаль, / И, глядя в будущего даль, Предвижу мрак седой несчастья, / Ни сожаленья, ни участия Уже не чая от людей / В печальной участи моей?..* (С. 87)), самобичевание (*За подвиг самоотверженья / Житья со мной что дать могу? / Коптелый угол и лишенья, / Что не желал бы и врагу?* (С. 95)).

Риторические вопросы в текстах Псальмова выполняют функцию антитезиса, вводят конфликтную тему, например, тезис: с весной связаны исключительно положительные ассоциации:

*Пора любви и вдохновенья
И всей природы обновленья,
Пора надежд и сладких дум,
Весна! (С. 87)*

1 ф Подробно см.: «Обращения в поэзии Г.Е. Псальмова».

Антитезис: а я не радуюсь весне:

<...>

Зачем твой светлый шум

Меня, как прежде, не пленяет

И грудь мою не наполняет

Волненьем радости живой? (С. 87)

Или в стихотворении «Юность, золотое время!» (С. 65) невозможность вернуть юность и здоровье, непосильный груз жизненных тягот вызывают мысли о самоубийстве. Это основная тема. Однако после фразы *Жизнь кончаю* поэт возражает сам себе: *Полно ныть! / Полно... Где перо, бумага? / Кой-что нужно объяснить, / Чтоб других по крайней мере / Не винили*. Это контрастирующая тема, если не отменяющая намерения покончить с жизнью, то, по крайней мере, отсрочивающая роковой момент. Затем снова возврат к первоначальному порыву: *Все, прощай! Плотнее двери... / Ну, мой верный пистолет!..* Но вдруг снова вводится контрастирующая тема – в апеллятивной форме: *Соловей поет... Кончаю. / А «она»? Пойду ль назад? / Вдруг я милую встречаю / И... я жизни снова рад*. Таков поэтический юмор Псальмова.

Риторические вопросы часто завершают стихотворения Псальмова. В таком случае они либо выражают несогласие лирического субъекта с ходом вещей, описанным выше, сомнение в правоте сказанного. Например, стихотворение «Свободная птичка» (С. 33), описывающее беззаботную жизнь счастливой пташки, лишенной тех забот, которыми отягощен человек, – злости, нужды, обиды, тяжких трудов. Но заканчивается текст неожиданным риторическим вопросом: *Но так ли? Спокойно ли птичка живет?* И этот вопрос вводит проблему видимости и скрытой сущности.

Риторические вопросы могут выступать в форме утверждения, служить ответом на поставленный выше вопрос. Так, стихотворение «У портрета» (С. 64) начинается с вопроса, *зачем, полный грусти-печали, / Я гляжу на знакомый портрет?* В сердце неожиданно воскресают давно угасшие и забытые чувства. Концовка стихотворения дает ответ на этот вопрос в форме риторического вопроса: *Уж не ты ли, весна золотая, / Вновь пришла с ароматом цветов / И ночами волшебного мая / Мне повеяла чарами снов?*

Такие риторические вопросы обычно составляют апеллятивный элемент в стихотворениях смешанного коммуникативного типа. Обилие риторических вопросов и других условно-апеллятивных элементов, не направленных на конкретного адресата, – это форма, приближающая лирику Псальмова к автоматоммуникации, а от нее – к восприятию себя как «другого».

Таким образом, апеллятивные стихотворения Псальмова численно преобладают по сравнению с другими коммуникативными типами, но они парадоксальным образом в меньшей степени обращены к конкретному адресату. Апеллятивность в них в основном носит риторический характер. Псальмов оказывается закрыт для реального собеседника.

Существенно компенсируют эту ситуацию духовные стихотворения, переложения духовных текстов, обращенные к Всевышнему¹.

Своеобразной компенсацией отсутствия у Псальмова живой коммуникации в стихотворении между лирическим субъектом и адресатом является повествование о коммуникативной ситуации между персонажами, в том числе между лирическим субъектом и кем-либо еще или между третьими лицами. В таких случаях Псальмов вводит в стихотворение драматический элемент: одну реплику, развернутый монолог или диалог лирических персонажей. Стихотворения с таким драматическим элементом составляют у него 17 %, и это большая цифра. Наиболее яркие примеры таких текстов – «Солнце и месяц» (в названии обозначены участники диалога), «Нива бобыля» (в текст включен разговор спелой нивы и заброшенной полосы, поросшей травой; и прием разговора природных начал, и тема тяжелой крестьянской доли роднят это стихотворение Псальмова с «Несжатой полосой» Некрасова), «Совет сироте» (беседа сироты Вани с соседом; лицемерие последнего подчеркивается таким приемом, как указание на реплики его внутреннего монолога и того, что он произносит вслух – аналог ремарки: *Про себя, вслух*).

Истоки драматизации находятся, с одной стороны, в фольклоре, в распаде обрядового хора на два полухория. Наиболее типичны драматизированные диалоги в свадебном обряде и в обрядовых играх аграрной тематики. С другой стороны, истоки драматизации у Псальмова восходят к поэтике Некрасова, предоставившего слово простому человеку. Оттого драматизация у Псальмова часто появляется в стихотворениях социальной тематики. Так, основную тему стихотворения «Кукушка» (С. 50-51) можно было бы сформулировать по-некрасовски «Кому на Руси жить хорошо?» с предполагаемым отрицательным ответом. Этот ответ развернуто повествует о человеческих тяготах, заставляющих лить слезы и стенать в горе *В пышной царственной палате, / И в крестьянской белой хате. <...> Слезы горькие порою / Льются на усы герою, / На лицо старушки хилой, / На ланиты девы милой / И на нищего клюку*. Ответ этот дает кукушка на вопрос, о чем ее унылая песня. Введение образа кукушки, воспевающей *слезу людскую*, сближает стихотворение с народно-поэтической традицией, в которой кукушка связана со смертью и потусторонним миром. Повтор в конце каждой строфы «Ку-ку!» – как отсчет несчастий, как горький всхлип. Возможно, выбор именно фольклорного образа не позволил Псальмову по-некрасовски социально заострить причины человеческих бед: *Тот обижен злой судьбою, / Тот остался сиротою; Этот болен – горько плачет, Тот родных в могилу прячет*. Между тем, образ кукушки, которая тоскует о несчастных и поет людскую слезу, сближается с образом поэта у Псальмова.

В этом смысле показательно и стихотворение «Голос», указывающее на источник поэтического вдохновения для лирического героя Псальмова. Од-
1 Подробно об этом сказано в одном из разделов данной монографии, см.: «Переложения церковных песнопений в лирике Гервасия Псальмова». Впервые опубликовано: Хрисанф (Шадронов). Переложения церковных песнопений в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2(21). С. 17-28.

новременно с многочисленными крестьянскими трудами в сознании и воображении героя незримо присутствует некая высшая сила, побуждающая его к творчеству:

*Я коня ль со двора
Пахать в поле веду
Или рано с утра
С косой острой иду
В луг, облитый росой.
Помолясь на восток,
Работ ю ль с косой;
С травкой нежный цветок
Я гублю наравне.
Голос вдруг надо мной
Все мерещится мне,
Повторяет мне: «Пой!» (С. 16)*

Этот заветный призыв слышится герою отовсюду — от живой и неживой природы, из вдохновенных песен дев и пастушьих трелей, от народного плача и горестных стонов, от далеких небесных светил и сокрывших тайну смерти земных глубин. Так весь мир побуждает героя к поэтическому творчеству: «Пой!»

Чаще всего воспроизводимые Псалымовым реплики персонажей обращены к лирическому субъекту и делают изображаемый акт коммуникации завершенным.

Безлично-безадресные стихотворения меньше всего характерны для творчества Псалымова. Они составляют всего 5 %. Обычно это пейзажная лирика, в которой картины природы даны в динамике («Гроза», «Утро весны», «Утро Пасхи» и др.), или переложение мифологических сюжетов («Нарцисс»). Псалымов предпочитает осложнить безлично-безадресный текст в начале или — чаще — в конце эготивным элементом, обозначая таким образом присутствие «я» и субъективный взгляд на мир, восприятие окружающего лирическим субъектом в унисон или по контрасту. («Поздняя гроза», «То же»).

Подведем итоги.

Описательная или повествовательная лирика, исключая присутствие лирического субъекта и возможность апелляции, Псалымову малоинтересна.

Хотя апеллятивные стихотворения численно преобладают у Псалымова, его коммуникативность в большинстве своем не носит направленного характера (за исключением стихотворений на духовные темы и переложений духовных песнопений, а также стихотворений, обращенных к подруге жизни — жене). Условный, безадресный апеллятивный фон многих его стихотворений создают многочисленные риторические вопросы, придающие лирике Псалымова оттенок медитативности.

Единственный образ из всех его лирических адресатов, порой даже поименованных, составляет образ любимой супруги. И образ лирического героя, и образ его адресата-возлюбленной не имеет портретных характеристик, их замешают личные душевные качества и вехи судьбы.

Псалмов избегает выдвигать это на передний план в своем поэтическом творчестве. Можно предположить, что крестьянское происхождение и строгое христианское воспитание не позволяли ему этого делать, чем объясняется невысокий процент эготивных стихотворений. Но это обстоятельство не помешало ему создать образ лирического героя, практически неотделимый от самого автора. Этот образ сохранил драматический конфликт между низким социальным происхождением, необходимостью трудиться в поте лица, прозябать в нищете — и неудержимым даром песни, способностью видеть прекрасное в сотворенном Богом мире, чувством долга перед «униженными и оскорбленными», необходимостью поведать миру об их участи.

Создание такого сложного образа лирического героя, кроме того, сохранившего глубоко индивидуальные черты автора, погруженного в ничуть не поэтические повседневные крестьянские заботы, оказался в русле новаторских тенденций в современной Псалмову поэзии. Он приблизился к творческим открытиям Некрасова.

От Некрасова же, а также из фольклорных хоровых источников идет страсти Псалмова к драматизации своей лирики, средства которой у него очень разнообразны: от включения в текст стихотворения реплики до воспроизведения диалога и монолога, в том числе написанного от лица ролевого персонажа.

Замечательны в стихотворениях Псалмова примеры субъектного синкретизма — разнообразные переходы от одной формы выражения лирического субъекта к другой. Они позволяют менять точку зрения — от узкой субъективной — через взгляд на себя со стороны, с позиции «другого» — к обобщению, ощущению причастности себя к некоей общности — сословию, человечеству. Этот прием обнаруживает следы влияния народно-поэтической традиции и традиции духовной поэзии.

ОБРАЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ Г.Е. ПСАЛМОВА

Есть какая-то высшая справедливость в том, что после более чем векового забвения к читателям возвращается наследие смоленского поэта-самоучки Гервасия Ефремовича Псалмова. От природы он был наделен многими талантами, которые, вопреки жизненным невзгодам и слабому здоровью, пытался реализовывать. Гервасий Ефремович оставил по себе добрую память, потому что за пятьдесят с небольшим лет жизни он успел не так уж и мало: написал свыше двухсот стихотворений и исполнил, быть может, более важную

миссию — будучи учителем сельской школы, заронил семена добра в души тех, с кем свела его жизнь, прежде всего в души своих воспитанников — крестьянских детей.

Как и любому поэту, Г.Е. Псальмову хотелось видеть свои произведения напечатанными, однако при его жизни этого не случилось (однотомное издание было осуществлено в 1914 году¹). Некоторые стихотворения он отправлял в газету «Северо-Западное Слово», но довелось ли Псальмову увидеть их на страницах издания, неизвестно. Например, написанное в сентябре 1900 года стихотворение «Жене» было опубликовано газетой только в декабре, через два с половиной месяца после смерти поэта, с примечанием, что по некоторым причинам «домашнего характера» напечатать его ранее не представилось возможности²:

*Не плачь, дорогая, и горем своим
Мою наболевшую душу не мучь;
Мы в вечной разлуке с тобой сохраним
Любви неизменный, негаснущий луч.*

*Оставь мое тело во власти недуга,
Теперь мне уж поздно чем-либо помочь;
Крепись же, моя дорогая подруга,
Без сна ты проводишь которую ночь?*

8 сентября, 1900 г. д. Андроновка

Жена поэта Надежда Вячеславовна Псальмова старательно, с великим тщанием и (не побоимся высокопарности) любовью переписывала в отдельную тетрадь творения мужа. Помимо приведенного выше, ей посвящен еще ряд стихотворений, в которых, обращаясь к ней, поэт называет ее *другом бесценным, другом милым, подругой милой, страдальцей: Тебе, тебе, мой друг бесценный, / Глубоко любящей людей, / И в подвиге добра смиренной, / И кроткой в бурях жизни сей, / Имея слабое искусство / Вложить дар музыки в стройный стих, / Я посвятил святыя чувства / И лучший плод трудов моих...* («Жене» (С. 92)); *Друзей двусмысленные взгляды / Встречая, пылкою душой / Волнуюсь — и искать отрады / Иду к тебе, друг милый мой. / Врага ль язвительное слово, / Насмешку ль слышу, скорбь тая, / К тебе я поспеваю снова, / Подруга милая моя...* («К Н. П... вой» (С. 105)); *Страдальца, как много горя / В бездольной жизни ты несла, / И горьких слез какое море / Ты безнадежно пролила!* («Н.В.П.» (С. 139)).

1 Ссылки на тексты Псальмова приводятся по следующему изданию: Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. В тексте статьи после стихотворных цитат в круглых скобках указываются номера страниц.

2 Северо-Западное Слово. 1900. № 748. 17 декабря.

В текстах стихов, вошедших в однотомное издание, важное место занимают обращения, которых насчитывается 189 в 96 произведениях из 201, то есть примерно 48% стихотворений содержат обращения. Особенности их функционирования, структуры, а также введения в отдельные поэтические тексты являются предметом нашего рассмотрения.

Согласно русской синтаксической традиции, обращение не является членом предложения: оно только называет того, к кому апеллирует говорящий. Но в поэтической речи эта первичная функция обращения, апеллятивная, как правило, реализуется редко¹. В такой функции выступают, например, обращения в стихотворениях «Монолог селянина»: *Ваня, встань и поди/ Лошадей приведи/ С поля! Живо, что ль! На вот уздечку* (С. 32); и «Совет сироте»: *Что ты, Ваня, все грустишь?* (С. 33).

Особую, звательную, функцию выполняют обращения в духовных стихах поэта (некоторые из них и употребляются в звательной форме²: *Боже, Христе, Владыко*). Нами отмечено 24 таких обращения. Их максимальная концентрация, например, в «Повседневной молитве» играет текстообразующую роль, ср.:

Отец, и Сын, и Дух Святой,
Единый Боже! Пред тобой,
Коленопреклонен, стою...
И славу вечную Твою
Пою, хваля, благодаря
Тебя, Небесного Царя,
Миров невидимых Творца
И твари видимой Отца,
Молясь души во глубине:
Будь, Боже, милостив ко мне!
<...>

О, Искупитель мой Христе,
За всех проливший на кресте
Свою Божественную кровь!
О, бесконечная Любовь!
Спаси меня... Я хил и слаб,
Я раб страстей, невольный раб.
И прах, и пепел я земной,
Но все Тебе, Спаситель мой,
Желаю искренно служить
И для Тебя на свете жить,
В чем мне препятствуют враги:

1 Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. С. 164-166.

2 Русский язык: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. С. 86.

*Мне победить их помоги!..
Владыко всех! Храни Царя,
Его Державе покори
Врагов завистливую рать!
Дай силу их смирить, попрасть,
И Царский Дом на долги дни
Спасай, и милуй, и храни!
<...>
Помилуй, Господи, родных,
Моих друзей, врагов моих!
Заблудших в вере охраняи
И всех помилуй и прости! <...> (С.190-191).*

В изобразительной функции выступают у Псалмова обращения к не-лицам¹, прежде всего к природным явлениям: *весна, весна золотая, осень, осенние березы, ветер с полудня, солнце красное, светлая зорюшка, звездочка зеленая*; к тому, что связано с крестьянским трудом: *нивка, полоска родная, трава подкошенная, рожь высокая*; к абстрактным понятиям, дающим представление о настроении лирического героя в разных жизненных ситуациях: *воля твердая, душа, сердца звуки, сердце бедное, жизнь постылая, жизнь горемычная, жизнь мятежная, доля суровая, смерть, смерть желанная, юность, юность милая, старость хилая, горе, забота, унынье с тоскою, дума черная, миг счастливый*; к реально существующим объектам: *господний дом, верный пистолет, кольцо обручальное*.

Среди вышеперечисленных останавливают внимание такие обращения-олицетворения, как *весна* и *юность*: *Что за чудный день! Здравствуй, весна!* («Вешний день» (С. 38)); *Пора любви и вдохновенья/ И всей природы обновленья,/ Пора надежд и сладких дум,/ Весна! Зачем твой светлый шум/ Меня, как прежде, не пленяет/ И грудь мою не наполняет/ Волненьем радости живой?* («Весенний мотив» (С. 40)); *Ты, весна золотая, отрадой живою/ Освежи мою грудь. Я горю, как в огне* («Горькие думы» (С. 56)); *Уж не ты ли, весна золотая,/ Вновь пришла с ароматом цветов/ И ночами волшебного мая/ Мне повеяла чарами снов?* («У портрета» (С. 111)); *Что ты в память мне оставила,/ Юность бедная моя! <...> Ах, ты, юность, юность милая, / Ты куда, зачем ушла?* («Юность» (С. 44-45)); *Юность, золотое время!/ Мне тебя уж не вернуть...* («Юность, золотое время!» (С. 60)); *Что ты в память мне оставила,/ Юность, юность отдаленная?* («Раскаянье» (С. 214)). Каждое из названных обращений четыре раза упомянуто Псалмовым. Обращение *весна* дважды сопровождается эпитетом *золотая*. У обращения *юность* эпитетов больше, она *милая, отдаленная, бедная*, и поэт также считает эту пору *золотым временем*, но, к сожалению, безвозвратным, о чем свидетельствуют контактные повторы, сопровождающиеся междометием *ах* и прилагательным *отдаленная*; эпитет *золотое (время)* от-

1 Прияткина А.Ф. Русский язык... С. 167.

носятся к обособленному приложению в постпозиции. При обращении *весна* обособленное приложение находится в препозиции, оно включает повтор и ряды однородных членов – вся конструкция, построенная таким образом, дает представление о начале (препозиция) природного цикла, его повторяемости (анафора) и бесконечности (ряды однородных членов). Золотая пора юности человека невозвратима – золотая пора юности природы повторяется вновь и вновь.

Изобразительную функцию выполняют также риторические обращения¹. Это и обращения к российскому царю и его семье как символам единства и благополучия страны: *Царь царей и всех Спаситель,/ Русь родную сохрани – / Да наш Царь и Повелитель/ Царствует на многи дни!* («На Восшествие на престол Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича» (С. 183)); *И шумит волна привета,/ Голос радостных сердец:/ «Многа лета! Многа лета! Православный Царь-Отец!/ Твой престол да озарится/ Светом славы! Здравствуй, Царь!/ Здравствуй, Матушка Царица!/ И Наследник Государь/ Со всем Царствующим Домом!..»* («На Коронование Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича» (С.184-185)).

Это и обращения к пахарю, тоже своеобразному символу крестьянской России, непосильным трудом добывающему свой хлеб: *Бог помочь, труженник смиренный!* («Пахарю» (С. 25)); *Отраднo мне за пашней в поле.../ Здесь на просторе и на воле/ И солнышко меня пригреет,/ И ветерок слегка обвеет,/ Волнуя морем нивы хлеба,/ А высоко в лазури неба/ Певуны-пташечки парят,/ «Бог помочь, пахарь!» – говорят.../ И сердце чувствует: надо мною/ Незримо с песней неземною/ Летают ангелы святые,/ Кропя цветочки золотые/ Алмазно-чистой росой,/ И над моею полосой/ С благоговением парят,/ «Бог помочь, пахарь!» – говорят* («За пашней» (С. 28)); *Эх, трудна твоя долюшка крестная,/ Бедный пахарь, мой присный собрат;/ Как убога-черна хата тесная,/ Сколько в ней полусытых ребят!* («Моему собрату» (С. 46)).

Это и возвышенно-благодарные обращения к духовным наставникам, помощникам в преодолении жизненных невзгод: *Преосвященнейший Владыко! <...> Но, Архипастырь и Отец!/ Пред Вами не лукавый льстец./ Нет, убажжаемый Святитель,/ Я – самый искренний проситель/ И Вашей паствы верный сын,/ По званию бедный селянин...* («Преосвящ. Н. Еп. С...му» (С. 179-181)); *Владыко наш Преосвященный!* («Ему же» (С. 182)); *Во все подробности вникая,/ Душе душою говоря,/ Изгибы сердца понимая,/ Святой любовью горя,/ Отец, меня Вы обласкали* («Ему же» (С. 182)); *Как светлый ангел-утешитель,/ Сегодня рано поутру,/ Престола Божьего служитель,/ Предстал ты моему одру!* («Духовнику о. Захарииу З.» (С. 88)); *Примите ж, пастырь незабвенный, /Как выраженье чувств моих,/ В залог любви моей смиренной/ Из сердца вылившийся стих* («О. З.И. З...кому» (С. 171)).

¹ Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика: учебный словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 294.

Осмысление Псалмовым роли поэта проявляется в риторических обращениях из стихотворения «Поэту»:

*О, музы жрец! в уединенье,
В часы восторга вдохновенья,
Забыв усталость и покой,
Взволнован счастьем иль тоской,
Бряцаешь ты на вещей лире,
Когда душой в волшебном мире
Святой поэзии паришь
И песни дивные творишь...
Но свет в земных заботах дремлет,
И, равнодушный, он не внемлет
Ни звука лиры золотой,
Ни сладкозвучный голос твой,
Могучий, вещий, вдохновенный...
Но, музы раб и жрец священный,
Наперсник славы, мой собрат,
Вещай... Потомки оценят
Тебя; поймут твой славный гений,
И красоту твоих творений,
И прелесть дивную в стихах;
Они на твой истлевший прах
Поставят, денег не жалея,
Колосс чугунный мавзолея;
К нему проложат торный след,
Отыщут пыльный твой портрет
И уберут его цветами,
И восхищения устами
Воскликнут: «Как он дивно пел!»
И в честь твою немало дел,
Любимых светом, совершится.
Обедов много состоится,
На них вино польют рекой
Души твоей за упокой.
«Слова» и тосты раздадутся,
Аккорды дивные польются... —
Лишь об одном забудет свет,
Что мертвому в том пользы нет. (С. 173)*

Риторических обращений в поэзии Г.Е. Псалмова, по нашим подсчетам, 25. Среди них, например, в стихотворении, осуждающем пороки, царящие в мире, звучит обращение-призыв: *Стыдись, просвещенный народ!* («Раздумье»

(С. 59)). По-особому вдохновенны пасхальные обращения: *О люди, братья и друзья,/ Возлюбленный Израиль новый!/ Бесценной кровию Христовой/ Все мы равно искуплены,/ Его наследники-сыны* («На Пасху» (С. 198)). Горестно-торжественно предсмертное обращение к остающимся в живых: *Друзья-враги, пришла пора/ Мне ваши презирать гоненья!* («Моим знакомым» (С. 88)).

Отметим также оценочно-характеризующую функцию¹ обращений в анализируемых произведениях. Так, в стихотворении «Совет сироте» (С. 33-35) трижды повторяющееся обращение *дядя* со стороны молодого человека содержит оттенок почтительности к старшему по возрасту соседу. Раздражение сестры стремлением младшего брата к учению звучит в обращениях *бездельник, дурак* («Из прошлого (картинка)» (С. 80-81)). Сочувственно-участливым отношением к адресатам – людям, птицам, животным – проникнуты следующие обращения: а) *матушка* («Из прошлого (картинка)» (С. 80)); «Просьба дочери» (С. 145), *моя р дная* («Песня сироты» (С. 50)); «На могиле матери» (С. 175), *скорбящая мать* («Скорбящей матери» (С. 140), *сирота* («Песня сироты» (С. 68), *красотка, красотка молодая* («Кукушка» (С. 52-53), *дети* («На жизненный путь» (С. 172), *ребятки, друзья мои* («После экзамена» (С. 78-79), *любимый настыр* («При раскопках Покровского храма» (С. 87), *страдалец жалкий* («Весною» (С. 76), *дружок* («Клубок жизни» (С. 167), *брат милый, мой брат желанный* («На могиле брата» (С. 176-177), *о друг незабвенный* («Эпитафия» (С. 178); б) *пташечки, милые, птички, птички вольные, птички голосистые* («Песня» (С. 45), *кукушка-горемыка* («Кукушка» (С.51), *крошка, мой чижик милый* («Что, мой чижик милый, скучен?» (С. 47), *соловейко голосистый* («Песня» (С. 98); в) *голубчик, милый, пахарь мой вороной, мой дружок, мой друг* («Пахарь» (С. 35-37)).

Универсальны в поэзии Псальмова обращения, включающие существительные *друг, брат*, местоимение *мой*, прилагательное *милый*, поскольку они относятся и к людям (родным, друзьям, близким, мужчинам и женщинам), и к птицам, и к животным, а также к жизненным периодам (юности) и даже природным объектам (месяцу как планете), ср.: *Милый друг, я молюсь за тебя,/ За твою неземную красу* («Милый друг, я молюсь за тебя...» (С. 94)); *Полетите ж, пташечки,/ На кладбище зорькою,/ Сядьте на могилочку,/ Где зарыли горькую/ Мать мою родимую,/ Отгоните, милые,/ Червяка ужасного...* («Песня» (С. 45)); *Гордое солнце, склонясь на закат,/ Молвило месяцу: «Милый мой брат,/ О, для чего суждено мне все дни/ Видеть на свете пороки одни?»* («Солнце и месяц» (С. 78)).

Как можно убедиться из вышесказанного, в поэтической речи обращения сами по себе выступают в качестве выразительного средства, однако дополнительную экспрессию им сообщают повторы, частицы, междометия, ср.: *Птички, птички вольные,/ Птички голосистые,/ Как мне ваши по сердцу/ Трели серебристые!* («Песня» (С. 45); *Ну, голубчик, наши* («Пахарь» (С. 36); *Ах, ты, светлая/ Моя зорюшка,/ Темной тучею/ Ты покрылася* («Песня» (С. 102); *На-*

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1979. С. 341.

ставь меня на путь спасенья, / *О Матерь Господа Христа* («На спасения стези» (С. 193)).

Если говорить о стилистической окраске обращений в поэзии Г.Е. Псальмова, то преобладают, безусловно, связанные с народно-поэтической традицией, значительно меньше обращений книжных, которые встречаются в духовных стихах и стихах-посвящениях, единичны обращения разговорные.

По приведенным выше примерам в какой-то степени уже можно судить о структуре псальмовских обращений. Рассмотрим ее (структуру) детальнее.

В анализируемых поэтических текстах больше всего распространенных обращений (46%), например: *Бог помочь, труженик смиренный./ Всегда трудами изнуренный./ В нужде и в вечной горькой доле/ Ты все же счастлив поневоле./ Ты крепок силами души./ Паши!..* («Пахарю» (С. 25); «*Полно есть-то! Пора./ Пахарь мой вороной./ Ехать нам со двора/ На простор полевой*» («Пахарь» (С. 35)). Формируют распространенные обращения у Псальмова в основной массе простые словосочетания, ср.: *труженик смиренный, мой друг, мой дружок, друзья мои, милый мой, моя родная, мои милые, красотка молодая, моя головушка, осенние березы, полоска родная, просвещенный народ, юность милая, старость хилая, страдальца бедная, страдалец жалкий, Преосвященнейший Владыко, несчастный грешник, господний дом, любимый пастырь, храм святой и др.* Более сложные по структуре словосочетания-обращения состоят из трех словоформ, одной из которых является притяжательное местоимение «мой», например: *милый мой брат, светлая моя зорюшка, мой верный пистолет, пахарь мой вороной, мой чижик милый, мой друг бесценный, друг милый мой, подруга милая моя, юность бедная моя, смерть желанная моя и др.* В приведенных словосочетаниях основной связью является согласование — подобные обращения свойственны народно-поэтической традиции.

Небольшая часть обращений в качестве распространителей имеет существительные либо словосочетания существительных с прилагательными, и в них устанавливается связь управление или управление с согласованием, что характерно для книжной традиции, ср.: *музы жрец, скорбные душой, сердца звуки, враг мира, престола Божьего служитель, пленница мнений людских, мир пленительных грез.*

Особый пласт создают осложненные обращения¹ (их в анализируемых стихотворениях 23%), структурно-семантическая связь которых с конструкциями, куда они входят, настолько сильна, что без этих обращений смысловые лакуны в стихах были бы неизбежны. Осложняющими элементами в обращениях выступают:

— обособленные определения: *Улыбнись, душа, счастьем гордая!* («Песня косца» (С. 29); *Связана узами слова, / Пленница мнений людских./ Что же мечтаешь ты снова/ О наслажденьях былых?* («Из порванной тетради» (С. 83));

— одиночные приложения: *Эй, кукушка-горемыка, / Что вещаешь ты — скажи-ка —/ Этой песенкой унылой?* («Кукушка» (С. 51); *Что молчишь, вдохновенный певец-соловей?* («Горькие думы» (С. 56));

¹ Прияткина А.Ф. Русский язык... С. 170.

– распространенные приложения: *Юность, золотое время! Мне тебя уж не вернуть...* («Юность, золотое время!» (С. 60); *Эх, трудна твоя долюшка крестная,/ Бедный пахарь, мой присный собрат...* («Моему собрату» (С. 46));

– приложения-однородные члены: *Но, музы раб и жрец священный,/ Наперсник славы, мой собрат,/ Вещай...* («Поэту» (С. 173); *Пора любви и вдохновения/ И всей природы обновленья,/ Пора надежд и сладких дум./ Весна!* («Весенний мотив» (С. 40));

– обращения-однородные члены: Но, *Архипастырь и Отец <...>* («Преосвящ. Н. Еп. С...му» (С. 181); *Жизнь горемычная, доля суровая!* («В ночь непогодную, в ночь непроглядную...» (С. 75));

Особенностью поэтического языка Псальмова является включение в отдельные стихотворения нескольких обращений, от двух до семи (такие произведения составляют 39% анализируемых текстов). Например, в стихотворении «Пахарь» их пять, в стихотворении «Совет сироте» семь обращений, а в небольшой «Песне косца» шесть:

*Встала зорюшка золотистая,
А широкое поле чистое
Далеко кругом расстиляется...
Вот и солнышко поднимается
На небесный свод малахитовый...
Вот из рощицы из ракитовой,
Пташки вольные, перелетные
Шлют мне песенки беззаботные.
Я зарей пришел с косою новою
Косить травушку да шелковую.
Ветерок пахнул мне прохладою,
Труд – надеждою и отрадою.
Улыбнись, душа, счастьем гордая!
Приналяг плечом, воля твердая!
Сыть алмазами, пыль росистая,
На траву-цветы на душистые.
Ну, шуми, коса отточенная!
Высыхай, трава подкошенная!
Поспевай ты, рожь, рожь высокая! –
Не грустна мне жизнь одинокая. (С. 28-29)*

Все обращения в поэзии Псальмова так или иначе участвуют в формировании текстовой структуры произведений. Например, в стихотворении «Совет сироте» (С. 33-35), построенном на диалоге бедного юноши и его старшего зажиточного соседа, реплики персонажей включают обращения их друг к другу: задает вопросы и дает советы сосед, называя юношу то по имени *Ваня*, то фамильярно *братец*, то *мой друг*, то *милый мой*, проявляя показное участие

в его судьбе; юноша почтительно и даже чуть робея называет соседа *дядей*, надеясь на его благосклонность. Но беседа ни к чему не приводит: бедняк не может стать женихом дочери соседа.

В стихотворении «Из прошлого (картинка)» (С. 80-81) обращения содержат исчерпывающую характеристику персонажей: мальчик, жалея больную мать, поздней ночью починяющую ветхую отцовскую одежду, просит ее отдохнуть, обращаясь к ней ласково *матушка*, а старшая сестра, срывая беспричинное зло на брате, называет его *бездельником* и *дураком*, доводя ребенка до слез.

Измученный тяжелой работой крестьянин («Пахарь» (С. 35-37)) разговаривает со своим конем, обращаясь к нему со словами *голубчик, милый, пахарь мой вороной, мой дружок, мой друг*, проявляя неподдельную заботу, участие, ведь они вместе, на равных, добывают свой хлеб.

Отдельные обращения, даже один раз включенные в произведение, сосредотачивают на себе центральную часть сообщения¹, таково, например, обращение *нивка* («Нива бобыля» (С. 26-27)), вводящее образ брошенной земельной полоски, повествующей ниве-собеседнице о горестях, которые обрушились на семью хозяина.

Несколько стихотворений включают обращения-рефрены, на них строится композиция таких произведений, как «За пашней» (С. 28): «*Бог помочь, пахарь!*»; «Осень» (С. 42-43): *Угрюма ты, осень, уныла!*; «Преосвящ. Н. Еп. С... му» (С. 179-181): *Преосвященнейший Владыко!*

Таким образом, анализ функционирования обращений в поэзии Г.Е. Псальмова, особенностей их структуры и введения в отдельные стихотворные тексты позволяет сделать вывод о подлинном таланте смоленского поэта-самоучки и о перспективности исследования его творческой манеры.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС В ЛИРИКЕ ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА

Уже при первом беглом знакомстве с творчеством поэта-самоучки из глухой смоленской деревни Гервасия Ефремовича Псальмова обращает на себя внимание весьма искусное владение техникой стиха, неожиданное для самодеятельного автора из крестьян. В первую очередь речь идет об использовании приема синтаксического переноса.

В своем понимании синтаксического переноса (enjambement) мы опираемся на определение и описание этой фигуры В.С. Баевским. Синтаксический перенос (СП) возникает при одновременном соблюдении двух условий: когда 1) отсутствует синтаксическая пауза в конце стиха и 2) имеется синтак-

¹ Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика: учебный словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. § 2065.

сическая пауза в середине стиха. Иначе можно сказать: когда синтаксическая пауза с конца стиха переносится на середину данного или последующего стиха¹.

Например:

*Опахни мне грудь кипучую,
Осуши слезу горючую!*² (С. 43)

Здесь синтаксическое и метрическое членение стихотворной речи совпадают. В конце первого стиха имеется синтаксическая пауза, разделяющая однородные сказуемые. Там имеется и метрическая пауза, потому что кончается стих. Показателями этой паузы являются окончание стихотворной строки, заглавная буква (не вызванная требованиями правописания) в начале следующей строки и рифма. Оба стиха не разорваны синтаксической паузой, так что синтаксическое членение ни в чем не противоречит метрическому.

*Первый солнечный луч животворно упал
На земной необъятный простор <...>* (С. 45)

Синтаксическое и метрическое членение стихотворной речи не совпадают, но и не противоречат одно другому: в конце первого стиха синтаксической паузы нет, однако нет ее и посередине этого или следующего стиха.

Подобно другим риторическим фигурам, СП представляет собой некоторое насилие над строго рациональной речью; целями этого насилия являются остраннение текста и повышение экспрессивности речи.

Для изучения СП мы, вслед за В.С. Баевским, используем французскую классификацию, согласно которой различают три типа СП: *rejet*, *contre-rejet* и *rejet-contre-rejet*. Введем соответствующие им русские термины *режэ*, *контррежэ* и *режэ-контррежэ* (соответственно Р, КР, РКР)³.

Пример Р:

*Повеяло влагой душистой
Из рощи. Луны золотистой <...>* (С. 23)

1 Баевский В.С., Новикова М.С., Романова И.В. Синтаксический перенос (*enjambement*) от Шекспира до Бродского. Онтологический аргумент и статистические модели // Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл / Под ред. А.В. Прохорова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянских культур, 2009. (*Studia poetica*). С. 218.

2 Ссылки на тексты Псалмова приводятся по следующему изданию: Псалмов Гервасий. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. 160 с. В тексте после стихотворных цитат в круглых скобках указываются номера страниц.

3 Баевский В.С., Новикова М.С., Романова И.В. Синтаксический перенос (*enjambement*)... . С. 219.

В первом стихе синтаксической паузы нет; в конце первого стиха синтаксической паузы нет тоже; зато есть синтаксическая пауза во втором стихе.

Пример КР:

*Мне жаль ее. С восходом дня
Проснусь я завтра очень рано <...> (С. 57)*

В первом стихе синтаксическая пауза есть, в конце первого стиха синтаксической паузы нет и во втором стихе синтаксической паузы тоже нет. Конструкция противоположна предыдущей.

Пример РКР:

*Из роиц. Луны золотистой
Сиянье встает. Снят цветы (С. 23)*

В первом стихе синтаксическая пауза есть, во втором тоже, а в конце первого стиха синтаксической паузы нет.

Материалом настоящего исследования стала лирика Гервасия Псальмова, вошедшая в состав собрания сочинений, вышедшего в 1914 году в Великих Луках, а также учитывались рукописные варианты некоторых стихотворений из тетради Псальмова, хранящейся в архиве¹.

Характер использования Псальмовым разных типов СП отражен в следующей таблице:

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС В ЛИРИКЕ Г.Е. ПСАЛЬМОВА

Всего стихов	Всего СП	% СП	Р	%	КР	%	РКР	%
3313	342	10	127	37	150	44	65	19

Весь исследованный нами материал включает 3313 стихов. На них приходится 342 СП, что составляет 10 % от общего количества стихов.

Мы располагаем данными, отражающими характер использования СП разными поэтами: Шекспиром, Гете, Пушкиным, Кольцовым, Хлебниковым, Ахматовой, Цветаевой, Пастернаком, Бродским².

¹ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

² Баевский В.С., Новикова М.С., Романова И.В. Синтаксический перенос (enjambement)... С. 224-225.

**СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС
В РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИРИКЕ**

ПОЭТЫ	Р	%	КР	%	РКР	%	Всего ст.	Всего СП	% СП
Шекспир «Гамлет»	42	35.6	48	40.7	28	23.7	566	118	20.8
Пастернак пер.	30	28.6	35	33.3	40	38.1	560	105	18.7
Гете «Фауст» I	13	31.7	22	53.7	6	14.6	194	41	21.1
Пастернак пер. I	31	35.2	48	54.5	9	10.2	194	88	45.3
Гете «Фауст» II	1	6.2	14	87.5	1	6.2	520	16	3.1
Пастернак пер. II	13	30.9	22	52.4	7	16.7	520	42	8.0
Пушкин 1813 – 1815	62	23.3	169	63.5	35	13.1	3831	266	7.0
Пушкин «Евгений Онегин»	194	25.1	426	55.1	153	19.8	5584	773	13.8
Пушкин 1823-1830	180	24.6	403	55.2	147	20.1	5273	730	13.8
Кольцов Собр. соч.	91	21.7	282	67.3	46	11.0	5043	419	8.3
Псалмов	127	37.4	150	44.1	65	19.0	3313	342	10.3
Хлебников «Творения»	17	32.7	22	42.3	13	25.0	765	52	6.8
Ахматова «Вечер»	13	29.5	23	52.3	8	18.2	721	44	6.1
Цветаева «Вечерний альбом»	80	34.8	114	49.6	36	15.6	2260	230	10.2
Цветаева «Версты»	68	34.9	82	42.0	45	23.1	1525	195	12.8
Цветаева «Ремесло»	128	41.7	104	33.9	75	24.4	2518	307	12.2
Цветаева «После России»	217	29.4	178	24.2	342	46.4	3279	737	22.5

Пастернак «Близнец в тучах»	11	23.9	27	58.7	8	17.4	465	46	9.9
Пастернак «Сестра моя жизнь»	62	26.5	104	44.4	68	29.0	1345	234	17.4
Пастернак 1950-е гг.	57	36.3	80	50.9	20	12.7	1330	157	11.8
Бродский 1970-е гг.	475	27.6	500	29.1	745	43.3	5767	1720	29.8
ИТОГО:	1694	29.1	2421	46.0	1792	24.9	37217	5901	15.9

Во всем нашем материале средняя частота употребления СП приблизительно 16 % от общего числа стихов. Псалмов со своими 10 % не достигает этого уровня. Однако ниже среднего показателя оказывается также частота обращения к СП в творчестве Пушкина, Кольцова, Хлебникова и Ахматовой. Шекспир, Гете, Пастернак, Цветаева, Бродский, напротив, превышают этот средний уровень. Этот факт нельзя оценивать по шкале *лучше/хуже*, а следует воспринимать как одну из черт, составляющую – наряду с другими – своеобразие стиля поэта.

При более детальном рассмотрении можно заключить, что ближе всего к среднему показателю СП у Псалмова оказывается ранняя книга Цветаевой «Вечерний альбом», ранняя книга Пастернака «Близнец в тучах».

Существенно ниже показателя Псалмова процент СП у Ахматовой и Хлебникова, у Пушкина в творчестве лицейского периода, у Кольцова (Гете с его второй частью «Фауста» и перевод соответствующей части Пастернака мы в расчет в данном случае не берем).

Обширный материал по разным поэтам свидетельствует о том, что приемом СП поэты обычно овладевают в зрелом творчестве. С Псалмовым этого не произошло. Он демонстрирует владение СП в равной мере на протяжении всего своего творчества. Это говорит не только о несомненном таланте и вкусе самодеятельного поэта, но и о его начитанности. СП нетипичен для фольклорной поэзии, являясь признаком поэзии книжной. Заметим, что Кольцов в своих многочисленных стилизациях и подражаниях народным песням использует СП крайне редко, оставляя для него область различных книжных форм в духе Дмитриева, Жуковского, Пушкина, а также многочисленных дум, выполнявших у него роль своеобразной философской лирики. Псалмов использует СП в подражаниях народным песням. Это усложняет интонационный строй стихотворений и сближает народную традицию с книжной:

***Я зарей пришел с косой новою
Косить травушку, да шелковую (С. 30)***

*Отгоните, милые,
Червяка ужасного,
Чтобы тело хилое,
Кости наболевшия,
**Очи многослезныя,
Не точил бы...** Пусть она
Спит, моя болезная,
Под навесом тополя
Ярко изумрудного,
С миром дожидается
Дня Христова Суднаго! (С. 46)*

*Не про нас, знать, **спеется**
Счастье заповедное! (С. 29)*

Псалмов настолько уверенно овладевает приемом СП, что он становится органичной частью его поэтической речи и встречается даже в стихотворениях, написанных на смертном одре, когда поэт был в меньшей степени озабочен звучанием стиха. Тем не менее СП в последних стихотворениях создают дополнительный психологизм и взволнованность интонации в выражении христианского сознания:

ПРИ РАСКОПКАХ ПОКРОВСКОГО ХРАМА¹

*Разобран храм!.. Его мне жаль.
Скорблю, сдержаться не умея...
Увижу новый я едва ль:
В лампаде жизни нет еля!*

*Господний дом! **Ребенком я
В тебе молился,** а как вырос,
От всех печалей бытия
Приютом был твой ветхий клирос.*

*Мне были дороги всегда
О красоте твои заботы,
Как я доволен был, **когда
Я понял «тон» церковной ноты...***

*Я ликовал, **когда постиг
Искусство вычурным узором**
На потолке священный стих
Украсить под твоим надзором,*

¹ Вместо этого храма в селе Васильевском позже был построен новый каменный, у стены которого находилась могила Г.Е. Псалмова. Ныне нет ни храма, ни могилы.

*Любимый пастырь! И порой
Я рисовал под трафаретом
Твои карнизы, храм святой
И как я счастлив был при этом!*

*Когда ж под твой убогий кров
Я ввел любви моей святыню,
Ты звуками Христовых слов
Изрек нам мир и благодатьню!*

*Я мнил, что прах холодный мой
Твоих лампад осветят блики
И на безмолвный мой покой
Твоих икон святыи лики*

*Очами кроткими воззрят...
Увы!.. тяжелая картина:
На этих лип угрюмый ряд
Теперь глядит твоя руина...*

1 сент. 1900 г. (С. 152-153)

Псалмов нечасто начинает или завершает стихотворение СП. Маркированные позиции текста – его начало и конец – тяготеют у него к синтаксической и интонационной устойчивости.

Изучение СП на большом литературном материале позволило выявить общие устойчивые закономерности.

1. Естественная частота форм СП следующая: больше всего КР, меньше Р, еще меньше РКР.

2. Интенсивность СП в данном типе стихотворной речи поэта (эпическом, драматическом, лирическом декламативном, лирическом напевном, лирическом говорном) есть органически присущее ей в данный период свойство и мало зависит от жанра¹.

Закономерность, согласно которой чаще всего в поэзии встречается КР, реже Р, еще реже РКР, объясняется тем, что конструкция КР в большей степени «реализует свойства симметрии, четности и квадратности (удвоенной четности), заложенные в основание стихотворной (как и музыкальной) речи»². Тип СП, расстановка синтаксических и интонационных пауз связаны и с особенностями дыхания, затрудненного в более редких типах СП. Кроме того, чем реже определенный тип СП встречается в тексте, тем сильнее он наруша-
1 Баевский В.С., Новикова М.С., Романова И.В. Синтаксический перенос (enjambement)... С. 222.

2 Баевский В.С. Типология стиха русской лирической поэзии: дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1975. С. 46-48.

ет строго рациональный синтаксис. КР, как наиболее частотная конструкция, оформляет менее сложные смыслы, чем Р и, тем более, РКР – форма высоко эмоциональная, сильно остранныющая текст.

Преобладание у Псальмова КР (44 % от общего количества СП в его стихотворениях), второе по численности положение Р и третье – РКР оставляет его в целом в рамках общей тенденции. Однако следует обратить внимание на достаточно высокий процент Р у Псальмова – 37 %. Этот показатель значительно превышает соответствующий у Кольцова и Пушкина разных периодов творчества, сближая Псальмова с последователями авангардной линии в поэзии Цветаевой и Пастернаком (периода 1950-х годов). Совершенно замечателен тот факт, что самую сложную и оттого самую редкую форму СП РКР Псальмов употребляет почти в два раза чаще Кольцова и почти в полтора раза чаще раннего Пушкина, сближаясь по показателям пристрастия к этой сложной конструкции со зрелым Пушкиным, Ахматовой и ранним Пастернаком.

Являясь нарушителем рационального синтаксиса, средством выведения его из автоматизма восприятия, СП задерживает на себе внимание читателя, акцентируя тем самым темы, попадающие в рамки СП. СП у Псальмова чаще всего (в 31 % случаев) выделяет темы, связанные с внутренним миром человека (чаще – лирического героя): эмоциональная сфера, интимные переживания, психологические состояния, мыслительные процессы и т.п.:

Обратно еду я. Дорогой
Надежда счастья и тоска
В душе сменяются тревогой... (С. 26)

И надежда на счастье с тобой
Исчезала, как призрак ночной. (С. 24)

Нет, ты все забыла
И, как капризное дитя
Игрушку, сердце мне разбила
И равнодушно, и шутя. (С. 27)¹

Следующими по численности идут ‘социальная тематическая сфера’ и ‘сфера христианского сознания’ (соответственно 21 % и 20 %). Социальная сфера включает вопросы деления на социальные сообщества, вопросы словесные (прежде всего у Псальмова представлена жизнь крестьянина во всем ее многообразии), рода деятельности, вопросы общественных и межличностных отношений и т.п.

¹ Разными типами выделения (курсив, жирный шрифт, подчеркивание) здесь и далее отделяются друг от друга разные типы синтаксических переносов.

*С правом пользоваться льготою
В службе воинской – с охотою
Удаляюсь. До свидания! (С. 37)*

*Стыд!.. но чем же иным
Нам средь вечного гнета забыться? (С. 36)*

*Покинуть мать, семью родную,
Расстаться с родиной-Москвой
Легко ли?... Жизнь узнать иную
В среде селян, в среде простой?.. (С. 115)*

Сферу 'христианского сознания' составила религиозная лексика, лексика, отражающая церковную атрибутику и христианские представления о нравственности:

*И твоя ли молитва сердечная
Не слышна ему? Всякий твой вздох
Он приемлет как жертву приятную. (С. 144)*

*Помните все, что о Боге и чести
Вам говорили, внушали не раз
В этом священном излюбленном месте <...> (С. 150)*

*Хоть трудна вашей жизни программа,
Честь и вера вам будут надежный оплот
От падений; лишь твердо на р мо
Положите свой крест... И тогда пусть судьба
Вам откажет в богатстве и славе,
Пусть вас встретит со злобой порока борьба –
Безопасно по жизненной лаве
Вы дойдете до цели высоко-святой,
Что указана вам Провиденьем <...> (С. 111)*

Тематическая группа 'природа' включает всевозможные пейзажные зарисовки:

*Но вот день кончен. **На поляны**
Легли вечерние туманы. (С. 21)*

Колосья вдруг отяжелели
И виснут, тихо дозревая... (С. 20)

*Прохладой веет. Пламень алый
Зари потух. И ты, усталый <...> (С. 21)*

Тема ‘творчество’ подразумевает любые формы творческой деятельности и продукты этой деятельности. У Псальмова доминирует тема песни, метафорически обозначая поэтическое творчество:

*Но кто счастлив, тот нем и глух
На зов несчастного поэта. (С. 91)*

*Но не замолкло вдохновенье
Во мне; в часы уединенья
Мне тайно говорит оно <...> (С. 92)*

*В непогоду, в зловещий шум бури
Пел он песни свои, изнывая
От тоски. О цветах, о лазури
Раздавалась тут песня живая. (С. 74)*

‘Экзистенциальная’ тематика предполагает обращение к темам жизни, смерти, судьбы:

*Он говорит, что каждый час
К могиле приближает нас. (С. 142)*

*Во мраке горьких дней моих
Путеводящею звездю
Она была (С. 154)*

*И мнится, тленья запахом несет
От длинного плаща ея, от гостыи белой... (С. 109)*

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ СФЕРАМ

Внутр. мир	Социальн.	Христианск.	Природа	Творчество	Экзистенц.
31 %	21 %	20 %	14 %	7 %	7 %

В творчестве Псальмова наблюдается следующая эволюция связи СП с семантикой: в раннем творчестве СП выделяет преимущественно социальную и природную темы, в поздний период – экзистенциальную тематическую сферу и сферу христианского сознания. Связь СП с тематической группой

«Внутренний мир человека» остается устойчивой на протяжении всего творческого пути Псальмова.

Работая с текстами Псальмова, мы столкнулись со следующей проблемой: в рукописях поэта-крестьянина пунктуация далека от нормативной. Ситуация несколько меняется в издании Клочковского, однако и там встречаются пунктуационные ошибки. При выявлении СП нам приходится ориентироваться на знаки препинания, которые на письме соответствуют синтаксической паузе. Синтаксическая пауза — это пауза, вызванная объективными требованиями синтаксической конструкции, в отличие от чисто интонационной паузы, вызванной, по мнению читателя, требованиями передачи смысла и/или выражения чувства. Нам встречались случаи, когда СП в тексте объективно есть, но по недосмотру издателей он не оформлен грамотно пунктуационно:

*Если я бедствую — чувства злорадства,
Вместо участия, в ближнем встречаю... (С. 70)¹*

И наоборот, встречаются фрагменты, оформленные как СП, однако синтаксическая конструкция не отвечает требованиям СП. Здесь, главным образом, имеет место авторская пунктуация, отражающая эмоциональный тон:

*И... «до свиданья!» раздается
Вокруг меня и надо мной. (С. 107)²*

*Вошла она... и вдруг смутилась
Перед собранием гостей. (С. 106)³*

*Не образ ли доли моей
Безвыходной — ты начертила? (С. 42)⁴*

*Отыщу клок негодной овчинки —
То подушка моя, а мешок
Одеяло — и лягу свернувшись <...> (С. 81)⁵*

В последнем случае имеет место ошибка: между подлежащим и сказуемым, выраженными существительными «мешок» и «одеяло», должно стоять тире, которое не позволяет рассматривать эту конструкцию как РКР.

¹ Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. 244 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Начало стихотворения в рукописи и сборнике лексически совпадает. Элементарная расстановка необходимых знаков препинания в публикации наглядно выделяет самую сложную и редкую форму СП – РКР, да еще в первых двух стихах, что задает всему тексту сбивчивый, эмоциональный тон.

А вот в следующих двух стихах появление лексического повтора *Зачем, зачем* вместо рукописного *или зачем* порождает в поздней редакции еще один СП – КР. Кажущийся, на первый взгляд, СП в форме Р в рукописи в 5-6 стихах на проверку оказывается ошибочным, так как в конце пятого стиха должна быть синтаксическая пауза. В печатном варианте она обозначена многоточием: *Осыпался покров ваш изумрудный...*

СП в следующих двух стихах переносится из рукописи в сборник с исправлением орфографической ошибки в окончании слова *мертвецов* и незначительной лексической заменой, позволяющей выровнять необходимое количество стоп в стихе (*Сон мертвецов храня лелея => Сон мертвецов так бережно лелея*). При этом РКР, требующее запятой между однородными членами *храня, лелея*, меняется на более простое КР.

В следующих четырех стихах в поздней редакции удачно меняется последний стих (*Что быстро мчит живых к тому же тленью? => Влекущей все живое к тленью?..*), однако СП в обоих случаях нет.

13-14 стихи в рукописи не содержат знаков препинания, хотя здесь нужна запятая между семантически однородными *унылый* и *однообразный*. (*В душе с тоской глубокою внимаю / Унылый ваш однообразный шум*). Объективно здесь имеет место Р. В сборнике необходимая запятая появляется, а кроме того, возникает инверсия и повтор (*Ваш шум однообразный, шум унылый*). К тому же в 13-м стихе появляется деепричастный оборот (*Задумавшись глубоко, я внимаю*), меняющий тип СП с Р на более сложный РКР.

Дальнейшая пара стихов претерпевает незначительные лексические изменения, однако Р сохраняется в обеих редакциях.

В финальных четырех стихах неизменными остаются нечетные, редактируются четные: одна несущественно – просто перестановка слов, меняющая тип рифменного окончания – с мужского на женское; последняя – более ощутимо. *Темная грань сени гробовой* с точкой в конце заменяется *гранью жизни темной, безнадежной* и многоточием. Характеристика грани между жизнью и смертью переносится на жизнь и дополняется еще одним определением. Однородные определения разделяются запятой, так и в финале стихотворения возникает СП типа Р. Он как бы заставляет сделать усилие и продлить на исходе дыхания фразу и вместе с тем как бы мысленно заглянуть за роковую черту.

Подводя итоги, можно заключить, что смоленский поэт-крестьянин Гервасий Псальмов, находясь в целом в русле поэтической традиции, характеризующей синтаксис стихотворной речи, проявляет себя как новатор, интуитивно находя оригинальные решения, адекватные поставленным творческим задачам.

НА ПУТИ К ЧИТАТЕЛЮ: ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД НОВЫМ ИЗДАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ Г.Е. ПСАЛЬМОВА

Если о жизненном пути Псальмова, о его личности и разнообразных дарованиях можно, хотя бы в общих чертах, судить по фактам, изложенным в некрологах, в малочисленных сохранившихся отзывах знавших его людей, то делать какие-либо выводы о его поэзии с чужих слов, конечно, невозможно. К немалому удивлению, оказалось, что у автора, увидевшего в печати, предположительно, лишь несколько своих стихотворений, есть посмертно опубликованная книга. «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова» было издано в 1914 году (поэт уже 14 лет как умер) в Великих Луках Георгием Евгеньевичем Клочковским¹, к тому времени бывшим редактором-издателем «Северо-Западного Слова», где, по имеющимся у нас непроверенным сведениям, было напечатано одно из стихотворений Псальмова буквально накануне его смерти.

История издания этого собрания сочинений нам неизвестна. Какова судьба Клочковского, почему он опубликовал стихотворения через столько лет после смерти автора, откуда у него произведения Псальмова, сохранился ли и где его архив — все эти и многие другие вопросы остаются пока без ответа. Однако существование собрания сочинений превратило поэзию Псальмова из смутного предания в объект научного анализа. Материала для исследования оказалось предостаточно: «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова» включает более двухсот произведений.

Наблюдения, сделанные в ходе исследования, свидетельствуют, что поэзия Псальмова — самобытное художественное явление, хотя те немногие, кто ранее писал о поэте, безоговорочно относят его произведения к так называемой крестьянской поэзии. «В большинстве стихотворений Псальмова искренне и правдиво рисуется крестьянская жизнь его великорусского села, затерянного на обширной равнине среди лесов и болот, с обездоленной и беспросветной жизнью его пахарей»², — читаем в поминальной статье А.И. Яцимирского, вышедшей через год после смерти Псальмова и названной в том же ключе, что и приведенная выше цитата, — «Неизвестный певец народного горя».

Проведенный анализ показал, что сходство произведений Псальмова с произведениями Кольцова, Сурикова, Никитина по большей части внешнее

¹ Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред. Г.Е. Клочковского. Изд. 1-е. Великие Луки, 1914. Все цитаты из стихотворений Псальмова в тексте приводятся по этому изданию.

² Яцимирский А.И. Неизвестный певец народного горя // Русская мысль. М., 1901. Кн. III. С. 138.

(все пишут о деревне, о чувствах «простого» человека). По сути его поэзия, как было сказано первым исследователем жизни и творчества Псальмова иеромонахом Хрисанфом (Шадроновым) в одном из докладов¹, – это явление «невостребованного пути русской литературы», той тенденции, которая всегда существовала в младшей линии литературного процесса, однако так и не вышла в линию старшую. Речь идет о поэзии духовной. Но не в привычных проявлениях – переложение библейских сюжетов, создание стихотворных молитв, духовных од и т.д. Духовная составляющая в поэзии Псальмова напрямую связана с социально-нравственной проблематикой. Воспринимая и воссоздавая мир природы и жизнь человеческую, с ее трудами, радостями и скорбями, поэт стремится отобразить величие Божия замысла. С этой точки зрения осмысляется и гроза, повторяющаяся в один и тот же день два года подряд, и факты русской истории, и сельскохозяйственные работы, и любовь к женщине. Неизменность этой позиции – во всем и на все воля Божия – придает поэтическому миру Псальмова цельность и разумность.

Знакомство с биографией Псальмова и его произведениями, анализ художественных особенностей его поэзии убедил нас в необходимости переиздания сочинений этого неизвестного поэта. Ввод его творческого наследия в широкий читательский и научный обиход позволит пополнить представление о литературной ситуации в России конца 19 века, о способах существования и реализации духовной составляющей русской литературы.

На сегодняшний день подготовка к изданию сочинений Псальмова ведется активно: отобраны тексты стихотворений, определена композиция сборника, написана вступительная статья, ведется розыск архивных материалов. Об одной такой архивной находке следует рассказать подробнее, поскольку она напрямую связана с подготовкой сочинений Псальмова к изданию и с возникшими трудностями.

В фондах РГАЛИ была обнаружена тетрадка с рукописными текстами 18 стихотворений Псальмова: «У Плащаницы», «Чувства в день Пасхи», «Богоматери», «Покаяния отверзи ми двери», «На спасения стези», «Множество лютых», «Ученикам начальной школы», «Нива бобыля», «Кукушка», «Романс», «Песня горя», «На родине», «Весна идет», «Романс», «Голос», «К ней», «За пашней», «На погосте»².

Стихотворения в рукописной тетради пронумерованы, разделов нет, строфы графически не выделяются, строки пишутся от края страницы до края без отступов. В издании Клочковского стихи Псальмова выглядят иначе. Но главное различие между опубликованными и рукописными вариантами текстов заключается не в графическом оформлении. Последовательное сопоставление этих вариантов показало, что стихотворения Псальмова претерпели существенную правку. В некоторых случаях эта правка имеет коррек-

¹ Доклад на тему «Невостребованный путь русской литературы» был прочитан о. Хрисанфом на IX Авраамиевских чтениях (Смоленск, СГУ, 1-2 ноября 2011 года).

² РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

торский характер (например, поставлены недостающие знаки препинания), в других — происходит радикальное редакторское «вторжение»: заменяются слова или словосочетания (с разной степенью уместности, вплоть до искажения первоначального смысла и невразумительности), «перекраивается» текст (изымаются, добавляются, переставляются фрагменты, иногда — объемные, в несколько строк).

В ходе сопоставления рукописного и печатного вариантов стихотворений было установлено несколько десятков расхождений, в результате чего возник ряд вопросов: какой вариант стихотворения следует включать в переиздание? авторская или не авторская правка отражена в изданном собрании сочинений и насколько она должна быть учтена? что делать с опубликованными текстами, в которых очевидно внешнее «неполезное» вмешательство, но какой-либо вариант для сопоставления и проверки отсутствует (напомним, в найденной тетради 18 стихотворений, в издании Ключковского — более 200)?

Чтобы принять решение по вопросу о том, какой из вариантов следует включить в готовящееся Собрание сочинений Псальмова, был проведен интертекстуальный анализ рукописных и печатных вариантов по ряду аспектов: 1) количество стихов, 2) синтаксис и пунктуация, 3) лексика, 4) образы, 5) композиция, 6) стихосложение.

Для иллюстрации того, как велась работа, с чем пришлось столкнуться, остановимся подробно на одном стихотворении — «У Плащаницы». Этим стихотворением открывается тетрадь, найденная в архиве. В издании Ключковского оно не занимает столь выделенное место, поскольку отнесено в глубь книги — в шестой раздел «Духовные стихи», где стоит одиннадцатым, между стихотворениями «Тропарь Богоявления» и «Пасхальная ночь». В рукописи за этим стихотворением также следует стихотворение о Пасхе, но другое — «Чувства в день Пасхи» (заметим, что в издании Ключковского это стихотворение тоже есть, но с иным названием — «На Пасху»).

Устойчивая связь с темой Пасхи, представленной в стихотворениях, в обоих случаях идущих следом за стихотворением «У Плащаницы», принципиальна и вполне объяснима. Плащаница — это богослужебный предмет, а именно «более или менее большой четырехугольный плат из полотняной, шелковой или бархатной материи, с живописными на нем изображениями умершего Христа Спасителя, орудий Его страданий и св. Иосифа и Никодима, погребавших Его, и бывших свидетельниц погребения — Божией Матери и св. жен мироносиц»¹. На Страстной седмице плащаница выносится из алтаря в центр храма и там остается для поклонения верующих до пасхальной полунощницы, после чего возвращается в алтарь и полагается на престол, «где и лежит до отдания Пасхи в ознаменование 40-дневного пребывания Господа на земле по Его воскресении»².

¹ Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2001 (репринтное воспроизведение издания 1900 г.). С. 430.

² Там же. С. 430.

В стихотворении Псалмова «У Плащаницы» запечатлены горькие чувства, охватывающие человека при виде образа изувеченного Христа, лежащего во гробе, а идущие на смену «пасхальные» стихотворения передают радость и восторг воскресения, торжества жизни над смертью:

*Любви божественное море
Покрыло всех. Ни смерть, ни горе,
Ни ада жадные уста,
По Воскресении Христа,
Нам не страшны <...> (С. 198)*

В приведенной ниже таблице представлены рукописный и печатный варианты стихотворения, стихи пронумерованы, расхождения выделены.

ДВЕ РЕДАКЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ Г.Е. ПСАЛМОВА «У ПЛАЩАНИЦЫ»

	В рукописной тетради ¹	В издании Г.Е. Клочковского ²
1.	Вот свершил Ты все страданья	Се , свершил Ты все страданья
2.	За людские злодеянья	За людския злодеянья,
3.	Боже смертию Своей!	Боже, смертию Своей!
4.	Ты в бореньях безутешных	И в бореньях безутешных,
5.	Изнывая за нас грешных	За людей страда я грешных,
6.	И в саду и у судей,	И в саду, и у судей,
7.	На кресте облитый кровью	На кресте, облитый кровью,
8.	Все безмерною любовью	Все ж безмерною любовью
9.	Человека Ты любил;	Человека Ты любил;
10.	Горькой смертью умирая	Горькой смертью умирая,
11.	Ты любовью сгорая	Ты, любовью сгорая,
12.	За врагов своих молил!	За врагов своих молил!..
13.	«Совершилось» искупленье	«Совершилось» искупленье.
14.	И за наши преступления	И за наши преступления

¹ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

² Полное собрание сочинений Г.Е. Псалмова...С. 195-196.

15.	В гробе Бога Сын лежит	В гробе Божий Сын лежит,
16.	Весь израненный избитый	Весь израненный, избитый,
17.	Мертвый кровию облитый	Окровавленный, повитый
18.	Плащаницею обвит!	Плащаницей... Страшный вид!
19.	<i>В рукописи нет</i>	Плачут Ангельские Силы,
20.	<i>В рукописи нет</i>	Здесь в объятиях могилы
21.	<i>В рукописи нет</i>	Видя своего Творца.
22.	<i>В рукописи нет</i>	Солнце дрогнуло, и плачет,
23.	<i>В рукописи нет</i>	И в кромешном мраке прячет
24.	<i>В рукописи нет</i>	Образ светлого лица.
25.	<i>В рукописи нет</i>	В тьме кромешной, непроглядной
26.	<i>В рукописи нет</i>	Гнев Господень беспощадный
27.	<i>В рукописи нет</i>	За страданья Сына мстит:
28.	<i>В рукописи нет</i>	В страшном гнев Саваофа,
29.	<i>В рукописи нет</i>	Вся колеблется Голгофа,
30.	<i>В рукописи нет</i>	Вся вселенная дрожит!
31.	<i>В рукописи нет</i>	Всюду ужас и смятенье...
32.	<i>В рукописи нет</i>	Распадаются каменя,
33.	<i>В рукописи нет</i>	Воскресают и встают
34.	<i>В рукописи нет</i>	Из могил своих святые —
35.	<i>В рукописи нет</i>	И живых сердца простые,
36.	<i>В рукописи нет</i>	Содрогаясь, слезы льют!
37.	Чья душа не содрогнется?	Да и кто не содрогнется?
38.	Кто жестокий не зальется	Кто, жестокий, не зальется
39.	Градом самых жарких слез	Градом горьких , жарких слез
40.	У кого Твои страданья	В ком из нас Твои страданья
41.	Не исторгнут стон рыданья	Не возбудят стон рыданья,
42.	О, Спаситель Наш Христос!	Искупитель наш Христос?
43.	Боже! Горькою слезою	Боже, горькою слезою

44.	Обливаясь, пред Тобою	Обливаясь, пред Тобою
45.	С содроганием стою,	В тайном ужасе стою,
46.	Полный горести , печали	Полный горя и печали:
47.	Ведь мои грехи предали	Ведь мои грехи предали
48.	Страшным мукам плоть Твою	Страшным мукам плоть Твою...
49.	Вечной движимый любовью	Но Ты вечною любовью.
50.	Спас Ты мир Своею кровью,	Спас нас, спас Своею Кровью,
51.	<i>В рукописи нет</i>	Искупил весь мир Крестом,
52.	Всю испив страданий чашу	Всю испив страданий чашу.
53.	Помяни же братью нашу –	Помяни-же братью нашу –
54.	Мертвых в царствии Твоем.	Мертвых в царствии Твоем.
55.	Свет пошли им тьмой объатым	Свет пошли им, тьмой объатым,
56.	И с разбойником распятым	И с разбойником распятым
57.	В кушах рая упокой.	В кушах райских упокой.
58.	Нас же грешных погребенью	Нас-же грешных, погребенью,
59.	Твоему и Воскресенью	Твоему и воскресенью
60.	Поклониться удостой.	Помолиться удостой.

То, что два варианта существенно отличаются друг от друга, бросается в глаза даже при беглом знакомстве: в рукописном варианте – 41 стих, в опубликованном – значительно больше, 60. Между 18 и 19 стихами добавлен развернутый фрагмент из 18 стихов, кроме того, в рукописи отсутствует стих, который в печатном варианте занимает 51 строку. Пропуск этого стиха в рукописном варианте – очевидный недосмотр переписчика: стихотворение написано секстинами с характерной для этой строфы рифмовкой ААвССб¹, этой схеме соответствует печатный вариант (*любовью – Кровью – Крестом – чашу – нашу – Твоем*), тогда как в рукописном из-за отсутствия строки (*Иску-*

¹ Секстины обычно пишутся ямбом пяти- или шестистопным. У Псалмова – хорей 4-стопный. Такая хорейская секстина есть, например, у Пушкина:

*Рифма — звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела,
Ах, ужель ты отлетела,
Изменила навсегда?*

нил весь мир Крестом) стих *Мертвых в царствии Твоем* превращается в немотивированно холостой.

Обратимся к 18-строчному фрагменту, появившемуся в опубликованном варианте.

*Плачут Ангельские Силы,
Здесь в объятиях могилы
Видя своего Творца.
Солнце дрогнуло, и плачет,
И в кромешном мраке прячет
Образ светлого лица.
В тьме кромешной, непроглядной
Гнев Господень беспощадный
За страданья Сына мстит:
В страшном гневе Саваофа,
Вся колеблется Голгофа,
Вся вселенная дрожит!
Всюду ужас и смятенье...
Распадаются камни,
Воскресают и встают
Из могил своих святые —
И живых сердца простые,
Содрогаясь, слезы льют!* (С. 195)

Появившийся в печатном варианте фрагмент — едва ли не самый поэтический в стихотворении. Здесь говорится о всеобъемлющей скорби (смерть Христа оплакивают люди, ангелы, земля, небесные светила), о гневе Бога-отца, потрясенного страданиями, причиненными родом человеческим Сыну, о предзнаменовании неминуемого воскресения (см.: Мф. 27,50 — 53).

Добавленные строки не только соответствуют общему содержанию стихотворения, но позволяют автору создать более масштабную картину. Напомним сказанное ранее: плащаница — это своего рода икона снятого с креста Христа. После того, как ее выносят из алтаря и помещают в центре храма, священник обращается к пастве со словом, объясняющим смысл произошедшего события — распятия. Основной пафос этого обращения — побуждение к сопереживанию. В этот момент происходит «переключение» от созерцания материального изображения (плащаницы) к сопереживанию самого события: Христос умирает в муках, ангелы плачут, земля сотрясается, Господь гневается. Акцент смещается с «означающего» на «означаемое»: с изображения события на подлинное событие. Благодаря добавленному фрагменту существенно возрастает первоначальный смысловый объем стихотворения: индивидуально чувственное созерцание плащаницы и рожденные этим созерцанием скорбные размышления перерастают в непосредственное и всеобщее переживание горя и ужаса.

Столь массивное и мотивированное изменение текста заставляет предположить не столько наличие поэтически одаренного редактора, вписывающего целые фрагменты в чужой текст, сколько наличие неизвестного нам рукописного авторского варианта.

Поскольку проведенный анализ показал, что в печать попала значительно переработанная в лучшую сторону редакция стихотворения «У плащаницы», казалось бы, при переиздании сочинений Псальмова можно смело ориентироваться на издание Клочковского.

Однако сопоставление всех выявленных расхождений в тексте стихотворений из найденной в архиве тетради с текстом этих же стихотворений, вошедших в Собрание сочинений, подготовленное Клочковским, вынуждает отказаться от однозначного принятия опубликованных текстов как безусловно лучших.

Последовательно проведенный интертекстуальный анализ рукописного и печатного вариантов привел к следующим выводам.

1. Наблюдается большое количество «равноценных» по качеству замен. Например, в стихотворении «Богоматери» выражение *Со слезами молюся Тебе...* заменено идентичным по смыслу *Сокрушенно молюся Тебе...*

В стихотворении из рукописной тетради «Песня горя», которое вошло в собрание сочинений под названием «Тоже жизнь», произведена такая замена: было *После тучи опять / Будет солнце сиять <...>*, стало *После бури опять / Будет солнце сиять...*

Архаичное выражение *перси девы милой* в стихотворении «Кукушка» в печатном варианте заменено столь же архаичным *ланиты девы милой*.

Иногда трудно объяснить, зачем текст вообще подвергался правке. Этот тип исправлений вызывает определенные трудности при принятии решения, какой вариант включать в переиздание.

2. Есть ряд изменений, которые улучшили качество стихов в том или ином аспекте. Прежде всего, речь идет об общем повышении грамотности текста за счет постановки отсутствующих в рукописном варианте «нужных» запятых. Есть и целесообразные лексические исправления. Так, в рукописи стихотворения «Нива бобыля» встречаются маловразумительные строки: *И в кампанию турецкую / Пал он грудью молодецкую!* В издании Клочковского обоснованно изменен последний стих: *Пал он смертью молодецкою*.

Все подобные исправления следует учитывать при переиздании.

3. В большинстве случаев произведенная правка ухудшила текст. Так, в стихотворении «Богоматери» строки *И спаси православный народ, / Утешение в скорбях пошли!* заменены на *И спаси христианский народ, / Им отраду в печалих пошли!* Вполне допустимы родовидовая замена *православного христианским*, замена *утешения в скорбях* на синонимичное *отраду в печали*, но неуместно «неграмотное» употребление местоимения *им* по отношению к народу.

В стихотворении «На спасения стези» традиционное обращение к Богоматери *Пречистая* заменено столь же традиционным *Владычица*, однако этой,

казалось бы, равноценной заменой разрушена антитеза, на которой держалось стихотворение: я, нечистый — Ты, Пречистая, поэтому и обращаюсь к Тебе за помощью, дабы Твоими молитвами и собственными слезами *омыть смрад души*.

После правки существенно изменилось настроение стихотворения, вошедшее в Собрание сочинений под названием «Тоже жизнь», а в рукописи, как уже было сказано, названное «Песни горя». В первоначальном варианте было:

*А досуга порой
Вдохновенной душой
Сочиняем стихи благозвучные:
Я все юность пою,
Вспоминая свою
Жизни радость былую свободную <...>¹*

Здесь грусть проскальзывает лишь в упоминании о *былой радости*, подчеркнем — автор дает понять, что радость все же была. В печатном варианте строки всеобъемлюще тоскливы:

*А досуга порой
Вдохновенной душой
Сочиняем стихи благозвучные.
Я уныло пою,
Вспоминая свою
Юность горькую, жизнь несвободную ... (С. 54)*

Вместо *я пою — уныло пою*, вместо *юность — юность горькая, жизни радость былая свободная* — становится *жизнью несвободной*. Под рукой неизвестного редактора стихотворение безнадежно «темнеет».

Говоря о стихотворении «У плащаницы», мы отмечали появление в печатном варианте большого и хорошего фрагмента, а со стихотворением «Весна идет» было произведено прямо противоположное действие: из рукописного варианта, состоящего из пяти четверостиший, изымаются две строфы (срединная и финальная). Это обедняет и в целом искажает смысл стихотворения.

Изначально стихотворение выглядело так: первая и вторая строфы — о весне (сначала дано ее персонифицированное описание: подобна молодой и прекрасной царице в роскошном одеянии, затем сказано о том, как приветствует ее приход природа: раздастся птичий хор, луга устилают цветами путь, нежно обвеивает ветерок и т.д.). В третьей строфе образ весны уступает центральное место другому образу — поэта. Воодушев-

¹ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

ленный радостью, которой пронизано все вокруг, поэт *про весну сам запел от души*. В четвертой и пятой строфах вновь происходит смена центрального образа, теперь это крестьянин, который встречает весну, работая в поле: *За сохой на своей полосе, / Он молился весенней красе <...>*. К концу стихотворения силы жизни, пробуждаемые весной, поэтическое вдохновение соединяются с темой труда и молитвы и озаряются единым пафосом радости и веры в жизнь:

*И забыв все бывшие невзгоды,
И любясь красою природы,
Он с надеждою тайной в груди
Видел лучшую жизнь впереди.¹*

В Собрание сочинений это стихотворение вошло без двух катренов — третьего (полностью исключена тема поэтического творчества) и финального (жизнеутверждающего).

*Как царица, роскошно одета,
В ореоле блестящего света,
Жизнерадостной неги полна,
К нам идет молодая весна!
Ее с песней хор пташек встречает,
Луг цветами ей путь устилает,
Обвевает густой ветерок
И лепечет привет ручеек.
Но красавице рад был всех боле
Селянин: с нею встретясь на поле,
За сохой, на своей полосе,
Он молился весенней красе... (С. 39-40)*

Чем можно объяснить подобное сокращение текста, из-за которого сложное переплетение тем, подчеркнем — принципиально важное для всей лирики Псалмова (природа — творчество — физический труд), «выпрямилось» в линейное и хорошо известное сочетание темы природы и крестьянского труда? Так же непонятно, с какой целью (в стихе *Ее с песней хор птичек встречает*) *птички* заменены *пташками*?

Мы отмечали, что в рукописи в нужных местах отсутствуют знаки препинания и правка делает текст более грамотным. Но и здесь не обошлось без «ухудшающих» изменений. К таковым можно отнести, например, постановку тире в конце первого стиха в таком двустишии: *Как бедный узник из темницы — / Стремится в храм священный Твой*. В ряде случаев запятые в рукопи-

¹ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3488.

си заменены восклицательными знаками и многоточиями, что существенно сказывается на экспрессии стиха и интонации.

Примеров «неблагоприятного воздействия» на текст можно привести еще более десятка. Ограничимся теми, что уже привели, и перейдем к итоговым рассуждениям.

Добавление фрагментов в несколько стихов или строф мы склонны считать авторской правкой. Большинство убавлений, синтаксическая правка, замена отдельных слов, повлиявшая на смысл фрагмента или целого стихотворения, — укрепляют нас в мысли о работе некоего внешнего редактора, вмешательство которого сказалось и в графическом оформлении текстов, и на их расположении в книге. Последнее хочется оговорить особо: в рукописной тетради сначала идут духовные стихи, потом, условно говоря, «крестьянские», в Собрании сочинений — наоборот: то, что наглядно отличает Псальмова от привычных крестьянских поэтов, «запрятано» в глубь книги (раздел «Духовные стихи» идет шестым), а первыми поставлены два раздела под общим названием «Песни горя». Думается, что в большей степени именно композиция Собрания сочинений повлияла на одностороннее восприятие произведений Псальмова в русле крестьянской поэзии, где ему уготована теньевая роль одного из многочисленных последователей Кольцова.

Проведенный интертекстуальный анализ стихотворений из рукописной тетради и соответствующих текстов из издания Клочковского показал, что не следует переиздавать книгу 1914 года, необходима подготовка новой книги, с иной композицией, с текстами в «лучшей» редакции, с комментариями по поводу «неоднозначных» мест, с включением стихотворений, не попавших по какой-то причине в предыдущее Собрание.

Гервасий Псальмов долгие годы безрезультатно пытался издать книгу своих произведений, посылал стихи в газеты, журналы или лично образованным и влиятельным людям, надеясь на поддержку.

Посмертное издание его стихотворений Клочковским — это вторая, тоже оказавшаяся неудачной, попытка представить творчество Псальмова читателю.

При подготовке современного издания стихотворений Гервасия Псальмова¹ делалось все возможное, чтобы его поэзия обрела своего читателя и была оценена по заслугам.

¹ Научно-исследовательский проект «Сочинения Гервасия Псальмова: подготовка текста, исследование, комментарий» в 2012 году был представлен на региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее», проводимый РГНФ и Администрацией Смоленской области, и поддержан двухгодичным грантом (№13-14-67002). В 2013 году Администрация Смоленской области выделила деньги для издания сборника стихотворений Г.Е. Псальмова. См.: Гервасий Псальмов. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. 160 с.

ОБ ОФОРМЛЕНИИ КНИГИ «ГЕРВАСИЙ ПСАЛЬМОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ»

Художник-иллюстратор оформляет печатные издания. Самой первой моей задачей было именно это – оформить печатное издание, создать серию тематических иллюстраций к литературному произведению. Помимо того что иллюстратор должен быть художником – владеть техникой рисования, работать с помощью разных художественных материалов, создавать неповторимые изображения с присущими чертами авторского стиля, – иллюстратор должен быть еще и хорошим читателем, он должен переложить словесный замысел автора на язык визуального искусства. Художник при создании книги как материальной вещи – соавтор поэта или писателя. Авторы литературных произведений очень внимательно относятся к художественному оформлению своих творений. Манера исполнения, стиль должны соответствовать стилю литературного текста. Необходимо сформировать облик реально существовавшего человека, этот образ должен объективно соответствовать представлениям других людей, земляков, создателей книги.

Явление Гервасия Псальмова загадочно, непостижимо разуму современно-го человека. «Поэт, педагог и регент хора, живописец, а еще было столярное дело, занятия иностранными языками, умение составлять чертежи и многое другое», – пишут биографы¹. Как все это можно реализовать выходцу из беднейшей крестьянской семьи, проживая в деревне, занимаясь крестьянским трудом? Отсутствие ответов на все эти вопросы всегда приводит к мысли о Божьем промысле.

*И сердце чует: надо мною
Летают ангелы святые,
Кропя цветочки золотые
Алмазно-чистой росой...²*

Образ самого поэта, его материальная сущность достаточно условна. Его рост, пластику, особенности движений трудно восстановить по одной фотографии³. Фотография – это очередная загадка. Удивительно красивое, благородное лицо, высокий лоб, обрамленный вьющимися волосами, грустные выразительные глаза.

Художник-иллюстратор работает почти так же, как театральный художник – создает декорации к действию. А «декорации» требуют серьезного изучения

¹ Иеромонах Хрисанф (Шадронов), Павлова Л.В. «Этой жизни ярмо многотрудное»: о поэте Гервасии Псальмове // Гервасий Псальмов. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. С. 8.

² Псальмов Г. Е. За пашней // Гервасий Псальмов. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. С. 19.

³ Единственная известная на сегодняшний день фотография Гервасия Ефремовича Псальмова помещена на фронтисписе данной монографии.

предмета: нужно основательно погружаться в тему. Лишь от меня зависит, как будут выглядеть персонажи. Опираясь на текст, я должна самостоятельно принять все решения: что носят герои, как они двигаются, как себя ведут. Источником этнографического материала послужили сохранившиеся фотографии Е.Н. Клетновой¹ о жизни крестьян Смоленщины в XIX веке², работы художника Н.П. Богданова-Бельского³, истоки творчества и вдохновения которого так близки Гервасию Псальмову, а учитель на картине «У больного учителя» так напоминает Гервасия Псальмова. И скрипка на стене...

Обращаясь к творческому прочтению литературного произведения, художник стремится определить, чьими глазами увиден тот мир, в котором живут и действуют герои, с точки зрения каждого попробовать посмотреть на все то, что изобразил в словесных образах писатель.

Я хотела сделать страницы книги естественными для звучания стихов. Все творчество поэта, каждая строка стихотворения – суть того места, где они родились: природа и ее явления, птицы, растения. Природа Смоленщины – это то, что осталось неизменным за прошедшее время. В каждом стихотворении Псальмова, даже если оно начинается эмоциями восторга, умиления, присутствует грустная мелодия:

*Нивы глинистые тощи,
Мохом луг покрыт,
Ни реки, ни гор, ни рощи –
Скучный, жалкий вид!⁴*

Многослойность личности поэта хотела подчеркнуть, выбрав для пяти страничных иллюстраций композиционный прием, разработанный В.А. Фа-

¹ Клетнова Екатерина Николаевна (1869 – 1937) – краевед, археолог, геолог, литератор, педагог. Автор работ «Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда» (1911), «Археологические разведки Вяземского уезда» (1915), «Изучение родного края» (1918), «Великий гнездовский могильник» (1925), «Символика народных украс Смоленского края» (1924) и др.

² См.: Модестов Ф.Э. Смоленский этнографический альбом. Вып. 2. Крестьянский и помещичий быт 1850 – 1917 гг. Смоленск, 2004.

³ Богданов-Бельский Николай Петрович (1868 – 1945) – русский художник-передвижник, учился у В.Д. Поленова, В.Е. Маковского, И.М. Прянишникова. И.Е. Репина. Уроженец смоленской деревни Шепотово, при крещении был записан Богдановым, позднее присоединил к фамилии название родного уезда. Начальное образование получил в двухклассном училище в родной деревне, затем – в селе Татеве в народной школе, основанной известным педагогом С.А. Рачинским, который первым обратил внимание на его художественные способности и обеспечил средствами для учебы. Многие работы художника посвящены деревенским детям и школе: «Устный счет» (1896), «У дверей школы» (1897), «У больного учителя» (1897), «Сочинение» (1903), «Новички» (1904), «Именины учительницы» (1911) и др.

⁴ Псальмов Г.Е. На родине // Гервасий Псальмов. Стихотворения. Смоленск: Свиток, 2013. С. 59.

ворским¹. Он разработал систему композиционных приемов для передачи действия, длящегося во времени:

- совмещение в пределах одной композиции изображений событий, совершающихся в разное время и в разных пространственных планах;
- принцип «повествовательных» серий: начало действия в заставке — узловые моменты в страничных и разворотных иллюстрациях — маленькие иллюстрации прямо напротив соответствующего текста — завершение действия в концовке.

Событие, длящееся во времени, может быть изображено по-разному: реалистично и метафорично (с применением символики и аллегии).

Создавая орнаментальную систему убранства книги, для выявления архитектоники выполнены заставки, которые по своему содержанию должны дополнять характерными знаками рассказ об авторе, его мире. Рисунок шрифтов и орнамент, его расположение и стилистические особенности используются для того, чтобы ввести читателя в стиль эпохи, которой посвящено данное произведение, усилить эмоциональное восприятие художественного слова.

Жизнь и деятельность Гервасия Псальмова соответствует представлениям о христианском подвиге. Вера в бога, несомненно, делала его жизнь осмысленной, давала силы сочетать высоту духовных помыслов с тяжелым физическим трудом. Кажется не случайным, что вернул имя и творчество поэта его потомкам и землякам православный священник. Явление поэта Гервасия Псальмова в двадцатом веке в очередной раз убеждает, что рукописи нетленны.

¹ Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Советский художник, 1988.

Научное издание

**ГЕРВАСИЙ ПСАЛЬМОВ:
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА**

Коллективная монография

Выпускающий редактор *И. Флиманкова*

Технический редактор *М. Алейник*

Корректор

ИП И.А. Флиманкова
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewtonС». Печ. л. 9,5
Тираж 000 экз. Заказ №